

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 2002 г.

ISSN 1994-0637

Вестник

ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

6/2017

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс 94096

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 6 (81) • 2017

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2017

Выход в свет: № 6 (81) • 2017 • ДЕКАБРЬ. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 05.13.00 Информатика, вычислительная техника и управление
05.14.00 Энергетика
10.01.00 Литературоведение
10.02.00 Языкознание
13.00.00 Педагогические науки

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ №ФС77-66463 от 14.07.2016 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОРЫ: Н.Г. МЕЛЬНИКОВА, А.Н. ЛАРИОНОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДУХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: В.В. ЧИСТЯКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

 CYBERLENINKA

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

 Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

 EBSCO
Discovery Service

 BASE

 RePEc

 Google
scholar

 OCLC
WorldCat

 СОЦИОНЕТ

 ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

 OpenAIRE

 EBSCO
A-Z

Адрес издателя, редакции, типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© ФГБОУ ВО «Череповецкий
государственный университет», 2017

**CHEREPOVETS
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN**

Scientific journal established in December 2002

№ 6 (81) • 2017

TECHNOLOGY
PHILOLOGY
PEDAGOGY

Cherepovets
2017

Date of publication: № 6 (81) • 2017 • DECEMBER. Comes out six times a year.

"Cherepovets State University Bulletin" is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal "Cherepovets State University Bulletin" has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 05.13.00 Information Technology, Computer Engineering and Management

05.14.00 Power Engineering
10.01.00 Literature Studies
10.02.00 Linguistics
13.00.00 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University", a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

Registration certificate PI №FS77-66463 issued July 14, 2016, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: N.I. Shestakov, Doctor of Science in Engineering, professor, Honored Figure of Russian Higher Education of the Russian Federation

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

YAKOVLEVA E.V., Doctor of Science in Pedagogics, professor (Cherepovets State University)

CHERNOV A.V., Doctor of Science in Philology, professor, deputy chief editor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITORS: N.G. MELNIKOVA, A.N. LARIONOVA

COMPUTER DESIGN: M.N. AVDIUKHOVA

TRANSLATOR: V.V. CHISTYAKOVA

EXECUTIVE EDITOR: N.A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

CYBERLENINKA

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЦИФРОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

RePEc

Google
scholar

OCOLC
WorldCat

СОЦИОМЕТ

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-10-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Cherepovets State University", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Баринов А.Ю., Асеев А.Ю.</i> Модифицированная математическая модель системы генерирования перемеженной дискретной последовательности турбоподобного кода.....	9
<i>Генкин А.Л., Гинсберг К.С.</i> К проблеме структурной идентификации для цели создания реальной системы автоматического управления с требуемыми свойствами	19
<i>Еришов Е.В., Виноградова Л.Н., Варфоломеев И.А., Пыж С.В., Осколков В.М., Еришова Т.В.</i> Программное и аппаратное обеспечение для реабилитации детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата	25
<i>Кожжевников С.О., Блинов О.В., Еришов С.В., Кузнецов В.Б.</i> Моделирование профиля окружной скорости жидкости в аппарате с мешалкой	33
<i>Синицын Н.Н., Телин Н.В., Виноградова М.С., Гаркавченко Э.В., Гневашева Т.В., Кузнецова В.П., Павлова А.И.</i> Исследование возможностей и оценка времени сушки древесной коры отходящими высокотемпературными дымовыми газами котельных агрегатов	39
<i>Толпегин О.А., Литвинова П.Ю.</i> Управление малым космическим аппаратом с использованием двигателя-маховика на основе метода управления с поводом	44

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Воронина Т.Н.</i> «Домашней жизни чудеса» в лирике В.Т. Шаламова	53
<i>Веселова В.А.</i> Статья Н.Д. Ахшарумова о пьесе А.Н. Островского «Воспитанница» в контексте литературной критики 1860-х годов	60
<i>Ганичева С.А.</i> Стрекотание сверчка в диалектной языковой картине мира	66
<i>Голушин И., Иванова Е.М.</i> Еще раз к вопросу о родительном падеже множественного числа существительных (из практики преподавания русского языка как иностранного)	71
<i>Громыко С.А.</i> Рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи (на материале выступлений русских националистов)	80
<i>Ильина Е.Н.</i> «Лингвистический код» региональной идентичности жителей Вологодского края в динамическом аспекте	85
<i>Кириллова И.Ю.</i> Своеобразие драматургии Бориса Чиндыкова: характер конфликта, типологические особенности персонажей, жанровая динамика	92
<i>Ковалев Н.А.</i> Метафорика холодной войны в диахроническом аспекте (на материале СМИ США)	97
<i>Красильников Р.Л.</i> Современная российская литература и интернет: проблемы взаимодействия	105
<i>Лаврова С.Ю.</i> Литературный критик XIX века Н.Д. Ахшарумов об этнической ментальности в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»	113
<i>Мелихов М.В.</i> Жанрово-тематический состав рукописных сборников писателя-старообрядца С.А. Носова	121
<i>Огрохина Е.А.</i> О речевом слове в современном немецком языке	128
<i>Рябчикова Е.Е.</i> Образ южноамериканской цивилизации в творчестве Ивлиана Во (книга путевых очерков «Девяносто два дня» и роман «Пригоршня праха»)	133
<i>Софронова И.В., Якимова Е.Р.</i> Синтез восточного и чувашского в рубаях Н. Исмукова	137
<i>Федорова А.В.</i> Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В.И. Белова «Привычное дело»	143

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеев А.Е.</i> Формирование профессиональной компетентности специалистов инженерно-технического профиля в условиях лабораторного практикума по физике	150
<i>Вепрева Т.Б.</i> Расширение вокабуляра магистрантов неязыковых направлений подготовки при помощи он-лайн ресурсов	161

<i>Гуцинская М.В.</i> Профилактическая система обучения письму школьников с предикторами регуляторной и зрительно-пространственной дисграфии	167
<i>Карпенко А.В.</i> Роль лингводидактики в формировании языковых коммуникативных компетенций	174
<i>Мальшев К.Б., Неволina О.Ю.</i> Применение психологических типологий в анализе образов персонажей на уроках литературы в школе	180
<i>Чарушина Е.И.</i> Организация профориентационной работы в высшей школе: аспекты, проблемы, решения	190
<i>Шарапов А.В.</i> Психолого-педагогические признаки и типология экстремистской направленности личности	196
<i>Шонин М.Ю.</i> Развитие познавательной активности учащихся на основе системного подхода	205

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

«Согреет всех мое бессмертье...»: научная конференция, посвященная 130-летию И. Северянина	211
--	-----

ЮБИЛЕЙ

Зотею Константиновичу Кабакову 75 лет!	213
Информация для авторов	215

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Barinov A.Y., Aseev A.Y.</i> Modified mathematical model of system generating turbo-like interleaved discrete code sequence	9
<i>Genkin A.L., Ginsberg K.S.</i> To the problem of structure identification for the purpose of creation of real automatic control system with required properties	19
<i>Ershov E.V., Vinogradova L.N., Varfolomeev I.A., Pyzh S.V., Oskolkov V.M., Ershova T.V.</i> Software and hardware for the development of children with diseases of musculoskeletal systems	25
<i>Kozhevnikov S.O., Blinov O.V., Ershov S.V., Kuznetsov V.B.</i> Simulation model of the profile of the circumferential speed of liquid in the apparatus with stirrer	33
<i>Sinitzyn N.N., Telin N.V., Vinogradova M.S., Garkavchenko E.V., Gnevacheva T.V., Kuznetsova V.P., Pavlova A.I.</i> Investigation of opportunities and evaluation of time of wood crude drying with waste high-temperature smoke gases of boiler units	39
<i>Tolpegin O.A., Litvinova P.J.</i> A small spacecraft control with the use of flywheel on the basis of the control method with a guide	44

PHILOLOGY

<i>Voronina T.N.</i> "Miracles of home life" in the lyrics by V.T. Shalamov	53
<i>Veselova V.A.</i> Article by N.D. Akhsharumov on the play by A.N. Ostrovsky <i>a protégée of the mistress</i> in the context of literary critics of the 1860-ies	60
<i>Ganicheva S.A.</i> Crickets' chirping in the dialect language picture of the world	66
<i>Golushin I., Ivanova E.M.</i> ON The problem of the plural nouns genitive case (from experience of teaching russian as a foreign language)	71
<i>Gromyko S.A.</i> Rational argumentation in national duma at the beginning of the twentieth century (as exemplified in the speeches of russian nationalists)	80
<i>Ilyina E.N.</i> "Linguistic key" of the Vologda region inhabitants identity in its dynamics	85
<i>Kirilova I.Y.</i> Analysis of Boris Chindykov's dramaturgy: nature of conflict, characters' typological features and genre dynamics	92
<i>Kovalev N.A.</i> Cold war metaphors in the diachronical aspect (evidence from USA mass media)	97
<i>Krasilnikov R.L.</i> Modern russian literature and the internet: problems of interaction	105
<i>Lavrova S.Y.</i> Literary critic of the nineteenth century N.D. Akhsharumov on ethnic mentality in the novel by L.N. Tolstoy's "War and peace"	113
<i>Melikhov M.V.</i> The genre and theme of the manuscript collections of old believer writer S.A. Nosov	121
<i>Ogrokhina E.A.</i> Concerning the speech word in the modern german language	128
<i>Ryabchikova E.E.</i> Image of south american civilization in Evelyn Waugh's works (travelogue "Ninety-two days" and novel "A handful of dust")	133
<i>Sofronova I.V., Yakimova E.R.</i> The synthesis of eastern and chuvash in rubah by N. Ismukov	137
<i>Fedorova A.V.</i> Children's role-playing game as the method of gender modeling in the story of V.I. Belov "An ordinary affair"	173

PEDAGOGY

<i>Alekseenko A.E.</i> Formation of professional competence of technical experts within laboratory session on physics	150
<i>Vepreva T.B.</i> Vocabulary growth of master students of non-linguistic areas using online resources	161

<i>Gushchinskaya M.V.</i> Preventive system of teaching writing to students with predictors of regulatory and visual-spatial dysgraphia	167
<i>Karpenko A.V.</i> The role of lingvodidactics in language communicative competencies formation	174
<i>Malyshev K.B., Nevolina O.Y.</i> The use of psychological typologies for the analysis of book characters at school literature classes	180
<i>Charushina H.I.</i> Organization of career guidance in higher education: aspects, problems, solutions	190
<i>Sharapov A.V.</i> Psychological and pedagogical signs and typology of extremist personality	196
<i>Shonin M.Y.</i> Development of students' cognitive activities based on the system approach	205

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

“My immortality will warm the hearts...”: Scientific conference dedicated to the 130-th anniversary of Igor Severyanin	211
--	-----

JUBILEE

<i>Kabakov Zotey Konstantinovich is 75!</i>	213
For the authors' attention	215

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-1
УДК 621.391

© **Баринов А.Ю., Асеев А.Ю., 2017**

Баринов Антон Юрьевич

Научный сотрудник,
Череповецкое высшее военное инженерное
училище радиоэлектроники
(Череповец, Россия)
E-mail: aybarinov@mail.ru

Barinov Anton Yurievich

Research associate, Cherepovets Higher
Military Engineering School of Radio
Electronics
(Cherepovets, Russia)
E-mail: aybarinov@mail.ru

Асеев Алексей Юрьевич

Кандидат технических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: passionarii@rambler.ru

Aseev Aleksey Yurievich

PhD in Technical Sciences, Associate
Professor, Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: passionarii@rambler.ru

**МОДИФИЦИРОВАННАЯ
МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
СИСТЕМЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ
ПЕРЕМЕЖЕННОЙ ДИСКРЕТНОЙ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ
ТУРБОПОДОБНОГО КОДА**

**MODIFIED MATHEMATICAL
MODEL OF SYSTEM
GENERATING TURBO-LIKE
INTERLEAVED DISCRETE CODE
SEQUENCE**

Аннотация. В статье приводится описание модифицированной математической модели системы, в рамках которой в условиях априорной неопределенности должен быть идентифицирован компонентный перемежитель турбоподобного кода (ТК). Предложенная модель отличается тем, что описывает структуру перемеженной дискретной последовательности в компактном виде с учетом перестановок перемежителя. Данная особенность позволяет разбить задачу идентификации перемежителей ТК на подзадачи малого размера. Разработаны свойства модифицированной математической модели, применение которых позволяет осуществлять правильную идентификацию перемежителей ТК в условиях помех.

Abstract. The article describes modified mathematical model of the system identifying turbo-like code component interleaver in a priori uncertainty context. Suggested model differs as it describes interleaved discrete sequence structure in compact form taking into account interleaver permutations. This feature allows to separate turbo-like interleaver identification task into smaller subtasks. The modified mathematical model properties are significant for correct identification of turbo-like code interleavers in the presence of high noise.

Ключевые слова: турбоподобный код, турбокод, перемежитель, генерирование, перфорация, идентификация, помехи

Keywords: turbo-like code, turbocode, interleaver, generation, puncturing, identification, noise

Введение

В дискретных последовательностях (ДП) современных систем спутниковой связи (ССС) активно применяется помехоустойчивое кодирование. Это напрямую связано с высокой системной ценностью энергетического выигрыша от кодирования, за счет

которого можно уменьшить размеры антенн, снизить энергопотребление, повысить надежность связи и т.д.

Благодаря своей высокой исправляющей способности, широкое распространение в ССС получили турбоподобные коды (ТК) [7], которые можно разделить на три основных класса: сверточные турбокоды (ТКС) [10]; блочные турбокоды [12]; аккумуляторные низкоплотностные помехоустойчивые коды (АНК) [11]. Отличительным признаком ТК является то, что они построены на основе нескольких относительно простых компонентных кодеров, соединенных через перемежители, а также применение итеративного декодирования.

Особенностью обработки ДП с ТК (ДПТК) является априорная неопределенность относительно характеристик ТК. Следовательно, задача анализа ДПТК заключается в выявлении характеристик компонентных кодеров и перемежителя, т.е. вектора перестановок $\Pi_{[K]} = [\pi(1), \pi(2), \dots, \pi(K)]$.

Однако если вопросам анализа компонентных кодов посвящено много работ [1], [9], то анализ перемежителей для ТК в условиях помех в канале связи представляет собой сложную и до конца нерешенную задачу. Следовательно, неизвестный перемежитель является критическим компонентом, из-за которого ТК в условиях помех не выявляется. При этом наибольшую трудность представляет анализ перемежителей для ТКС и АНК, поскольку именно в данных ТК используют псевдослучайные перемежители [7], где может быть использован почти любой из $K!$ вариантов перестановок. K – размер информационного кадра ТК, который имеет величину до нескольких десятков тысяч бит.

Анализ объективных научных предпосылок к решению данной задачи позволил выдвинуть предположение о возможности повышения вероятности правильного выявления перемежителей ТК путем исследования наблюдаемых ДП на входе и выходе кодера ТК. Решение задачи таким способом составляет предмет теории идентификации систем [6]. Согласно данной теории, в первую очередь, необходимо разработать математическую модель системы, в рамках которой должен быть найден вектор перестановок компонентного перемежителя ТК.

Цель работы – систематизировать и обобщить результаты, полученные в [3], [5], для разработки модифицированной математической модели системы генерирования перемеженной ДПТК.

Основная часть

Математическая модель разрабатывалась для ТКС и АНК, так как их перемежители представляют наибольшую трудность для анализа. В работе рассматриваются систематические ТК, т.е. в условиях, когда имеется доступ к искаженным канальными ошибками ДП на входе (систематическая (информационная) часть) кодера и выходе (проверочная часть) кодера.

Общий вид исследуемой системы изображен на рис. 1, где СК – сверточный кодер, РСК – рекурсивный сверточный кодер, перфоратор означает удаление определенных бит ДП.

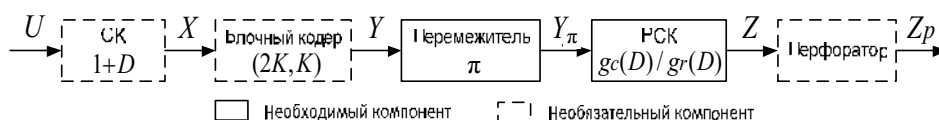

Рис. 1. Обобщенная система генерирования перемеженной ДПТК

Все операции в данной системе выполняются в поле $GF(2)$ над двоичными данными «логическими нулями и единицами» («лог. 0» и «лог. 1»), объединенными в блоки фиксированной длины, т.е. ДП U, X, Y, Y_π, Z, Z_p (см. рис. 1) представляют собой блоки из соответствующих бит. Например, блок информационной ДП на входе ТК имеет вид $U_{[K]} = [u_1, u_2, \dots, u_K]$.

В настоящей работе учитываются наиболее важные характеристики системы на рис. 1, а также тот факт, что на практике для повышения скорости передачи часто удаляют каждый второй бит проверочной ДП. Тогда исследуемая система примет вид, изображенный на рис. 2, где кодер РСК представлен как регистр сдвига с прямыми и обратными связями и характеризуется полиномом

$$g_c(D) / g_r(D) = (g_{c_0} + g_{c_1}D + \dots + g_{c_m}D^m) / (g_{r_0} + g_{r_1}D + \dots + g_{r_m}D^m), \quad (1)$$

где m – регистровая память РСК (для ТК характерно значение $m \leq 4$ [13]); $g_{c_0}, g_{c_1}, \dots, g_{c_m}$ и $g_{r_0} = 1, g_{r_1}, \dots, g_{r_m}$ – коэффициенты, соответствующие отводам регистра сдвига кодера РСК, т.е. в том месте регистра сдвига, где имеется отвод, коэффициенту присваивается значение единицы, а там, где отвод отсутствует, коэффициенту присваивается значение нуля.

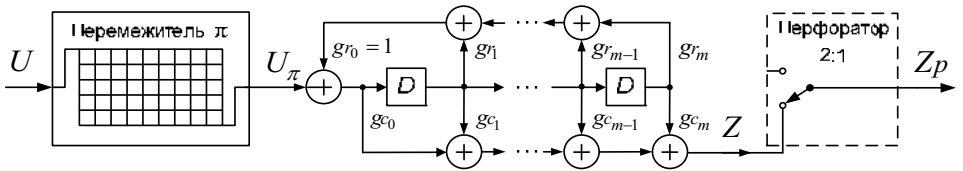

Рис. 2. Система генерирования перемеженной ДПТК

Из структуры системы, приведенной на рис. 2, можно сделать вывод о том, что коэффициент $g_{r_0} = 1$ и коэффициент $g_{c_0} = 1$.

В работе используется следующее обозначение кодера РСК (на рис. 2): $(n_c, g_c(D)_8, g_r(D)_8)$, где $n_c = m + 1$ – кодовое ограничение. Двоичные коэффициенты записываются в ряд согласно порядку $g_{c_0}, g_{c_1}, \dots, g_{c_m}$ и $g_{r_0}, g_{r_1}, \dots, g_{r_m}$, далее конвертируются в восьмеричное представление последовательными триадами, начиная с крайнего правого бита (например, 11101_2 представится, как $011\ 101$ и конвертируется в 35_8).

Известная математическая модель исследуемой системы представляет собой следующую дискретную свертку [13]

$$z_i = \sum_{q=0}^{i-1} g_q u_{\pi(i-q)}, \quad i = 1(1)K, \quad (2)$$

и при наличии компоненты перфорации имеет вид

$$z_{p_{i/2}} = \sum_{q=0}^{i-1} g_q u_{\pi(i-q)}, \quad i = 2(2)K, \quad (3)$$

где K – размер блока ДП на входе системы, g_0, g_1, \dots, g_{K-1} – импульсная характеристика кодера РСК $g_c(D) / g_r(D)$.

Бесконечная импульсная характеристика РСК означает, что при размере входного блока $K = 10^3 \div 10^5$, каждый из проверочных бит z_i в (2) и $z_{p_{i/2}}$ в (3) может зависеть от нескольких (десятков) тысяч входных бит.

В результате исследований выяснено, что приведение зависимостей (2), (3) к модифицированному компактному виду является предпосылкой для устранения эффекта размножения ошибок при идентификации перемежителя.

Для этого предлагается выполнять кодирование блоков проверочных бит на выходе системы при помощи полинома обратной связи РСК вида $g_r(D)$.

Тогда кодирование блока $Z_{[K]} = [z_1, z_2, \dots, z_K]$ кодером $g_r(D)$ приводит к блоку $Z_{c_{[K]}} = [z_{c_1}, z_{c_2}, \dots, z_{c_K}]$ и осуществляется как

$$z_{c_i} = \sum_{q=0}^m g_{r_q} z_{i-q}, \quad i = 1(1)K. \quad (4)$$

С другой стороны, каждый бит блока $Z_{c_{[K]}}$ можно представить в виде

$$z_{c_i} = \sum_{q=0}^m g_{c_q} u_{\pi(i-q)}, \quad i = 1(1)K. \quad (5)$$

Уравнение (5) представляет собой модифицированную математическую модель исследуемой системы, где, в отличие от (2), каждый выходной бит является суммой нескольких ($\leq m$) входных бит, независимо от длины K .

В ходе наблюдений можно получить выборку из M блоков $U_{[K]}$ (взятых с систематического выхода ТК) и соответствующих им блоков $Z_{c_{[K]}}$, т.е. две матрицы $U_{[M,K]}$ и $Z_{c_{[M,K]}}$. Тогда, если в (5) перейти от бит к столбцам матриц и учесть, что $g_{c_0} = 1$, то справедливо свойство модели

$$U_{\pi(i)}^{sim} = Z_{c_i} + \sum_{q=1}^m U_{\pi(i-q)} g_{c_q}, \quad i = 1(1)K, \quad (6)$$

где $U_{\pi(i)}$ – $\pi(i)$ -й столбец матрицы $U_{[M,K]}$; Z_{c_i} – i -й столбец матрицы $Z_{c_{[M,K]}}$, знак *sim* (сокр. от simulate) здесь и далее по тексту является обозначением моделирования.

В результате детального анализа (см. рис. 3) матриц из уравнения (8) получено, что каждый бит блока $Z_{pc_{i/2}}$ можно представить в виде

$$z_{pc_{i/2}} = \sum_{q=0}^{2m} g_{p_q} u_{\pi(i-q)}, \quad i=2(2)K, \quad (9)$$

где $g_{p_0}, \dots, g_{p_{2m}}$ – коэффициенты, вычисляемые следующим образом

$$g_{p_q} = \sum_{j=0}^m g_{r_j} g_{q-2j}, \quad q=0(1)2m, \quad (10)$$

где $g_0 - g_{2m}$ первые $2m+1$ бит импульсной характеристики РСК вида $g_c(D) / g_r(D)$.

Уравнения (9) и (10) представляют собой модифицированную модель исследуемой системы для случая ТК с перфорацией, где, в отличие от (3), каждый выходной бит является суммой нескольких ($\leq 2m$) входных бит, независимо от длины K .

Переход от бит к столбцам высоты M в (9), а также анализ распределений коэффициентов $g_{p_0}, \dots, g_{p_{2m}}$ позволили выявить свойства данной модифицированной модели (в виде $(n_c, g_c(D))_8, (g_r(D))_8$) приведены примеры характерных РСК):

1) $g_{p_1} = 1$: (2, 1, 2), (3, 5, 7), (4, 13, 15), (5, 21, 37), (5, 23, 35)

$$(U_{\pi(i)} + U_{\pi(i-1)})^{sim} = Z_{pc_{i/2}} + \sum_{q=2}^{2m} U_{\pi(i-q)} g_{p_q},$$

2) $g_{p_1} = 0, g_{p_3} = 1$: (4, 12, 13), (4, 15, 17), (5, 21, 27), (5, 31, 33)

$$(U_{\pi(i)} + U_{\pi(i-3)})^{sim} = Z_{pc_{i/2}} + U_{\pi(i-2)} g_{p_2} + \sum_{q=4}^{2m} U_{\pi(i-q)} g_{p_q},$$

3) $g_{p_1} = g_{p_3} = 0, g_{p_5} = 1$: (4, 11, 13), (5, 23, 27), (5, 33, 35), (5, 36, 37)

$$(U_{\pi(i)} + U_{\pi(i-5)})^{sim} = Z_{pc_{i/2}} + U_{\pi(i-2)} g_{p_2} + U_{\pi(i-4)} g_{p_4} + \sum_{q=6}^{2m} U_{\pi(i-q)} g_{p_q}, \quad (11)$$

4) $g_{p_1} = g_{p_3} = g_{p_5} = 0, g_{p_7} = 1$: (5, 22, 23), (5, 26, 27), (5, 31, 37), (5, 32, 35)

$$(U_{\pi(i)} + U_{\pi(i-7)})^{sim} = Z_{pc_{i/2}} + U_{\pi(i-2)} g_{p_2} + U_{\pi(i-4)} g_{p_4} + U_{\pi(i-6)} g_{p_6} + \sum_{q=8}^{2m} U_{\pi(i-q)} g_{p_q},$$

...

$m+1$) $g_{p_1} = g_{p_3} = g_{p_5} = g_{p_7} = \dots = g_{p_{2m-1}} = 0$: (3, 4, 5), (4, 14, 17), (5, 20, 21), (5, 21, 25)

$$U_{\pi(i)}^{sim} = Z_{pc_{i/2}} + \sum_{q=1}^{2m} U_{\pi(i-2q)} g_{p_{2q}},$$

где $i = 2(2)K$.

Исследования показали, что свойства (11) симметричны относительно прямых и обратных связей кодера РСК, например, первое свойство справедливо как для РСК (5, 23, 35) так и для РСК (5, 35, 23), третье свойство справедливо для РСК (4, 11, 13) и для РСК (4, 13, 11).

Использование свойств (11) позволяет поэтапно построить искомый вектор перестановок перемежителя. Эффект от использования выявленных свойств основан на снижении степени влияния ошибок на результаты идентификации перемежителя, по сравнению с алгебраическим методом, основанным на решении системы линейных уравнений по Гауссу, и обеспечивается фиксированием числа данных, влияющих на идентификацию каждой перестановки.

В качестве информативного показателя идентификации перестановок перемежителя ТК выбран вес Хэмминга w_H столбца, получаемого как результат сложения столбца *sim* (т.е. смоделирован по свойствам модели) и столбца, получаемого на основе информационной матрицы $\mathbf{U}_{[M,K]}$.

Тогда показатель идентификации перестановки $\pi(i) = j$ для ТК имеет вид

$$L_i = w_H(U_{\pi(i)}^{sim} + U_j), \quad i = 1(1)K ; j = 1(1)K. \quad (12)$$

Показатель идентификации пары перестановок $\pi(i-1) = j_1, \pi(i) = j_2$ для ТК с перфорацией (вариант для РСК, попадающего под первое свойство из (11)) будет таким

$$L_{i/2_j} = w_H((U_{\pi(i)} + U_{\pi(i-1)})^{sim} + U_{j_1} + U_{j_2}), \quad (13)$$

где $i = 2(2)K, j_1 = 1(1)K - 1, j_2 = 2(1)K, j_1 < j_2$.

В диапазонах УВЧ и СВЧ, в которых функционируют рассматриваемые в работе ССС, широко используется модель канала с аддитивным белым гауссовским шумом (АБГШ). В связи с этим, анализируемые ДП рассматриваются в условиях, когда их биты искажены с вероятностью p_e , согласно биномиальному закону распределения. Тогда критерий идентификации будет заключаться в сравнении показателя идентификации с порогом T :

$$L = f(M, p_e) \leq T, \quad (14)$$

где L – общее обозначение для показателей из (12) и (13).

При этом необходимо определить значение выборки M и порога T .

Процедуру принятия решения об идентификации перестановок предлагается реализовать на основе гипотез H_1 – объект в состоянии S_1 и H_0 – объект в состоянии S_0 .

В условиях АБГШ вероятность ложной тревоги определена как

$$P_{10} = \sum_{i=0}^T C_M^i P_u^i (1 - P_u)^{M-i}, \quad (15)$$

где P_u – вероятность появления «лог. 1» в элементе столбца-результата, вес которого является показателем идентификации L при S_0 , исследования [2] показали что $P_u \approx 0,5$.

Вместе с тем для вероятности пропуска цели P_{01} справедливо

$$P_{01} = 1 - \sum_{i=0}^T C_M^i P_e^i (1 - P_e)^{M-i}, \quad (16)$$

где P_e – вероятность появления «лог. 1» в элементе столбца-результата для подсчета показателя при S_1 , которую можно вычислить согласно уравнению

$$P_e = \frac{1 - (1 - 2P_e)^t}{2},$$

где t – количество столбцов матриц $U_{[M,K]}$, $Z_{[M,K]}$ ($Z_{p_{[M,K/2]}}$), участвующих в формировании столбца-результата, вес которого является показателем идентификации L .

Результирующие вероятности ложной тревоги и пропуска цели при идентификации перемежителя определены по правилам, применимым к серии независимых испытаний

$$P_{10\Sigma} = 1 - (1 - P_{10})^B, \quad P_{01\Sigma} = 1 - (1 - P_{01})^D,$$

где $B = K^2$, $D = K$ в случае ТК, $B = KC_K^2$, $D = K/2$ для случая ТК с перфорацией.

С учетом требований к значениям $P_{10\Sigma}$ и $P_{01\Sigma}$, (15) и (16) объединены в систему неравенств и найдены минимальные подходящие значения выборки M и порога T .

Проведенные вычислительные эксперименты показали, что в худшем случае (наличие перфорации и $t = 13$) для обеспечения высокой вероятности правильной идентификации $P_{id} \geq 0,999$ всех перестановок перемежителя ТК требуются сравнительно небольшие величины выборки. При вероятности битовой ошибки $p_e = 0,01$ для правильной идентификации перемежителя любого из рассматриваемых ТК (при $m \leq 4$) с длиной входного кадра K до 65536 бит, требуется выборка $M \leq 320$ кадров и порог $T \leq 71$. С данной выборкой, для отдельных случаев ТК, возможна правильная идентификация перемежителя, при уровне $p_e = 0,05$.

Выводы

Таким образом, предложенная модифицированная математическая модель системы генерирования перемеженной ДПТК в виде совокупности уравнений (5), (9), (10) позволила выявить новые информативные признаки (6), (11–13) и обусловила разработку нового метода и алгоритмов идентификации перемежителей ТК в условиях помех [2]–[4].

Указанная модель путем элементарных преобразований может быть скорректирована для описания любого ТК, соответствующего обобщенной системе генерирования перемеженной ДПТК.

Литература

1. Балунин Е.И., Баринов А.Ю. и др. Обнаружение и распознавание сигнально-кодовых конструкций. Методы и алгоритмы. М.: Радиотехника, 2013. 96 с.
2. Баринов А.Ю. Алгоритм идентификации помехоустойчивых кодов повторения-накопления // Успехи современной радиоэлектроники. 2017. № 9. С. 26–30.
3. Баринов А.Ю. Методы анализа турбоподобных кодов с учетом идентификации их компонентных перемежителей // Научно-технические технологии. 2016. № 12. С. 4–11.
4. Баринов А.Ю., Балунин Е.И. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017615089, опублик. 03.05.2017. Программа идентификации компонентных перемежителей турбо-подобных кодов.
5. Баринов А.Ю., Балунин Е.И., Ратушин А.П. Свойства модели дискретных последовательностей турбоподобных кодов // Антенны. 2014. № 11. С. 55–60.
6. Льюнг Л. Идентификация систем. Теория для пользователя. М.: Наука, 1991. 432 с.
7. Abbasfar A., Turbo-like Codes. Design for high speed decoding, Springer, Dordrecht, The Netherlands, 2007. 94 p.
8. Barbier J. Reconstruction of turbo-code encoders // SPIE Defense and Security Symp., Space Communications Technologies Conf., 2005, pp. 463–473.
9. Barbier J., Filiol E., Overview of Turbo-Code Reconstruction Techniques // IACR Cryptology ePrint Archive. 2009. Vol. 2009. Pp. 1–5.
10. Berrou C., Glavieux A., Thitimajshima P., Near Shannon limit error-correcting coding and decoding: Turbo codes // Proc. IEEE Int. Conf. on Communications, Geneva, Switzerland. 1993. Pp. 1064–1070.
11. Halford T.R. et al., The F-LDPC family: High-performance flexible modern codes for flexible radio // Proc. ISSSTA 2008, Bologna, Italy, 2008. Pp. 376–380.
12. Press Release, AHA announces Turbo Product Code Forward Error Correction Technology, 1998.
13. Shu Lin, Costello D., Error control coding, Pearson Prentice Hall, New Jersey, USA, 2004. 1260 p.

References

1. Balunin E.I., Barinov A.Y. et al. *Obnaruzhenie i raspoznavanie signal'no-kodovykh konstruktsii. Metody i algoritmy* [Detection and identification of the signal-code constructions. Methods and algorithms]. Moscow: Radiotekhnika, 2013. 96 p.
2. Barinov A.Y. Algorithm identifikatsii pomexoustoichivyykh kodov povtoreniia-nakopleniia [Algorithm of repeat-accumulate codes identification]. *Uspеhi sovremennoi radioelektroniki* [Achievements of Modern Radioelectronics], 2017, no. 9, pp. 26–30.
3. Barinov A.Y. Metody analiza turbopodobnykh kodov s uchetom identifikatsii ih komponentnykh peremezhitel'ey [Methods of turbo-like codes analysis in view of their component interleavers identification]. *Naukoemkie tehnologii* [Science Intensive Technologies], 2016, no. 12, pp. 4–11.
4. Barinov A.Y., Balunin E.I. *Svidetel'stvo o gosud. registratsii programmy dl'a JeVM* [Certificate on the state registration of the computer program] № 2017615089, publication 03.05.2017, Programma identifikatsii komponentnykh peremezhitel'ey turbo-podobnykh kodov [Program for identification of turbo-like codes component interleavers].
5. Barinov A.Y., Balunin E.I., Ratushin A.P. Svoistva modeli diskretnykh posledovatel'nostey turbopodobnykh kodov [The properties of model of turbo-like codes discrete sequences]. *Antenny* [Antennas], 2014, no. 11, pp. 55–60.
6. L'юнг L. *Identifikatsiia system. Teoriia dl'a pol'zovatel'ia* [System identification: theory for the user]. Moscow: Nauka, 1991. 432 p.

7. Abbasfar A., Turbo-like Codes. *Design for high speed decoding*, Springer, Dordrecht, The Netherlands, 2007. 94 p.
 8. Barbier J. Reconstruction of turbo-code encoders. *SPIE Defense and Security Symp., Space Communications Technologies Conf.*, 2005, pp. 463–473.
 9. Barbier J., Filiol E., Overview of Turbo-Code Reconstruction Techniques. *IACR Cryptology ePrint Archive*, 2009, vol. 2009, pp. 1–5.
 10. Berrou C., Glavieux A., Thitimajshima P. Near Shannon limit error-correcting coding and decoding: Turbo codes. *Proc. IEEE Int. Conf. on Communications*, Geneva, Switzerland, 1993, pp. 1064–1070.
 11. Halford T.R. et al. The F-LDPC family: High-performance flexible modern codes for flexible radio. *Proc. ISSSTA 2008*, Bologna, Italy, 2008, pp. 376–380.
 12. *Press Release, AHA announces Turbo Product Code Forward Error Correction Technology*, 1998.
 13. Shu Lin, Costello D. *Error control coding*, Pearson Prentice Hall, New Jersey, USA, 2004. 1260 p.
-

Баринов А.Ю., Асеев А.Ю. Модифицированная математическая модель системы генерирования перемеженной дискретной последовательности турбоподобного кода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 9–18.

For citation: Barinov A.Y., Aseev A.Y. Modified mathematical model of system generating turbo-like interleaved discrete code sequence. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 9–18.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-2
УДК 007: 001.8: 681.5.015

© Генкин А.Л., Гинсберг К.С., 2017

Генкин Аркадий Львович

Доктор технических наук,
старший научный сотрудник,
Институт проблем управления
им. В.А. Трапезникова РАН
(Москва, Россия)
E-mail: algenkin@yandex.ru

Genkin Arkadiy Lvovich

Doctor of Technical Sciences,
Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute
of Control Sciences of Russian
Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
E-mail: algenkin@yandex.ru

Гинсберг Константин Симонович

Кандидат технических наук,
старший научный сотрудник,
Институт проблем управления
им. В.А. Трапезникова РАН
(Москва, Россия)
E-mail: ginsberg@mail.ru

Ginsberg Konstantin Simonovich

PhD in Technical Sciences,
Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute
of Control Sciences
of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
E-mail: ginsberg@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ ДЛЯ ЦЕЛИ
СОЗДАНИЯ РЕАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
АВТОМАТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ С ТРЕБУЕМЫМИ
СВОЙСТВАМИ**

**TO THE PROBLEM OF STRUCTURE
IDENTIFICATION FOR THE
PURPOSE OF CREATION OF REAL
AUTOMATIC CONTROL SYSTEM
WITH REQUIRED PROPERTIES**

Аннотация. Предложен статистический системно-функциональный подход к проблеме структурной идентификации. Исследуются различные аспекты структурной идентификации как системного объекта. Выясняется роль человеческого фактора. Конструируется общее определение идентификации для цели создания САУ. Изучаются свойства структурно-параметрической идентификации. Приводится определение понятия о рациональной структурной идентификации для цели создания САУ.

Abstract. A statistical system-functional approach to the problem of structure identification is suggested. Various aspects of structure identification as a system object are investigated. The role of the human factor is revealed. A general identification definition for the purpose of creating an automatic control system is constructed. The properties of structure-parametric identification are studied. The definition of the concept of rational structure identification for the purpose of creating an automatic control system is given.

Ключевые слова: технический объект, система автоматического управления, идентификация, структурная идентификация, определение понятий

Keywords: technical object, automatic control system, identification, structure identification, definition of concepts

Введение

В настоящее время отсутствует единое определение общего понятия о структурной идентификации технического объекта. Тем не менее, достаточно часто под структурной идентификацией понимается процесс выбора структуры параметрической модели, на основе которой осуществляется параметрическая идентификация технического объекта, или процесс выбора типа математической модели технического объекта. Указанное общее определение, традиционное в 70–80-х годах XX в.,

задавая определенное начальное представление о структурной идентификации, сыграло значительную роль в разработке математического аппарата научной дисциплины «Идентификация систем». Однако это определение, ввиду своей предельной общности и многозначности составляющих его слов, в настоящее время оказывается малоприменимым при разработке научно-прикладных постановок проблем рациональной организации структурной идентификации, нацеленных на решение важных практических задач.

Интуитивно ясно, что общее понятие о структурной идентификации технического объекта является чрезвычайно широким по объему, а термином «структурная идентификация технического объекта» можно обозначить большое число различных по своим свойствам и количественным характеристикам процессов. Поэтому научные исследования проблемы рациональной организации структурной идентификации, в которых не изучаются отдельные виды структурной идентификации и не учитывается инженерный контекст их реализации, способны создать научное обеспечение только для реализации самых общих функций структурной идентификации. При таком общем подходе вне рамок научных исследований оказываются многие значимые для инженерной практики проблемы реальных или потенциально возможных структурных идентификаций.

Тем не менее, за последние 50 лет именно общий подход выступал в качестве доминирующей установки в научных исследованиях в области структурной идентификации технических объектов. На основе общего подхода, с опорой только на результаты математических исследований, эвристические идеи и общие принципы сконструированы практически все современные алгоритмы структурной идентификации. В работе [1] приведена библиография научных работ в области структурной идентификации, содержащая ссылки на 49 книг, 40 обзоров и 89 статей. Анализ указанных работ, а также динамика роста публикаций в данной области позволяют предположить, что возможности общего подхода как методологической основы создания алгоритмов структурной идентификации практически полностью исчерпаны.

Для формирования необходимого прикладного научного знания требуется другой подход к проблеме рациональной организации структурной идентификации. Его ключевые установки:

- перейти от исследований структурной идентификации в целом к исследованию различных видов этой идентификации, возникающих в современных инженерных практиках;
- формировать содержание конкретного вида структурной идентификации на основе учета особенностей порождающих этот вид инженерных практик и применения в исследованиях научных конкретизаций общих положений системного, функционального и статистического подходов;
- основывать разработку математических средств автоматизации функций структурной идентификации, в первую очередь, на использовании языка и математического аппарата статистического подхода.

Назовем предлагаемый подход статистическим системно-функциональным подходом к исследованию проблемы рациональной организации структурной идентификации или просто статистическим системно-функциональным подходом, если такое употребление не вызывает никаких недоразумений. Основной целью настоящей работы является иллюстрация возможностей предлагаемого подхода на примере исследования проблемы рациональной организации структурной идентификации для цели создания реальной системы автоматического управления (САУ), удовлетворяющей требованиям заказчика.

Основная часть**Рациональная структурная идентификация**

Перечислим основные конкретизации предлагаемого подхода:

- 1) рациональная структурная идентификация является системным объектом в рамках инженерной практики создания САУ, удовлетворяющей требованиям заказчика (т.е. САУ с требуемыми свойствами);
- 2) субъектом рациональной структурной идентификации является коллектив разработчиков САУ, который осуществляет практическое познание технического объекта как объекта управления, нацелен на отыскание адекватной модельной структуры технического объекта и мотивирован на создание САУ с требуемыми свойствами;
- 3) рациональная структурная идентификация является обязательным компонентом инженерной практики создания САУ в условиях отсутствия достоверного априорного знания об адекватной модельной структуре технического объекта, т.е. в условиях априорной структурной неопределенности;
- 4) концептуальная модель возможного поведения субъекта рациональной структурной идентификации задается в виде системно-функциональной модели;
- 5) модели возможного поведения высокопрофессиональных коллективов разработчиков САУ в процессе структурной идентификации рассматриваются как описание эталона поведения для других коллективов разработчиков САУ;
- 6) методы выбора наиболее предпочтительной модельной структуры из заданного набора модельных структур технического объекта целесообразно разработать на основе постановки и решения математических задач статистического синтеза.

Под модельной структурой понимается семейство математических моделей технического объекта для цели создания САУ с требуемыми свойствами, параметризованное скалярным или векторным параметром с заданным множеством допустимых значений в евклидовом пространстве. Адекватной модельной структурой называется модельная структура, на основе которой коллектив разработчиков в процессе параметрической идентификации (нацеленной на выполнение требований заказчика САУ) может определить адекватную модель технического объекта. Под адекватной моделью технического объекта понимается математическая модель, имеющая такой уровень функционального подобия моделируемому техническому объекту, при котором на ее основе можно создать реальную САУ, удовлетворяющую требованиям заказчика.

Чтобы получить общее определение рациональной структурной идентификации для цели создания САУ с требуемыми свойствами, необходимо изучить ее с точки зрения системного подхода, т.е. рассмотреть эту идентификацию как подсистему системы взаимосвязанных процессов инженерной практики создания САУ. Перечислим эти процессы. Во-первых, рациональная структурная идентификация всегда организуется как часть идентификации технического объекта. Во-вторых, рациональная структурная идентификация является подсистемой системы поиска адекватной математической модели технического объекта в условиях априорной структурной неопределенности или, другими словами, эта идентификация является частью математического моделирования технического объекта для цели создания САУ в условиях априорной структурной неопределенности. В настоящей работе считается, что данный вид математического моделирования реализуется как итерационный процесс, отражающий требования гипотетико-дедуктивного метода познания. В наиболее полном составе итерация математического моделирования включает: итерацию идентификации технического объекта; итерацию синтеза регулятора создаваемой САУ; итерацию оценивания приемлемости синтезированного алгоритма

управления для создания САУ с требуемыми свойствами. Итерация идентификации в наиболее полном составе состоит из этапа рациональной структурной идентификации и организованного после его завершения этапа параметрической идентификации. В-третьих, рациональная структурная идентификация является частью определенного вида инженерной практики создания САУ.

Представляется, что все указанные аспекты должны быть отражены в определении понятия о рациональной структурной идентификации. Учитывая указанную многоаспектность, поступим следующим образом. Сначала дадим общее определение идентификации технического объекта для цели создания САУ с требуемыми свойствами. Это определение будем конструировать как определенную конкретизацию традиционных общих определений идентификации технического объекта. Затем, используя накопленное знание, дадим определение понятия о рациональной структурной идентификации технического объекта для цели создания САУ с требуемыми свойствами.

Согласно наиболее общим определениям, идентификация системы – это построение математической модели системы, основанное на обработке ее наблюдаемых входных и выходных сигналов. К наиболее общим определениям относятся, например, определения Н.С. Райбмана [2] и П. Эйкхоффа [5]:

- «в основе своей идентификация представляет собой экспериментальный метод построения модели по входным и выходным сигналам объекта. Естественным требованием идентификации, вытекающим из приведенной формулировки, является измеримость входных и выходных переменных» [2, с. 47];

- «В широком смысле идентификацией можно назвать определение модели объекта управления, основанное на обработке входных и выходных сигналов» [5, с. 21].

Согласно традиционным представлениям, построение математической модели системы может представлять собой автоматический процесс, а может быть автоматизированным процессом с различной формой участия человека вплоть до ситуации, когда человек является субъектом построения. В результате термином «идентификация системы» можно обозначить как автоматическое построение математической модели системы для цели организации управления этой системой, так и автоматизированное построение математической модели для цели создания САУ, удовлетворяющей требованиям заказчика.

Более полные общие определения выделяют в идентификации два качественно различных процесса: выбор структуры и оценку параметров математической модели. К таким общим определениям относятся, например, определения Дж. Саридиса [3] и Я.З. Цыпкина [4]:

- идентификация «заключается в создании модели процесса по его наблюдаемым входным и выходным сигналам в детерминистской или стохастической обстановке. Такой процесс идентификации включает в себя две независимые процедуры, а именно, структурную идентификацию и идентификацию параметров» [3, с. 155];

- «Идентификация динамических объектов в общем случае состоит в определении их структуры и параметров по наблюдаемым данным – входному воздействию и выходной величине» [4, с. 15].

Исходя из вышеизложенных представлений, можно дать следующее определение. Идентификацией технического объекта для цели создания САУ с требуемыми свойствами называется итерационный процесс, на каждой итерации которого осуществляется построение математической модели технического объекта для цели создания САУ с требуемыми свойствами, основанное на обработке экспериментальных наблюдений входных и выходных сигналов технического объекта. Идеальной целью

итерационного процесса является построение адекватной математической модели технического объекта.

Приведенное определение в силу принципа его построения является общим определением. Это означает, что оно может быть использовано в качестве определения структурно-параметрической идентификации. Организация этого вида идентификации в соответствии с требованиями приведенного общего определения представляет собой трудную интеллектуальную проблему. Суть ее в следующем: как следует организовать построение математической модели технического объекта на каждой текущей итерации структурно-параметрической идентификации, чтобы конечным результатом итерационного процесса оказалась адекватная математическая модель технического объекта или приемлемое к ней приближение? Трудность решения этой проблемы связана с тем, что в рамках текущей итерации у коллектива разработчиков отсутствует возможность определения степени приближения построенной на этой итерации математической модели к адекватной математической модели технического объекта, что вызвано наличием априорной структурной неопределенности. Для того чтобы получить знание о степени приближения, коллективу разработчиков необходимо организовать в системном контексте структурно-параметрической идентификации две подсистемы, в которых реализуются итерации:

- синтеза регулятора САУ на основе построенной математической модели технического объекта;
- оценивания приемлемости синтезированного алгоритма управления для создания САУ с требуемыми свойствами.

Исходя из приведенного анализа, предлагается следующее определение. Под рациональной структурной идентификацией технического объекта для цели создания реальной САУ с требуемыми свойствами понимается итерационный процесс, каждая итерация которого состоит из четырех стадий:

- 1) содержательная постановка проблемы построения адекватной модельной структуры технического объекта;
- 2) формирование наиболее предпочтительной гипотезы об адекватной модельной структуре;
- 3) оценивание степени теоретической и практической обоснованности наиболее предпочтительной гипотезы об адекватной модельной структуре;
- 4) принятие решения о переходе к следующей итерации рациональной структурной идентификации или решения о начале параметрической идентификации технического объекта.

Формирование наиболее предпочтительной гипотезы об адекватной модельной структуре состоит из четырех этапов:

- 1) экспертный анализ причин отклонения гипотез об адекватной модельной структуре, исследованных в рамках системного контекста рациональной структурной идентификации до начала текущей итерации; целью экспертного анализа является разработка рекомендаций по выбору нового набора рабочих гипотез;
- 2) формирование набора рабочих гипотез об адекватной модельной структуре; каждая рабочая гипотеза представляет собой предположение, что определенная модельная структура является адекватной модельной структурой; модельная структура в составе рабочей гипотезы выбирается субъектом структурной идентификации как возможный кандидат на роль адекватной модельной структуры;
- 3) определение метода выбора наиболее предпочтительной гипотезы из заданного набора рабочих гипотез;
- 4) определение наиболее предпочтительной гипотезы в заданном наборе рабочих гипотез на основе знаний и экспериментальных данных о техническом объекте.

Подводя итоги, выделим ключевую гипотезу. Рациональная структурная идентификация не может быть осуществлена (т.е. ее конечная цель не может быть достигнута) без реализации параметрической идентификации, синтеза пробных алгоритмов управления, разработки пробных САУ и их пробной опытной эксплуатации.

Выводы

Представляется, что в современных условиях, когда весьма желательна ускоренная модернизация производства, быстрый ввод в эксплуатацию новых технологических процессов, значительное повышение требований к эффективности систем управления, в науке и инженерной практике следует разрабатывать только процедуры построения реальных САУ, включающие методы и средства рациональной структурной идентификации технических объектов.

Литература

1. Гинсберг К.С. Концепция научного проектирования инженерного моделирования для слабо изученных объектов управления: новый подход к проблемам структурной идентификации // Труды IX Международной конференции «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO '12. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2012. 1 CD-ROM. С. 802–828.
2. Основы управления технологическими процессами. М.: Наука, 1978. 440 с.
3. Саридис Дж. Самоорганизующиеся стохастические системы управления. М.: Наука, 1980. 400 с.
4. Цыпкин Я.З. Основы информационной теории идентификации. М.: Наука, 1984. 320 с.
5. Эйхкофф П. Оценка параметров и структурная идентификация // Автоматика. 1987. № 6. С. 21–38.

References

1. Ginsberg K.S. Kontseptsiiia nauchnogo proektirovaniia inzhenernogo modelirovaniia dlia slabo izuchennykh ob"ektov upravleniia: novyi podkhod k problemam strukturnoi identifikatsii [A conception of scientific design of engineering modeling for mildly studied control plants: a new approach to structure identification problems]. *Trudy IX Mezhdunarodnoi konferentsii «Identifikatsiia sistem i zadachi upravleniia» SICPRO '12* [IXth Conference (International) "System Identification and Control Problems" SICPRO '12 Proceedings]. Moscow, 2012, 1 CD-ROM, pp. 802–828.
2. *Osnovy upravleniia tekhnologicheskimi protsessami* [Fundamentals of technological processes control]. Moscow: Nauka, 1978. 440 p.
3. Saridis G.N. *Samoorganizuiushchiesia stokhasticheskie sistemy upravleniia* [Self-organizing control of stochastic systems]. Moscow: Nauka, 1980. 400 p.
4. Tsypkin Ya.Z. *Osnovy informatsionnoi teorii identifikatsii* [Fundamentals of information theory of identification]. Moscow: Nauka, 1984. 320 p.
5. Eykhoff P. *Otsenka parametrov i strukturnaia identifikatsiia* [Estimation of parameters and structure identification]. *Avtomatika* [Automation], 1987, no. 6, pp. 21–38.

Генкин А.Л., Гинсберг К.С. К проблеме структурной идентификации для цели создания реальной системы автоматического управления с требуемыми свойствами // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 19–24.

For citation: Genkin A.L., Ginsberg K.S. To the problem of structure identification for the purpose of creation of real automatic control system with required properties. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 19–24.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-3
УДК 81/1

© Ершов Е.В., Виноградова Л.Н., Варфоломеев И.А.,
Пыж С.В., Осколков В.М., Ершова Т.В., 2017

Ершов Евгений Валентинович

Доктор технических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: evershov@mail.ru

Ershov Evgeny Valentinovich

Доктор технических наук, профессор,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: evershov@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна

Кандидат технических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: lvinogradova@bk.ru

Vinogradova Lyudmila Nikolaevna

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Cherepovets State University (Cherepovets,
Russia)
E-mail: lvinogradova@bk.ru

Варфоломеев Игорь Андреевич

Кандидат технических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: igor.varf@gmail.com

Varfolomeev Igor Andreevich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: igor.varf@gmail.com

Пыж Сергей Викторович

Инженер-программист,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: fgfdsgfdfs@yandex.ru

Pyzh Sergey Viktorovich

Programmer engineer,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: fgfdsgfdfs@yandex.ru

Осколков Василий Михайлович

Аспирант,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: vasya35@live.ru

Oskolkov Vasily Mikhailovich

Post-graduate student,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: vasya35@live.ru

Ершова Татьяна Владимировна

Преподаватель, Череповецкое областное
училище искусств и художественных ремесел
им. В.В. Верещагина
(Череповец, Россия)
E-mail: tv-ershova@mail.ru

Ershova Tatyana Vladimirovna

Lecturer, Cherepovets regional college of the
arts and crafts named after VV Vereshcagin
(Cherepovets, Russia)
E-mail: tv-ershova@mail.ru

**ПРОГРАММНОЕ И АППАРАТНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ
РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С
ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ОПОРНО-
ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА¹**

**SOFTWARE AND HARDWARE FOR
THE DEVELOPMENT OF CHILDREN
WITH DISEASES OF
MUSCULOSKELETAL SYSTEMS**

Аннотация. В статье дается обобщенный алгоритм работы программно-аппаратного комплекса для реабилитации детей с заболеваниями центральной нерв-

Abstract. Information technologies based on biofeedback method and computer-gaming simulations are widely used for diagnostics and rehabilitation of children with diseases of nerv-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (заявка № 16-16-35001).

ной системы и опорно-двигательного аппарата. Приведена логическая модель обрабатываемых данных. Приведено описание упражнения «Руки». Описано музыкальное сопровождение программного обеспечения для эффективного выполнения упражнений и развития музыкальных навыков.

ous and musculoskeletal systems. Vibration sensors and vibration gloves are offered to be used as a feedback device. The software consists of the following sets of subsystems: "Rehabilitation 3D" and "Analysis and Statistics". Synergetic effect is realized in exercises with musical accompaniment of classical music. 5 exercises of diverse complexity are realized: "Figures", "Number", "Dog", "Basketball", "Arms". Software includes music illustrations by Pyotr Tchaikovsky (Children's album for piano), Modest Mussorgsky (Selected pieces for piano), Robert Schumann (Album for the Young for piano). Test checks are successfully passed within the individual correctional and developmental work in the children's rehabilitation center.

Ключевые слова: реабилитация, детский церебральный паралич, опорно-двигательный аппарат, программно-аппаратный комплекс, биологическая обратная связь, база данных

Keywords: rehabilitation, cerebral palsy, musculoskeletal system, hardware and software system, biofeedback, database

Введение

Дети с заболеваниями центральной нервной системы (ЦНС) и опорно-двигательного аппарата (ОДА) не способны целенаправленно управлять своими движениями. Чаще всего для диагностики и реабилитации детей с заболеваниями ЦНС и ОДА применяются информационные технологии, например, компьютерные тренажеры и игровые комплексы.

Существуют различные способы реабилитации детей с такими заболеваниями:

- 1) лечебная гимнастика и массаж;
- 2) развивающие игры;
- 3) тесты бессознательной реакции (нервной системы) человека;
- 4) упражнения на мелкую моторику;
- 5) системы биологической обратной связи.

В лечебную гимнастику и массаж входят:

- развитие реакций выпрямления и равновесия;
- развитие зрительно-моторной координации;
- развитие функции руки и предметно-манипулятивной деятельности;
- торможение и преодоление неправильных поз и положений.

Как правило, развивающие игры направлены на развитие двигательных навыков.

Например:

1. Бусины. Ребенку необходимо надевать различные бусины на веревку.
2. Замочки. Ребенку необходимо открывать и закрывать замки различной конструкции.
3. Доска Сегена. Ребенок должен совместить различные картинки, ориентируясь на их форму, размер и цвет.

Тесты бессознательной реакции (нервной системы) человека помогают выявить патологии нервной системы различного характера, при многократном повторении способствуют стабилизации и стимулированию нервной системы и головного мозга. Различают следующие тесты:

1. Пальценосовая проба является одним из самых известных скрининговых методов в неврологическом осмотре и проверяется у каждого пациента. Проба позволяет выявить наличие мозжечковой и других патологий.

2. Проба на выявление адиадохокинеза.

3. Проба Шильдера.

Упражнения на мелкую моторику: пальчиковые упражнения, упражнения на кисти рук, доска Сегена.

Метод биологической обратной связи является одним из наиболее эффективных методов решения проблемы реабилитации [3], [5] и реализован в комплексе биологической обратной связи (БОС), разработанном ЗАО «Биосвязь». Комплекс БОС обрабатывает одновременно сигналы электрической активности мышц (ЭМГ), частоты дыхания (ЧД) и частоты сердечных сокращений (ЧСС). На основе полученных величин формируются мультимедийные сигналы биологической обратной связи, которые представляются визуально на экране монитора компьютера (движение метки, закрашивание столбика, смена слайдов и др.), а также в виде звуковых сигналов (пороговые включение/выключение, изменение тональности и т.п.).

Другой разновидностью устройств реабилитации являются компьютерно-игровые тренажеры (КИТ) [4]. В основу КИТ-технологии положена принципиально новая биотехническая система (БТС) «ВАЛЕО-Д», синергетически формирующая игровую нагрузку ребенка с помощью аппаратных, программных, методических и учебно-педагогических средств КИТ.

Основная часть

Развитие мелкой моторики, речевых функций и музыкального восприятия у детей с заболеваниями ЦНС и ОДА реализованы в разработанном авторами программно-аппаратном комплексе “GESIS” [1], [2]. Комплекс обеспечивает развитие мелкой моторики за счет простоты движений кистью и фалангами для соотнесения изображения игрового объекта с положением своих рук, что позволяет формировать базовые движения. В качестве устройства обратной связи имеется возможность использовать вибродатчики (виброперчатки) для повышения тактильной чувствительности, передаваемой непосредственно через пальцы рук. Виброперчатка адаптирована под размер детской руки для возраста от 3 до 10 лет.

Основным измеряемым показателем процесса обучения является время выполнения упражнения одинаковой сложности. Ребенку, при условии сохранения когнитивных способностей в пределах нормы, достаточно 1–2 повторений упражнения для понимания принципа его действия. В дальнейшем он сможет корректно выполнять конкретное упражнение в течение более длительного промежутка времени.

Принцип работы программно-аппаратного комплекса “GESIS”:

1. С помощью датчиков система регистрирует начальное положение рук пациента.

2. Ребенок стоит или сидит перед широкоформатным экраном или изображением от проектора с запущенной программой, держит в руках устройства обратной связи.

3. Программа указывает область на экране (цель), ребенок должен навести к этой области руку с устройством (движение рук ребенка фиксируют датчики).

4. В случае успешного достижения цели на устройство в руке ребенка посылается вибросигнал. Программа меняет местоположение цели, и игра повторяется заново.

Поскольку многим из детей недоступна простота движений кистью и фалангами, модуль предоставляет возможность сосредоточиться на простейшем движении

именно кистью и соотнести игровые объекты и действия с движением рук и пальцев, что позволяет проделать базовые движения на мелкую моторику. Виброперчатка, надетая на руку, исключает неудобство фиксации громоздких виброустройств. 3D-шлем (для школьников) или смартфон (для дошкольников) позволит совмещать положение руки с восприятием на экране, тем самым прорабатывая основные упражнения-пробы для стимуляции работы ЦНС в условиях задач, приближенных к реальному трехмерному пространству, а также позволит сосредоточиться на игровом процессе, исключив внешние визуальные воздействия.

Разработанное программное обеспечение состоит из двух подсистем: «Реабилитация 3D» и «Анализ и статистика».

Подсистема «Реабилитация 3D» предназначена для выполнения специальных упражнений с целью повышения скорости реабилитации детей с заболеваниями ЦНС и ОДА.

После выполнения упражнения подсистема «Реабилитация 3D» отправляет следующие данные в подсистему «Анализ и статистика»:

- наименование упражнения;
- дата и время проведения занятия;
- время, затраченное на выполнение упражнения;
- точность выполнения упражнения. Точность определяется как отношение минимального расстояния, требуемого для выполнения упражнения и пройденного расстояния пользователем.

Подсистема «Анализ и статистика» предназначена для автоматизации обработки данных, полученных от подсистемы «Реабилитация 3D» и обеспечивает выполнение следующих функций: просмотр информации о сохраненных объектах, добавление или записи, удаление записи, поиск информации по критериям, автоматическое составление и вывод отчета на печать.

Изменения основных параметров, характеризующих процессы улучшения мелкой моторики и координации движений (время выполнения, точность выполнения и оценка выполнения повторяющегося упражнения) отражаются в виде графиков на отдельных вкладках. Характер изменений свидетельствует о динамике реабилитации пациента, о необходимости продолжения выполнения текущего упражнения или перехода к новому упражнению.

Все данные хранятся в базе данных, структура которой представлена на рис. 1 и описана в таблице.

Таблица

Описание таблиц базы данных

Таблица	Описание
DOCTORS	Общие сведения о врачах
POSTS	Сведения о должностях врачей
PATIENTS	Общие сведения о пациентах
DISEASES	Список заболеваний
LESSONS	Общие сведения о занятиях
EXERCISES	Информация об упражнениях
USERS	Информация о пользователях

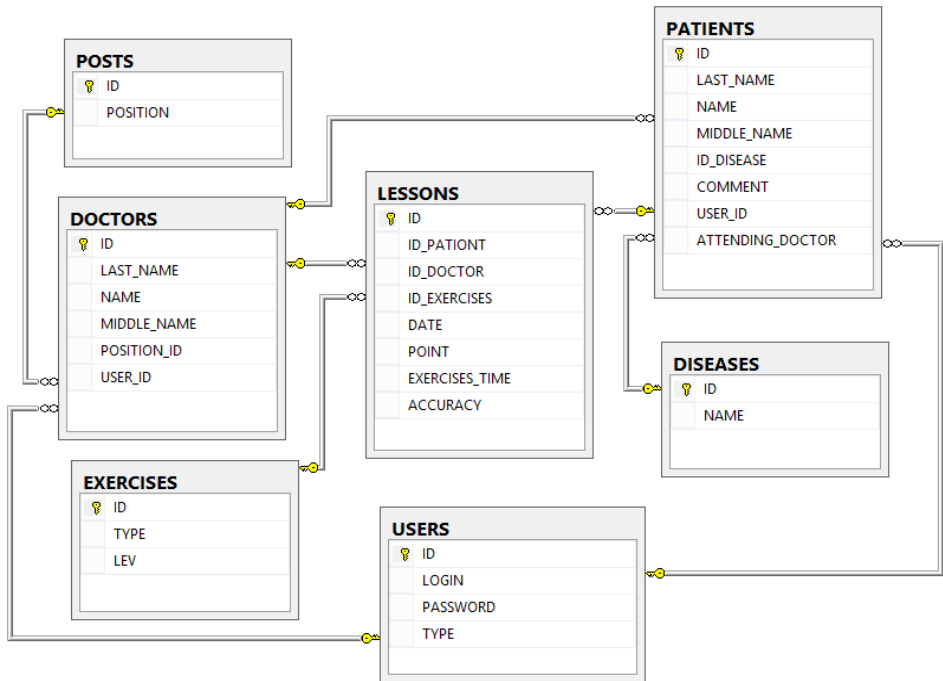

Рис. 1. Структура базы данных программно-аппаратного комплекса

Таблица DOCTORS связана с таблицей POSTS по полю ID и с таблицей USERS по полю ID. В таблице POSTS хранятся данные о должностях врачей, а в таблице USERS – данные о пользователях.

Таблица PATIENTS связана с таблицей DISEASES по полю ID, с таблицей USERS по полю ID и с таблицей DOCTORS по полю ID. В таблице DISEASES хранятся данные о заболеваниях пациентах, в таблице USERS – данные о пользователях, а в таблице DOCTORS хранятся данные о врачах.

Таблица LESSONS связана с таблицей DOCTORS по полю ID, с таблицей EXERCISES по полю ID и с таблицей PATIENTS по полю ID. В таблице EXERCISES хранятся данные об упражнениях, в таблице PATIENTS – данные о пациентах, а в таблице DOCTORS хранятся данные о врачах.

В качестве среды программирования была выбрана VisualStudio 2015 как наиболее удобная среда для программирования на языке C#. Простота и удобство программирования обеспечивается с помощью полнофункционального редактора кода, компилятора, шаблонов проектов, конструкторов, мастеров кода, мощного и удобного отладчика и многих других средств. Разработка велась на программной платформе .NET Framework, которая предоставляет доступ ко многим службам операционной системы и к другим полезным, хорошо спроектированным классам, что существенно ускоряет цикл разработки. При разработке были использованы следующие программные компоненты. MicrosoftXNAFrameworkRedistributable 4.0 в качестве компонентов, отвечающих за графическую часть программы. Для связи с сенсором MSKinect использовались средства разработки SDKKinectforWindowsv1.8. Для сопряжения с контроллером Arduino использовался драйвер ArduinoUno.

В настоящее время реализовано 5 упражнений различной сложности: «Фигуры», «Собачка», «Цифры», «Баскетбол», «Руки».

На рис. 2 представлен экран при выполнении одного из упражнений («Руки»).

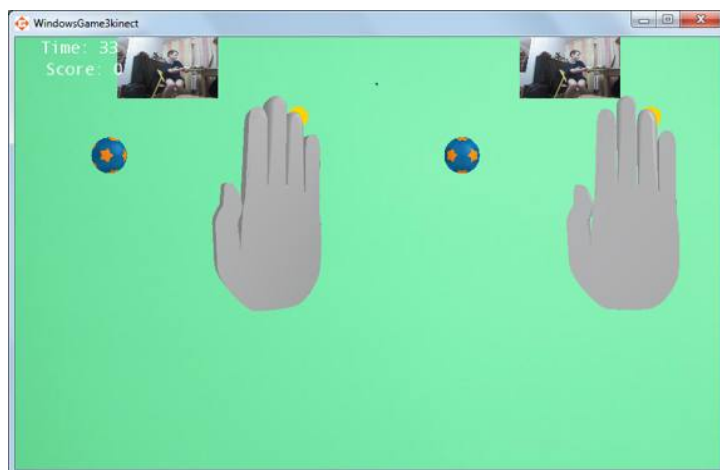

Рис. 2. Упражнение «Руки»

Выполнение упражнения предполагает передвижение виртуального макета-кисти руки к цели на экране (мячик). При этом необходимо задеть мячик помеченным пальцем до получения виброотзыва в перчатке.

Для эффективного выполнения упражнений и развития музыкальных навыков музыкальное сопровождение подбиралось из произведений П.И. Чайковского (Детский альбом для фортепиано), М.П. Мусоргского (Избранные произведения для фортепиано), Р. Шумана (Альбом для юношества для фортепиано):

- упражнение «Фигуры»: М.П. Мусоргский «Няня и Я», «В деревне»;
- упражнение «Собачка»: П.И. Чайковский «Детский альбом»: «Немецкая песенка», «Камаринская»;
- упражнение «Баскетбол»: П.И. Чайковский «Детский альбом»: «Мазурка», «Неаполитанская песенка»;
- упражнение «Цифры»: Р. Шуман «Альбом для юношества»: «Пьеска», «Веселый крестьянин, возвращающийся с работы»;
- упражнение «Руки»: Р. Шуман «Альбом для юношества»: «Май, милый май...», «Солдатский марш».

Выполнение каждого упражнения, как правило в течение одной минуты, сопровождается исполнением первого произведения, которое задает ритмичность. Второе произведение исполняется в течение 8–10 с в случае достижения успеха при выполнении упражнения. При неудачном выполнении упражнения первая мелодия постепенно, в течение 10–12 с затихает.

Программно-аппаратный комплекс представлен на рис. 3. Сопряжение положения рук пациента в пространстве и изображения рук на экране монитора осуществляется с использованием устройства Kinect. В основе внешнего исполнительного устройства-актуатора было решено использовать детскую перчатку. Вибромоторы прикреплены на кончиках пальцев перчатки, на фалангах и в области мышц кисти. Сигналы обратной связи от вибромоторов зависят от типа упражнений: на стимуляцию сенсорики или на стимуляцию двигательной активности пальцев. Устройство содержит четырехканальный приемник сигналов, передаваемых по беспроводному каналу, который настроен на частоту передатчика системы Gesis. Электропитание

устройства осуществляется с помощью литий-полимерного аккумулятора, который может быть заряжен по USB-интерфейсу от компьютера или сетевого адаптера 5В. Данное устройство-перчатка надевается на руку пациента.

Использование нового типа актуатора-перчатки совместно с 3D-шлемом виртуальной реальности позволит совмещать положения рук с игровыми объектами в объемном виртуальном пространстве для улучшения стимуляции работы ЦНС.

Рис. 3. Программно-аппаратный комплекс “Gesis”

Заключение

Испытания программно-аппаратного комплекса были проведены в условиях реабилитационного центра «Череповецкий центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» специалистом центра – дефектологом в рамках индивидуальной коррекционно-развивающей работы с детьми с ДЦП, а также в четырех детских садах коррекционного типа г. Череповца в группах численностью 10–15 человек и в Детском специализированном психоневрологическом санатории «Тополек».

Результаты испытаний подтвердили возможности комплекса по восстановлению моторики и проприоцептивной чувствительности, развитию мышления и ассоциативных связей, выполнению целенаправленных действий.

Систему планируется адаптировать для мобильных платформ (планшетов и смартфонов), а также планируется создание дополнительных виброустройств для улучшения моторики определенных групп мышц. Также реабилитационный комплекс может быть использован для пациентов с расстройствами движений, с нарушениями функций мозжечка, при гиперкинезах, болезни Паркинсона.

Литература

1. Ершов Е.В., Виноградова Л.Н., Пыж С.В. Программно-аппаратный комплекс для реабилитации детей с заболеваниями нервной системы и опорно-двигательного аппарата // Медико-экологические информационные технологии-2016. Курск, 2016. С. 193–198.
2. Ершов Е.В., Виноградова Л.Н., Пыж С.В. Программно-технические решения для реабилитации детей с заболеваниями нервной системы и опорно-двигательного аппарата // Символ науки. 2016. № 11. С. 55–57.
3. Ивановский Ю.В., Сметанкин А.А. Принципы использования метода биологической обратной связи в системе медицинской реабилитации // Биологическая обратная связь. 2000. № 3. С. 2–9.

4. КИТ-тренажеры // Компьютерно-игровые тренажеры (КИТ). URL: <http://kit.insar.org/index.html> (дата обращения 31.05.2017).

5. Шевцов В.И., Скрипников А.А., Шейн А.П. Применение биологической обратной связи по электромиограмме в комплексном лечении больных с центральными гемипарезами // *Гений ортопедии*. 2007. № 1. С. 142–147.

References

1. Ershov E.V., Vinogradova L.N., Pyzh S.V. Programmno-apparatnyi kompleks dlia reabilitatsii detei s zabolevaniami nervnoy sistemy i oporno-dvigatel'nogo apparata [Hardware and software system for children with diseases of nervous and musculoskeletal systems]. *Mediko-ekologicheskie informatsionnyie tekhnologii* [Medico-ecological IT]. Kursk, 2016, pp. 193–198.

2. Ershov E.V., Vinogradova L.N., Pyzh S.V. Programmno-tekhnicheskie resheniia dlia reabilitatsii detei s zabolevaniami nervnoi sistemy i oporno-dvigatel'nogo apparata [Hardware-in-the-loop solution for rehabilitation of children with diseases of nervous and musculoskeletal systems]. *Simvol nauki* [Symbol of science], 2016, no. 11, pp. 55–57.

3. Ivanovskiy I.V., Smetankin A.A. Printsipy ispolzovaniia metoda biologicheskoi obratnoi svyazi v sisteme meditsinskoi reabilitatsii [Foundations of using biofeedback method in medical rehabilitation system]. *Biologicheskaiia obratnaia sviaz* (Biofeedback), 2000, no. 3, pp. 2–9.

4. *CGS-simulations* [KIT-trenazhery]. Available at: <http://kit.insar.org/index.html> (accessed 31 May 2017).

5. Shvetsov V.I., Skripnikov A.A., Shein A.P. Primeneniye biologicheskoy obratnoy svyazi po elektromiogramme v kompleksnom lechenii bol'nykh s tsentral'nymi gemiparezami [Application of electrocardiogram biofeedback for patients multiple treatment with central hemiparesis]. *Geniy ortopedii* [Genius Orthopedics], 2007, no. 1, pp. 142–147.

Ершов Е.В., Виноградова Л.Н., Варфоломеев И.А., Пыж С.В., Осолков В.М., Ершова Т.В. Программное и аппаратное обеспечение для реабилитации детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2017. №6 (81). С. 25–32.

For citation: Ershov E.V., Vinogradova L.N., Varfolomeev I.A., Pyzh S.V., Oskolkov V.M., Ershova T.V. Software and hardware for the development of children with diseases of musculoskeletal systems. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 25–32.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-4
УДК 542.63:621.929

© Кожевников С.О., Блинов О.В., Ершов С.В., Кузнецов В.Б., 2017

Кожевников Сергей Олегович

Кандидат технических наук, доцент,
Ивановский государственный
политехнический университет
(Иваново, Россия)
E-mail: kojevnikov_so@mail.ru

Kozhevnikov Sergey Olegovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Ivanovo State Polytechnic University
(Ivanovo, Russia)
E-mail: kojevnikov_so@mail.ru

Блинов Олег Владимирович

Кандидат технических наук, доцент,
Ивановский государственный
политехнический университет
(Иваново, Россия)
E-mail: Oleg_blinov@ro.ru

Blinov Oleg Vladimirovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Ivanovo State Polytechnic University
(Ivanovo, Russia)
E-mail: Oleg_blinov@ro.ru

Ершов Сергей Владимирович

Кандидат технических наук, доцент,
Ивановский государственный
политехнический университет
(Иваново, Россия)
E-mail: Oleg_blinov@ro.ru

Ershov Sergey Vladimirovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Ivanovo State Polytechnic University
(Ivanovo, Russia)
E-mail: Oleg_blinov@ro.ru

Кузнецов Виктор Борисович

Доктор технических наук, профессор,
Ивановский государственный
политехнический университет
(Иваново, Россия)
E-mail: kuznetsovtex@gmail.com

Kuznetsov Viktor Borisovich

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Ivanovo State Polytechnic University
(Ivanovo, Russia)
E-mail: kuznetsovtex@gmail.com

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОФИЛЯ
ОКРУЖНОЙ СКОРОСТИ
ЖИДКОСТИ В АППАРАТЕ
С МЕШАЛКОЙ**

**SIMULATION MODEL OF THE
PROFILE OF THE
CIRCUMFERENTIAL
SPEED OF LIQUID IN THE
APPARATUS WITH STIRRER**

Аннотация. В статье представлены результаты моделирования профиля окружной скорости в аппарате, оснащённом вращающейся мешалкой без внутренних устройств. Для исследуемого процесса выполнен расчет профиля скорости потока жидкости в аппарате с вращающейся мешалкой с учетом коэффициента удаленности от рабочего органа.

Abstract. The article presents the results of simulation modelling of the profile of the circumferential speed in the device equipped with a rotating stirrer without internal devices. For that purpose the calculation of the velocity profile of fluid flow in the apparatus with a rotating stirrer is provided.

Ключевые слова: компьютерное моделирование, вращающаяся мешалка, окружная скорость

Keywords: computer simulation, rotating the agitator, peripheral speed

Введение

Перемешивание широко применяется во многих отраслях промышленности. Наиболее широко используются вращающиеся мешалки, имеющие простую конструкцию. Создание принципиально новых перемешивающих устройств приводит к необходимости совершенствования теории движения жидкой среды в подобных аппаратах.

Собственные исследования [3] показали, что для снижения энергоемкости процесса перемешивания можно использовать аппарат, оснащенный рабочим органом, состоящим из ротора с трубками переменного сечения. При прохождении жидкости через трубки переменного сечения, которые в свою очередь совершают вращательное движение, скорость среды на выходе многократно возрастает. Моделирование процесса движения жидкой среды позволит определить распределение скоростей движения жидкости в аппарате и представляет особый интерес.

Основная часть

Перемешивающие устройства находят широкое применение во многих отраслях промышленности при проведении различных технологических процессов [3]. Важной задачей в теории перемешивания является распределение скорости в объеме аппарата. Применяемые при решении задач перемешивания методы расчета связаны с гидродинамическими параметрами потока жидкости. Получаемые числовые значения составляющих поля скоростей потока жидкости применяются для расчета таких важных характеристик, как мощность, затрачиваемая на перемешивание, время перемешивания и коэффициенты теплопередачи [3], [5].

Особый интерес представляет исследование распределения поля скоростей для аппаратов, оснащенных новыми перемешивающими устройствами. В таких устройствах жидкая среда проходит через трубки переменного сечения, вращающихся вокруг центральной оси (рис. 1) [3].

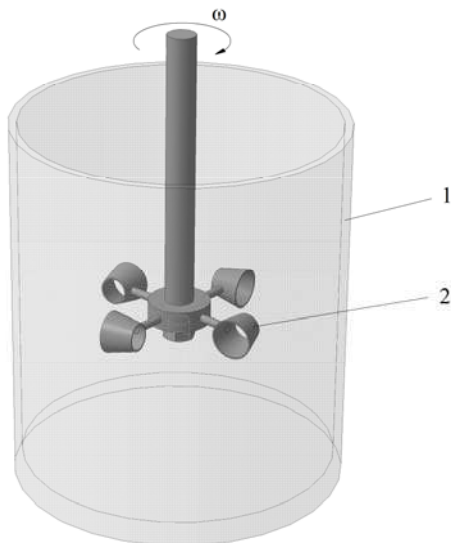

Рис. 1. Общий вид аппарата и мешалки трубками переменного сечения:
1 – аппарат; 2 – трубка переменного сечения

Поле скоростей в аппарате без внутренних устройств с вращающейся мешалкой является трехмерным и характеризуется окружной v_t , радиальной v_r и осевой v_z составляющей абсолютной скорости v . В аппаратах такого типа $v_t > v_r$ и $v_t > v_z$ и в рабочем пространстве имеет место окружной поток.

Изменение окружной скорости v_t по радиусу r можно описать на основе модели «комбинированного вихря Рэнкина» (рис. 2) и движение жидкости рассматривать в каждой зоне отдельно [1]. В зоне 1 при $r < a$ существует вихревое течение жидкости, а в зоне 2 при $r > a$ наблюдается безвихревое потенциальное течение [1].

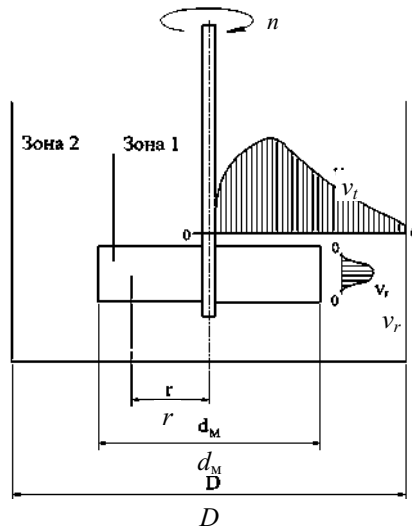

Рис. 2. Расчетная схема

Согласно теореме Стокса [1], элемент сечения ядра dS дает вклад в циркуляцию $d\Gamma$, равную

$$d\Gamma = \omega dS,$$

где ω – угловая частота вращения, c^{-1} .

Циркуляция по любому контуру, один раз охватывающему все ядро вихря, есть

$$\Gamma = \omega \cdot \pi \cdot a^2 = const, \tag{1}$$

где a – радиус вихря, м.

Поле скоростей, индуцированное N вихрями с непрерывным распределением [1], имеем

$$v_x - iv_y = \int \frac{d\Gamma}{2\pi i(z - z_0)} = \frac{\omega}{2\pi i} \int_S \frac{dS(z_0)}{z - z_0},$$

где v_x, v_y – компоненты скорости по осям x и y , м/с; z, z_0 – координаты по высоте вихря, м; i – комплексное число.

Учитывая аксиальную симметрию задачи, т.е. наличия только окружной компоненты скорости v_t и из теоремы Стокса для круга радиуса r имеем

$$2\pi \cdot r \cdot v_t = \pi \cdot a^2 \cdot \omega.$$

С учетом (1) окружная скорость в зоне 2

$$v_t = \frac{a^2 \cdot \omega}{2 \cdot r} = \frac{\Gamma}{2\pi \cdot r}.$$

Аналогично, в зоне 1

$$v_t = \frac{\Gamma \cdot r}{2\pi \cdot a^2}.$$

Данная модель приближена к реальности и может быть применена для описания движения жидкой среды в аппарате с мешалкой [1], но требует учета типа перемешивающего устройства. Уравнения, учитывающие тип мешалки, имеют вид [2]:

– для зоны 1 в диапазоне $0 \leq 2r \leq d_m$

$$v_t = 2\pi \cdot n \cdot r \left[\psi_1 \left(\frac{2r}{d_m} \right)^3 + \psi_2 \left(\frac{2r}{d_m} \right)^2 + 1 \right]; \quad (2)$$

– для зоны 2, где в диапазоне $d_m \leq 2r \leq D$,

$$v_t = 2\pi \cdot n \cdot d_m^2 (\psi_1 + \psi_2 + 1) \cdot \frac{1}{r}, \quad (3)$$

где n – частота вращения мешалки, c^{-1} ; r – текущий радиус, м; d_m – диаметр мешалки, м; ψ_1 и ψ_2 – параметры распределения скорости, связанные между собой зависимостью [4]

$$\psi_2 = -\Phi_1 - \Phi_2 \cdot \psi_1, \quad (4)$$

где Φ_1 и Φ_2 – коэффициенты, зависящие от типа мешалок и подбираемые опытным путем, для нашего случая по результатам собственных экспериментов $\Phi_2 = 1$ и $\Phi_1 = 0,9599$ [5].

Подставив в формулу (4) значения Φ_1 и Φ_2 , получим $\psi_1 = 1$ и $\psi_2 = -1,9599$.

Уравнения (2) и (3) описывают распределение скорости в объеме аппарата без учета движения жидкости в трубках переменного сечения. При движении трубки переменного сечения по окружности с частотой вращения n скорость на выходе из трубы определится по уравнению неразрывности [4]

$$v = \pi \cdot d_m \cdot n \cdot \frac{d_1^2}{d_2^2}, \quad (5)$$

где d_1 и d_2 – входной и выходной диаметры отверстий трубки переменного сечения, м.

Уравнение (5) позволяет определять скорость движения жидкости только в поле вращения трубки. Для определения влияния вклада движения жидкости через трубку

переменного сечения на распределение скоростей во всем объеме аппарата с мешалкой, в уравнение (5) необходимо добавить коэффициент удаленности трубки переменного сечения от точки, где определяется скорость. Тогда уравнение (5) примет вид:

$$v = \kappa \cdot \pi \cdot d_M \cdot n \cdot \frac{d_1^2}{d_2^2},$$

где κ – коэффициент удаленности конфузора от точки, в которой определяется скорость движения жидкости.

Коэффициент удаленности определяется по формуле [4]

$$\kappa = 1 - \left| \frac{r_M - r}{r_M} \right|,$$

где r_M – радиус мешалки, м.

Расчет параметров окружной скорости жидкости в аппарате с перемешивающим устройством без учета физических свойств движущейся среды реализован в среде MathCAD в соответствии с приведенными уравнениями при следующих входных параметрах: $d_M = 0,05$ м, $D = 0,15$ м, $d_1 = 0,03$ м, $d_2 = 0,01$ м, $n = 2,5$ с⁻¹. Распределение окружной скорости в аппарате с мешалкой приведено на рис. 3.

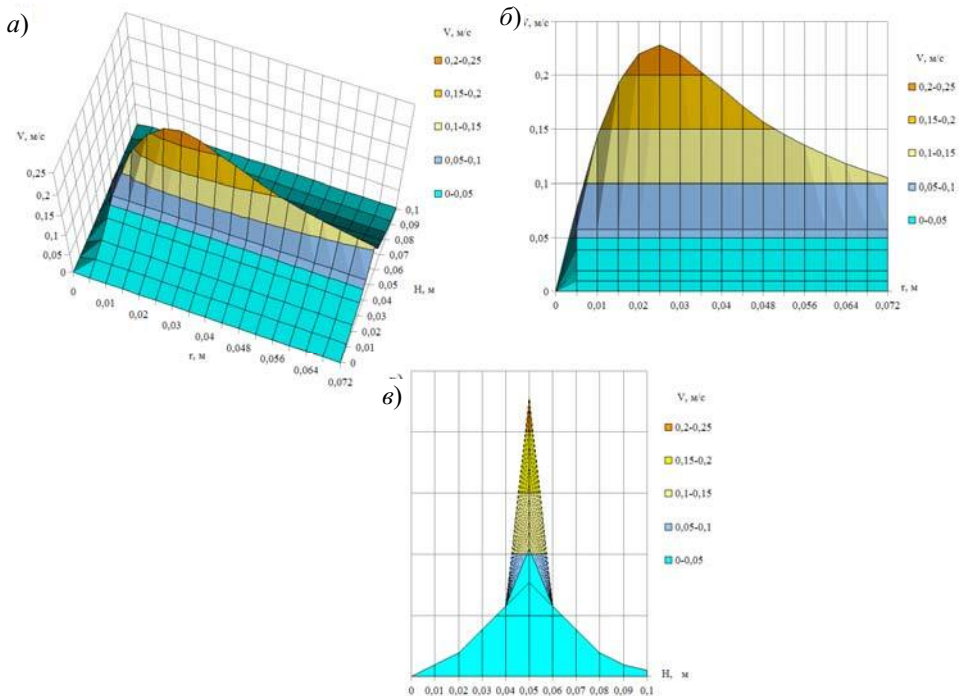

Рис. 3. Профиль окружной скорости жидкости в аппарате с мешалкой: а) в объеме аппарата; б) по радиусу аппарата; в) по высоте аппарата

Выводы

1. Разработана математическая модель распределения окружной скорости движения идеальной жидкости в аппарате, оснащённом мешалкой с конфузорами, где мешалка равномерно вращается относительно вертикальной оси рабочей камеры. Математическая модель реализована средствами вычислительного комплекса MathCAD в численной форме.

2. В ходе численного эксперимента определена зависимость окружной составляющей скорости движения жидкости в аппарате при входной скорости вращения $n = 2,5 \text{ с}^{-1}$ и получен профиль окружной скорости.

Литература

1. Алексеенко С.В., Куйбин П.А., Окулов В.Л. Введение в теорию концентрированных вихрей. Новосибирск: Институт теплофизики СО РАН, 2003. 504 с.
2. Васильцов Э.А., Ушаков В.Г. Аппараты для перемешивания жидких сред. Л.: Машиностроение, 1979. 272 с.
3. Кожевников С.О. Обзор основных типов перемешивающих устройств для получения технологических жидкостей // Вестник научно-промышленного общества. Вып. 6. М.: АЛЕВ-В, 2003. С. 67–69.
4. Кожевников С.О. Определение конструктивных параметров перемешивающего устройства непрерывного действия // Вестник научно-промышленного общества. Вып. 19. М.: АЛЕВ-В, 2012. С. 8–12.
5. Стренк Ф. Перемешивание и аппараты с мешалками. Л.: Химия, 1975. 384 с.

References

1. Alekseenko S.V., Kuibin P.A., Okulov V.L. *Vvedenie v teoriyu kontsentririrovannykh vihrei* [Introduction to the theory of concentrated vortices]. Novosibirsk: Institut teplofiziki SO RAN, 2003. 504 p.
2. Vasil'tsov E.A., Ushakov V.G. *Apparaty dlya peremeshivaniia zhidkikh sred* [Apparatus for mixing liquid media]. Leningrad: Mashinostroenie, 1979. 272 p.
3. Kozhevnikov S.O. *Obzor osnovnykh tipov peremeshivaiuschih ustroistv dlia polucheniia tehnologicheskikh zhidkosti* [An overview of the main types of mixing devices for fluids]. *Vestnik nauchno-promyshlennogo obschestva. Vyp. 6* [Bulletin of the scientific-industrial society. Issue 6]. Moscow: ALEV-V, 2003, pp. 67–69.
4. Kozhevnikov S.O. *Opredelenie konstruktivnykh parametrov peremeshivaiuschego ust-roistva nepreryvnogo deistviia* [Determination of design parameters of a mixing device of continuous action]. *Vestnik nauchno promyshlennogo obschestva. Vyp. 19* [Bulletin of the scientific-industrial society. Issue 19]. Moscow: ALEV-V, 2012, pp. 8–12.
5. Strenk F. *Peremeshivaniie i apparaty s meshalkami* [Mixing and apparatus with mixers]. Leningrad: Himiya, 1975. 384 p.

Кожевников С.О., Блинов О.В., Ершов С.В., Кузнецов В.Б. Моделирование профиля окружной скорости жидкости в аппарате с мешалкой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 33–38.

For citation: Kozhevnikov S.O., Blinov O.V., Ershov S.V., Kuznetsov V.B. Simulation model of the profile of the circumferential speed of liquid in the apparatus with stirrer. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 33–38.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-5
УДК 674.047.3

© Синицын Н.Н., Телин Н.В., Виноградова М.С., Гаркавченко Э.В.,
Гневашева Т.В., Кузнецова В.П., Павлова А.И., 2017

Синицын Николай Николаевич

Доктор технических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: sinitsyn@chsu.ru

Sinitsyn Nikolay Nikolaevich

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: sinitsyn@chsu.ru

Телин Николай Владимирович

Доктор технических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: telin_nv@mail.ru

Telin Nikolay Vladimirovich

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: telin_nv@mail.ru

Виноградова Мария Сергеевна

Инженер, ООО «Северсталь-проект»
(Череповец, Россия)
E-mail: mashkavinog@rambler.ru

Vinogradova Maria Sergeevna

Engineer, OOO "Severstal-project"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: mashkavinog@rambler.ru

Гаркавченко Элина Вадимовна

инженер, ПАО «Северсталь»
(Череповец, Россия)
E-mail: sawjstina@mail.ru

Garkavchenko Elina Vadimovna

Engineer, PJSC "Severstal"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: sawjstina@mail.ru

Гневашева Татьяна Вадимовна

Инженер, ПАО «Северсталь»
(Череповец, Россия)
E-mail: tatyana_gnevasheva@mail.ru

Gnevacheva Tatyana Vadimovna

Engineer, PJSC "Severstal"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: tatyana_gnevasheva@mail.ru

Кузнецова Виктория Павловна

Инженер, ПАО «Северсталь»
(Череповец, Россия)
E-mail: k_v_p95@mail.ru

Kuznetsova Victoria Pavlovna

Engineer, PJSC "Severstal"
(Cherepovets, Russia).
E-mail: k_v_p95@mail.ru

Павлова Алина Игоревна

Инженер, ООО «АВПоиск»
(Череповец, Россия)
E-mail: paw.lina2011@yandex.ru

Pavlova Alina Igorevna

Engineer, OOO "AVSearch"
(Cherepovets, Russia)
E-mail: paw.lina2011@yandex.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОЦЕНКА
ВРЕМЕНИ СУШКИ ДРЕВЕСНОЙ
КОРЫ ОТХОДЯЩИМИ
ВЫСОКОТЕМПЕРАТУРНЫМИ
ДЫМОВЫМИ ГАЗАМИ
КОТЕЛЬНЫХ АГРЕГАТОВ¹**

**INVESTIGATION
OF OPPORTUNITIES
AND EVALUATION OF TIME
OF WOOD CRUDE DRYING WITH
WASTE HIGH-TEMPERATURE
SMOKE GASES OF BOILER UNITS**

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-48-350810.

Аннотация. В данной работе предложена методика расчета времени сушки древесной коры в слоевой сушилке непосредственно перед ее сжиганием в котельном агрегате. Предложена методика расчета процесса сушки коры деревьев в плотном слое. Расчет процесса сушки слоя коры основан на известных решениях Шумана и Анцелиуса в интегральной форме. Представлены результаты зависимости времени сушки слоя древесной коры от температуры дымовых газов, скорости дымовых газов, толщины слоя. Получены зависимости времени сушки коры от толщины слоя, температуры и скорости движения высокотемпературных дымовых газов котельной. Предлагаемая методика позволяет согласовывать время сушки с ее расходом в котельном теплоагрегате деревоперерабатывающего предприятия.

Ключевые слова: Плотный слой, сушка, кора деревьев

Abstract. In this article a method for calculating the drying time of the bark in a layer dryer just before it is burned in a boiler unit is proposed. A method for calculating the drying process of tree bark in a dense layer is proposed. Calculation of the drying process of the cortical layer is based on the well-known integral form solutions of Schumann and Anceilius. The dependence of the time of drying of the tree crust layer on the temperature of the flue gases, the velocity of the flue gases, and the thickness of the layer is presented. Dependencies of drying time of the crust on the thickness of the layer, temperature and velocity of the high-temperature smoke gases of the boiler house are obtained. Suggested method allows to coordinate the drying time with its consumption in the boiler heat-generator of the wood processing enterprise.

Keywords: dense layer, drying, tree bark

Введение

Увеличение объема выпуска всех основных видов лесопромышленной продукции неизбежно приводит к увеличению объемов одного из множества побочных продуктов обработки и переработки древесины – коры. Процентное содержание коры в отходах деревообрабатывающих предприятий из года в год повышается. В настоящее время наиболее распространенным способом энергетического использования (утилизации) древесной коры является простое ее сжигание в топках котлов деревообрабатывающих предприятий. Основные трудности, возникающие при организации сжигания древесной коры в топках котлов, связаны с ее высокой влажностью (70...80 % и более) и неоднородностью гранулометрического состава. Высокая влажность коры существенно уменьшает теплоту сгорания, ухудшает процесс ее горения и повышает влажность отходящих дымовых газов. Сжигание влажной коры возможно только в слое определенной и значительной толщины, так как только внутри такого «толстого» слоя, особенно при нижнем зажигании, создается тепловой режим, обеспечивающий устойчивое ее горение. Это приводит к необходимости увеличения габаритов топочного устройства. Существенная неоднородность гранулометрического состава коры как топлива ограничивает выбор способа подачи ее в топку котлов.

Одним из основных путей повышения теплопроизводительности топочного устройства и увеличения КПД котла, работающего на древесной коре, является подсушка коры перед подачей ее в топку. Причем устойчивое сжигание древесной коры обеспечивается при ее относительной влажности 55–60 % [1]–[3]. Сжигание коры в топках котлов теплотехнически и экономически обосновано, если сушка коры осуществляется непосредственно перед подачей ее в топку за счет тепла дымовых газов котельной. Сушка коры непосредственно перед подачей ее в топку исключает вторичное повышение влажности коры при ее хранении, а высокотемпературный теплоноситель с начальной температурой до 900° С существенно сокращает время ее

сушки за счет высокой теплонапряженности сушильного пространства. Целью данной работы является исследование возможностей и оценка времени сушки древесной коры отходящими высокотемпературными дымовыми газами котельных агрегатов.

Основная часть

Сушка древесной коры предварительно перед топкой снижает ее влажность. При этом повышается теплотворная способность коры как топлива, так как влага (балласт) не попадает в топку в виде пара или влаги с топливом. В качестве сушильного агента можно применять дымовые газы котельной или автономной топки, в которой сжигается часть подсушенной коры. Экономичнее всего подсушку древесной коры осуществлять по разомкнутому циклу за счет тепла отработанных дымовых газов котла. Древесная кора в настоящее время, в основном, сжигается в слое, поэтому наиболее целесообразно предварительную подсушку коры осуществлять также в слоевых сушилках. Для этой цели могут использоваться одно- и двухпоточные слоевые каскадно-лотковые сушилки. Наименьшая степень измельчения коры требуется для сжигания ее слоевым способом. При слоевом сжигании необходимо только, чтобы размер кусков коры по длине не превышал 100 мм. Нагрев коры дымовыми газами одной стороны должен обеспечивать, с одной стороны, удаление из коры влаги, а с другой – исключать выход летучих веществ. Конечная температура нагрева коры, исключая выход летучих веществ, обеспечивается выбором температуры отходящих газов, скоростью их потока и временем нахождения слоя коры в сушильном пространстве.

Рассматривается процесс сушки слоя коры толщиной H . Температура коры в начальный момент времени постоянна и равна t'_M . Слой коры продувается дымовыми газами с начальной температурой $t'_Г$ со скоростью $\omega_{Г0}$. Для расчета времени сушки τ слоя древесной коры продуктами сгорания используются известные решения Шумана и Анцелиуса в интегральной форме. Эти решения позволяют находить температурное поле в нагреваемом движущемся плотном слое древесной коры, продуваемом потоком дымовых газов, и изменение температуры дымовых газов по толщине слоя коры в любой момент времени от начала сушки. Для случая, когда начальная температура слоя коры во всех точках слоя одинакова, а температура газов на входе в слой постоянна во времени, решение Шумана имеют вид:

$$\theta_M = (t_M - t'_M) / (t'_Г - t'_M) = e^{-Y} \cdot \int_0^Z e^{-\varepsilon} \cdot I_0(2\sqrt{Y \cdot \varepsilon}) d\varepsilon;$$

$$\theta_Г = (t_Г - t'_M) / (t'_Г - t'_M) = 1 - e^{-Z} \cdot \int_0^Y e^{-\varepsilon} \cdot I_0(2\sqrt{Z \cdot \varepsilon}) d\varepsilon,$$

где $t_Г$ и t_M – текущая температура газа и материала коры; $t'_Г$ и t'_M – начальная температура газа и материала коры; $Y = k_v \cdot h / C_Г \cdot \omega_{Г0}$ – безразмерная высота слоя коры; $Z = k_v \cdot \tau / C_M \cdot (1 - f)$ – безразмерное время; I_0 – функция Бесселя первого рода от мнимого аргумента; k_v – суммарный коэффициент теплопередачи; h – высота слоя коры; $C_Г$ и C_M – теплоемкость газа и материала коры; τ – время; $\omega_{Г0}$ – скорость потока газа (продуктов сгорания); f – порозность.

Для заданной конечной температуры нагрева и известной толщине слоя время сушки коры высокотемпературными продуктами сгорания определяется соотношением

$$\tau = Z \cdot (1 - f) / k_v.$$

Время сушки коры в основном определяется температурой дымовых газов, скоростью движения и толщиной слоя коры. Температура коры при ее сушке должна находиться в диапазоне 100–140°С. Нижняя граница температуры коры обеспечивает интенсивность сушки, а верхняя граница – исключает выход летучих. В табл. 1–3 приведены результаты расчета времени сушки слоя древесной коры высокотемпературными дымовыми газами. При проведении расчетов времени сушки коры варьировались температура газов, их скорость движения и толщина слоя коры.

Таблица 1

Зависимость времени сушки слоя древесной коры от температуры дымовых газов

Температура газов, °С	600	700	800
Время сушки, мин.	13,46	11,49	9,91

Примечание: $H = 0,35$ м; $\omega_{ГО} = 0,67$ м/с; $f = 0,41$

Из табл. 1 видно, что с повышением температуры газов время сушки коры уменьшается. Температура газов может регулироваться путем смешения их с атмосферным воздухом. Высота слоя коры, скорость движения газов принимались постоянными величинами.

Таблица 2

Зависимость времени сушки слоя древесной коры от скорости дымовых газов

Скорость газов, м/с	0,47	0,67	0,87
Время сушки, мин.	14,89	9,91	7,53

Примечание: $H = 0,35$ м; $t = 800$ °С; $f = 0,41$

Из табл. 2 видно, что с увеличением скорости газов время сушки коры уменьшается. Толщина слоя коры и температура газов принимались постоянными величинами.

Таблица 3

Зависимость времени сушки слоя древесной коры от толщины слоя

Высота слоя коры, м	0,15	0,25	0,35
Время сушки, мин.	4,21	6,77	9,91

Примечание: $t = 800$ °С; $\omega_{ГО} = 0,67$ м/с; $f = 0,41$

Из табл. 3 видно, что с увеличением толщины слоя время сушки коры увеличивается. Температура и скорость газов принимались постоянными величинами.

При проведении расчетов было принято: конечная температура сушки коры 140°С, начальная – 20°С; влажность коры начальная – 80 %, конечная – 60 %.

Результаты исследований закономерностей сушки древесной коры планируется использовать при обосновании:

- выбора технологии энергетического использования древесной коры;
- выбора и совершенствования технологии сушки древесной коры перед ее сжиганием.

Выводы

1. Рассмотрены основные особенности использования древесной коры как топлива.
2. Рассмотрены варианты сушки коры высокотемпературными отходящими дымовыми газами.

Литература

1. Головков С.И., Коперин И.Ф., Найденов В.И. Энергетическое использование древесных отходов. М.: Лесная промышленность, 1987. 224 с.
2. Любов В.К., Любова С.В. Повышение эффективности энергетического использования биотоплив. Архангельск, 2010. 496 с.
3. Любов В.К. Энергетическое использование биотоплива. Архангельск: АГТУ, 2007. 56 с.

References

1. Golovkov S.I., Koperin I.F., Naidenov V.I. *Energeticheskoe ispol'zovanie drevesnykh otkhodov* [Energy use of wood waste]. Moscow: Lesnaia promyshlennost', 1987. 224 p.
2. Liubov V.K., Liubova S.V. *Povyshenie effektivnosti energeticheskogo ispol'zovaniia biotopliv* [Increasing the efficiency of energy use of biofuels]. Arkhangel'sk, 2010. 496 p.
3. Liubov V.K. *Energeticheskoe ispol'zovanie biotopliva* [Energy use of biofuel]. Arkhangel'sk: AGTU, 2007. 56 p.

Синицын Н.Н., Телин Н.В., Виноградова М.С., Гаркавченко Э.В., Гневашева Т.В., Кузнецова В.П., Павлова А.И. Исследование возможностей и оценка времени сушки древесной коры отходящими высокотемпературными дымовыми газами котельных агрегатов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 39–43.

For citation: Sinitsyn N.N., Telin N.V., Vinogradova M.S., Garkavchenko E.V., Gnevacheva T.V., Kuznetsova V.P., Pavlova A.I. Investigation of opportunities and evaluation of time of wood crude drying with waste high-temperature smoke gases of boiler units. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 39–43.

Толпегин Олег Александрович

Доктор технических наук, профессор,
Балтийский государственный технический
университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: bgtu_a5@mail.ru

Tolpegin Oleg Aleksandrovich

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Baltic State Technical University
"VOENMEKH" named after D.F. Ustinov
(St Petersburg, Russia)
E-mail: bgtu_a5@mail.ru

Литвинова Полина Юрьевна

Ассистент, Балтийский государственный
технический университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: bgtu_a5@mail.ru

Litvinova Polina Jur'evna

Assistant, Baltic State Technical University
"VOENMEKH" named after D.F. Ustinov
(St Petersburg, Russia)
E-mail: bgtu_a5@mail.ru

**УПРАВЛЕНИЕ МАЛЫМ
КОСМИЧЕСКИМ АППАРАТОМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ДВИГАТЕЛЯ-МАХОВИКА
НА ОСНОВЕ МЕТОДА
УПРАВЛЕНИЯ С ПОВОДЫРЕМ**

**A SMALL SPACECRAFT
CONTROL WITH THE USE
OF FLYWHEEL ON THE BASIS
OF THE CONTROL METHOD WITH
A GUIDE**

Аннотация. В статье рассматривается синтез системы стабилизации малого космического аппарата (МКА) с использованием двигателя-маховика при действии возмущений, статистические свойства которых неизвестны, но ограничены по абсолютной величине. Решение проводится с использованием математической модели системы стабилизации по углу тангажа. Управление выбирается с использованием эталонного движения – движения поводыря. Траектория движения поводыря выбирается с помощью метода фазовых плоскостей. Приведен алгоритм определения допустимого диапазона возмущений с заданными статистическими свойствами для решения исходной задачи с допустимой точностью, исходя из ограниченных возможностей системы управления движением объекта.

Abstract. The article deals with the synthesis of the stabilization system for a small spacecraft using a flywheel engine under the action of perturbations whose statistical properties are unknown but are limited in absolute magnitude. The solution is carried out using a mathematical model of the pitch angle stabilization system. Control is selected using the reference movement – the guide's movement. The path of the guide's movement is selected using the phase plane method. An algorithm is given to determine the permissible range of disturbances with given statistical properties for solving the initial problem with a permissible accuracy, taking into account limited capabilities of the object's motion control system.

Ключевые слова: малый космический аппарат, двигатель-маховик, дифференциальные игры, метод управления с поводырем, случайное возмущение

Keywords: small spacecraft, flywheel engine, differential games, control method with guide, random perturbation

Введение

Рассматривается управление малым космическим аппаратом с использованием двигателя-маховика при действии возмущений, статистические свойства которых

неизвестны, но ограничены по абсолютной величине. Задача рассматривается как дифференциальная игра двух игроков: в качестве одного игрока, стратегия которого неизвестна, выступает возмущающий момент, а в качестве другого игрока – космический аппарат, управление которого нужно выбрать. Особенность решения состоит в том, что множество управлений малого космического аппарата разбивается на два подмножества: одно подмножество управлений используется для компенсации возмущений, а второе – для решения исходной задачи при отсутствии возмущений. Полученная траектория называется траекторией поводыря. Разделить множество управлений на два удастся в редких случаях, поэтому в данной работе заранее выделяется подмножество управлений для решения исходной задачи при отсутствии возмущений, строится траектория поводыря, а затем в результате моделирования определяется допустимый диапазон возмущений с заданными статистическими свойствами, при которых возможно решение исходной задачи с допустимой точностью. Данный подход можно использовать как для линейных, так и нелинейных систем.

Основная часть

Рассмотрим систему стабилизации угла тангажа малого космического аппарата (МКА) с двигателем-маховиком. В полете на МКА действует возмущающий момент, статистические характеристики которого неизвестны, но известны пределы, в которых изменяется величина возмущающего момента.

Данную задачу будем рассматривать как дифференциальную игру двух игроков, так как в качестве одного игрока, стратегия которого неизвестна, выступает возмущающий момент, а в качестве другого игрока – космический аппарат, управление которого нужно выбрать.

Динамика МКА вокруг поперечной оси Oz при действии возмущений определяется системой уравнений:

$$\begin{cases} d\omega_z/dt = 1/J_3 \cdot (-k_\omega \cdot \omega_z - k_u \cdot u + \xi); \\ d\vartheta/dt = \omega_z + v_0, \end{cases} \quad (1)$$

где $J_3 = J_z - I$; $u = M_{\text{упр}Z} = dK/dt = I \cdot d\Omega_z/dt$; J_3 – момент инерции космического аппарата без учета момента инерции маховика; J_z – момент инерции космического аппарата по оси Oz ; I – момент инерции маховика; u – управляющий сигнал; $M_{\text{упр}Z}$ – управляющий момент двигателя-маховика по оси Oz , который появляется при разгоне маховика и приложен к корпусу летательного аппарата; K – кинетический момент двигателя-маховика; $d\Omega_z$ – проекция абсолютной угловой скорости маховика по оси Oz ; ω_z – угловая скорость космического аппарата по оси Oz ; ϑ – угол тангажа; v_0 – круговая скорость вращения космического аппарата; k_ω и k_u – передаточные числа системы управления; ξ – возмущающий момент [1].

Управляющий момент удовлетворяет ограничению:

$$|u| \leq \alpha. \quad (2)$$

Возмущающий момент ξ характеризует внешние неконтролируемые возмущения, действующие на космический аппарат и удовлетворяющие ограничению:

$$|\xi| \leq \beta = \rho \cdot \alpha, 0 < \rho < 1. \quad (3)$$

Задание ограничения на возмущения в виде (3) дает возможность оценить влияние возмущений на управление МКА.

Заданы граничные условия:

$$\begin{cases} \text{при } t = t_0 = 0, & \omega_z(0) = \omega_{z0} = -\nu_0, \quad \vartheta(0) = \vartheta_0; \\ \text{при } t = T, & \omega_z(T) = \omega_{zT} = -\nu_0, \quad \vartheta(T) = \vartheta_3. \end{cases} \quad (4)$$

Требуется найти управление МКА, обеспечивающее минимум критерия

$$\mathfrak{J} = \int_0^T 1 dt \rightarrow \min_u, \quad (5)$$

но при этом необходимо учитывать действие возмущений.

Момент окончания переходного процесса T не фиксирован.

Управление системой (1) при наличии возмущений будем рассматривать как антагонистическую дифференциальную игру двух игроков: первый игрок выбирает управление $u(t)$, а второй игрок – возмущение $\xi(t)$.

Первый игрок стремится минимизировать (5), а второй – максимизировать этот критерий.

Для решения задачи используем игровой метод управления с поводырем [2].

Множество управлений U МКА, заданного ограничением (2), разобьем на два подмножества: $U1$ и $U2$.

Подмножество $U1$ используем для решения сформулированной задачи при отсутствии возмущений. Эту траекторию назовем траекторией поводыря. Для подмножества $U1$ ограничение на управление МКА зададим в виде:

$$|u| \leq \alpha(1 - \rho), \quad (6)$$

где коэффициент ρ изменяется в диапазоне от 0 до 1.

Подмножество $U2$ используем для компенсации действия возмущений. Для подмножества $U2$ ограничение будем задавать в виде:

$$|u(t)| \leq \alpha \rho. \quad (7)$$

Если $\rho = 1$ (см. формулу (6)), то все ресурсы управления используются для компенсации возмущений и $U1 = 0$. При $\rho = 0$ подмножество $U2 = 0$.

Для исследования действия возмущений предлагается следующий алгоритм.

1. Зададим коэффициент ρ , который изменяется в диапазоне от 0 до 1, и для множества $U1$ ограничение на управление МКА зададим в виде (6).

2. При ограничении (6) для системы (1) решим задачу оптимального быстрогодействия при отсутствии возмущений и построим оптимальную траекторию. Эту траекторию назовем траекторией поводыря и запишем в память БЦВМ.

3. Решаем задачу о максимальном сближении траектории движения МКА с траекторией движения поводыря при действии возмущений с ограничением (3) при заданном значении коэффициента ρ . При этом используем все возможности управления МКА, т.е. решаем задачу с ограничением (2).

Действие возмущений будем оценивать по отклонению реальной траектории движения МКА от траектории движения поводыря.

Рассмотрим расчет траектории поводыря при заданном значении коэффициента ρ . Для расчета траектории движения поводыря при отсутствии возмущения систему уравнений (1) с учетом (6) запишем в виде:

$$\begin{cases} d\omega_z/dt = (-k_\omega \cdot \omega_z - k_u \cdot u \cdot (1-\rho)) \cdot J_3^{-1}; \\ d\vartheta/dt = \omega_z + v_0, \end{cases} \quad (8)$$

где коэффициент ρ влияет на возможности управления поводыря.

Решим задачу оптимального быстродействия для системы (8) с критерием (5) при заданных начальных и граничных условиях (4). Для решения задачи используем принцип максимума Л.С. Понтрягина [3].

Составим функцию Гамильтона:

$$H = \Psi_1 \cdot (-k_\omega \cdot \omega_z - k_u \cdot u \cdot (1-\rho)) \cdot J_3^{-1} + \Psi_2 \cdot (\omega_z + v_0) - 1, \quad (9)$$

где переменные $\Psi_1(t), \Psi_2(t)$ удовлетворяют системе уравнений:

$$\begin{cases} d\Psi_1/dt = -\partial H/\partial\omega_z = \Psi_1 \cdot k_\omega/J_3 - \Psi_2; \\ d\Psi_2/dt = -\partial H/\partial\vartheta = 0. \end{cases} \quad (10)$$

Решение системы (10) имеет вид:

$$\begin{cases} \Psi_1(t) = C_1 \cdot e^{k_\omega \cdot t/J_3} + C_2/k_\omega \cdot J_3; \\ \Psi_2(t) = C_2 = \text{const.} \end{cases} \quad (11)$$

Функция Гамильтона достигает максимума при управлении вида:

$$\tilde{u} = -\text{sign}(C_1 \cdot e^{k_\omega \cdot t/J_3} + C_2/k_\omega \cdot J_3) \cdot \alpha \quad (12)$$

Оптимальное управление $\tilde{u}(t)$ является кусочно-постоянным и меняет знак не более одного раза, так как функция $\Psi_1(t)$ имеет не более одного нуля [3].

Для задачи синтеза используем метод фазовых траекторий, при этом решение сводится к определению линии переключения, разделяющей фазовое пространство координат ω_z и ϑ на две области: в одной области оптимальное управление

$\tilde{u}(t) = +\alpha$, а в другой $\tilde{u}(t) = -\alpha$. При попадании фазовой траектории на линию переключения знак оптимального управления изменяется на противоположный.

Для построения линии переключения первое уравнение системы (8) поделим на второе уравнение этой системы:

$$d\omega_z/d\vartheta = \frac{(-k_\omega \cdot \omega_z - k_u \cdot u \cdot (1-\rho))}{(J_3(\omega_z + \nu_0))}$$

и после разделения переменных

$$-\int_{\omega_{z0}}^{\omega_z} \frac{J_3 \cdot (\omega_z + \nu_0)}{k_\omega \cdot \omega_z + k_u \cdot u \cdot (1-\rho)} d\omega_z = \int_{\vartheta_0}^{\vartheta_T} d\vartheta;$$

проинтегрируем от ϑ_0 до ϑ_T правую часть и от ω_{z0} до ω_{zT} левую часть:

$$\begin{aligned} \vartheta_T^T = \vartheta_0 - \frac{J_3}{k_\omega} \cdot (\omega_{zT} - \omega_{z0}) + \frac{J_3 \cdot (k_u \cdot u \cdot (1-\rho) - k_\omega \cdot \nu_0)}{k_\omega^2} \times \\ \times \ln \left(\frac{(k_u \cdot u \cdot (1-\rho) + k_\omega \cdot \omega_{zT})}{(k_u \cdot u \cdot (1-\rho) + k_\omega \cdot \omega_{z0})} \right), \end{aligned} \quad (13)$$

где ϑ_0 и ω_{z0} – точка, в которую должна прийти система на фазовой плоскости, ϑ_T^T – абсцисса на фазовой плоскости, находящаяся на линии переключения, ω_{zT} – текущее значение угловой скорости.

Алгоритм выбора оптимального управления поводиры имеет вид:

$$\begin{aligned} \tilde{u} = \alpha, \text{ если } \begin{cases} \omega_z(t) \geq 0 \text{ и } \vartheta(t) \geq \vartheta_t^T; \\ \omega_z(t) < 0 \text{ и } \vartheta(t) > \vartheta_t^T; \end{cases} \\ \text{и } \tilde{u} = -\alpha, \text{ если } \begin{cases} \omega_z(t) > 0 \text{ и } \vartheta(t) < \vartheta_t^T; \\ \omega_z(t) \leq 0 \text{ и } \vartheta(t) \leq \vartheta_t^T. \end{cases} \end{aligned} \quad (14)$$

Построение линии переключения определяет траекторию поводиры.

При управлении с поводирым управление МКА нужно выбирать с использованием алгоритма (14), так как в этом случае траектория МКА будет наискорейшим образом подходить к линии переключения, тогда после попадания на линию переключения, построенную для поводиры, траектория МКА будет колебаться относительно этой линии и отклонение МКА в момент T от заданного значения будет не больше допустимой величины ε , обусловленной дискретностью выбора управления.

После расчета траектории поводиры можно оценить величину возмущений, при которых возможно приведение МКА в заданную точку на фазовой плоскости за допустимое время при заданном значении коэффициента ρ . Для этого используем следующий алгоритм.

1. Задаем значение коэффициента ρ , с использованием рассмотренного выше алгоритма строим траекторию поводиры и находим время переходного процесса $T_{\text{пов}}$.

2. Задаем возмущение ξ с заданными статистическими характеристиками и подтягиваем траекторию движения МКА при действии этого возмущения к траектории поводыря с использованием алгоритма (14), при этом используем полные возможности управления МКА, т.е. используем управление с ограничением (2).

3. Находим при $t = T_{\text{пов}}$ отклонение реальной траектории движения МКА от траектории движения поводыря, используя критерий:

$$J = \sqrt{(\omega_z(T_{\text{пов}}) - \omega_{3T})^2 + (\vartheta(T_{\text{пов}}) - \vartheta_3)^2}. \quad (15)$$

4. В результате многократного решения этой задачи находим математическое ожидание \bar{J} критерия (15).

5. Если \bar{J} меньше допустимой величины ϵ , то МКА устранил действия возмущений с данными статистическими характеристиками к моменту $T_{\text{пов}}$. В этом случае статистические характеристики возмущений увеличиваем на некоторую дискретную величину Δ и находим новое значение \bar{J} .

6. Если \bar{J} больше допустимой величины ϵ , то МКА не сможет компенсировать возмущения с данными статистическими характеристиками к моменту $T_{\text{пов}}$ при данном ρ .

Изменяя значение ρ и вычисляя для каждого ρ максимально допустимые значения возмущений, найдем допустимый диапазон возмущений с заданными статистическими свойствами, при котором математическое ожидание \bar{J} меньше допустимой величины.

Рассмотрим результаты моделирования с использованием данного алгоритма.

Исследование проводилось при следующих значениях параметров гипотетического МКА: $m_{\text{ка}} = 31,6$, кг – масса космического аппарата; $I_m = 0,195 \cdot 10^{-2}$, $I_z = 0,8953$ кг·м² – моменты инерции маховика и летательного аппарата с учетом момента инерции маховика по оси Oz ; $\nu_0 = 0,001$ рад/с, $k_\omega = 0,083$, $k_u = 1$.

Моделирование проводилось при различных ρ , и ограничениях

$$|u| \leq \alpha, \quad \alpha = M_{\text{упр_max}} = 20 \cdot 10^{-3} \text{ Н} \cdot \text{м}, \quad |\xi| \leq \beta = k_u \cdot \rho \cdot \alpha.$$

Начальные условия имели следующие значения:

$$t_0 = 0, \quad \omega_z(0) = -0,075 \text{ рад/с}, \quad \vartheta(0) = 0,26 \text{ рад}.$$

Фазовые координаты точки, в которую должна прийти система:

$$\omega_z(T) = \omega_{3T} = -\nu_0 = -0,001 \text{ рад/с}, \quad \vartheta(T) = \vartheta_3 = 0,022 \text{ рад}.$$

Время движения поводыря определялось как первый момент времени, при котором значение критерия (15) становилось по абсолютной величине меньше $\epsilon = 10^{-3}$ рад/с.

Шаг численного интегрирования $h = 0,01$ с.

На рис. 1 представлены графики линий переключения для $\rho = 0; 0,2; 0,4; 0,6; 0,8$.

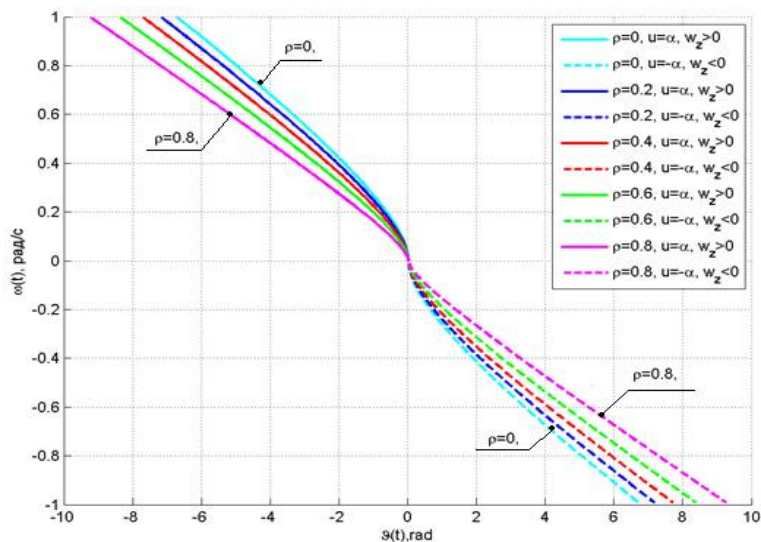

Рис. 1. Линии переключения при различных значениях ρ

На рис. 2, 3 представлены графики изменения $\omega_z(t)$ и $\theta(t)$, построенные при различных $\rho = 0,3; 0,5; 0,7$.

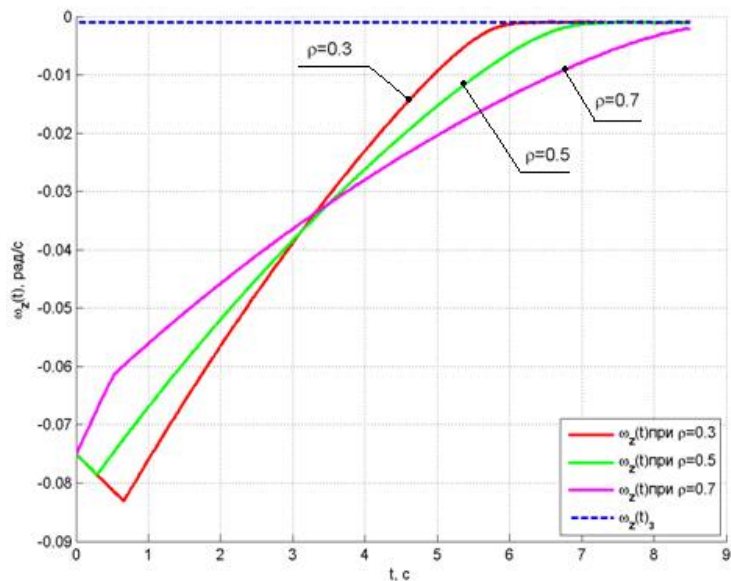

Рис. 2. График переходного процесса $\omega_z(t)$ при различных ρ

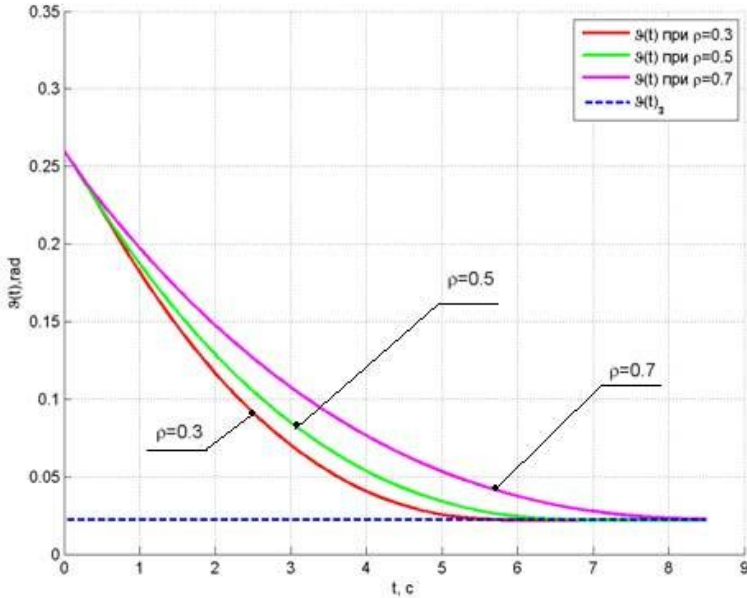

Рис. 3. График переходного процесса $\vartheta(t)$ при различных ρ

На основе рассмотренного выше алгоритма оценим величину возмущений, при которых возможно приведение МКА в заданную точку на фазовой плоскости за время движения поводья при заданном значении коэффициента ρ . Возмущения задавались в виде случайных функций, распределенных по нормальному закону с нулевым математическим ожиданием и заданным среднеквадратическим отклонением σ , причем величина ξ была ограничена $|\xi| \leq 0,006 \text{ Н} \cdot \text{м}$.

В таблице представлены математические ожидания значения критерия оптимальности (15) при различных ρ и σ . При вычислении \bar{J} проводилось по 20 испытаний. Допустимое значение $\varepsilon = 10^{-3}$.

Таблица

Математические ожидания \bar{J} значения критерия оптимальности при различных значениях среднеквадратического отклонения σ и ρ

$\sigma(\text{Н/м})$	0,02	0,03	0,04	0,05	0,06	0,07	0,08	0,09	0,1
$\bar{J}(\rho = 0,2)$	0,00019	0,00021	0,00013	0,00033	0,00117	0,00142	0,00222	0,00351	0,00334
$\bar{J}(\rho = 0,4)$	0,00021	0,00019	0,00023	0,00024	0,00073	0,00102	0,00075	0,00149	0,00254
$\bar{J}(\rho = 0,6)$	0,00014	0,00018	0,00020	0,00025	0,00049	0,00114	0,00090	0,00156	0,00122
$\bar{J}(\rho = 0,8)$	0,00007	0,00013	0,00014	0,00038	0,00068	0,00090	0,00094	0,00123	0,00128

Из таблицы следует, что если допустимое значение $\bar{J} < \varepsilon$, то σ случайного возмущения при $\rho = 0,2$ не должна превышать 0,05 Н/м, при $\rho = 0,4$ и $\rho = 0,6 - 0,06$ Н/м, а при $\rho = 0,8 - 0,08$ Н/м.

Выводы

Результаты моделирования показывают работоспособность предлагаемого игрового алгоритма для оценки возможностей управления МКА с двигателем-маховиком при действии разного вида возмущений, ограниченных по абсолютной величине.

Литература

1. Алексеев К.Б., Бебенин Г.Г. Управление космическим летательным аппаратом. М.: Машиностроение, 1964. 404 с.
2. Красовский Н.Н., Субботин А.И. Позиционные дифференциальные игры. М.: Наука, 1974. 456 с.
3. Понтрягин Л.С., Болтянский В.Г., Гамкредидзе Р.В., Мищенко Е.Ф. Математическая теория оптимальных процессов. М.: Наука, 1969. 384 с.

References

1. Alekseev K.B., Bebenin G.G. *Upravlenie kosmicheskim letatel'nyim apparatom* [Space flight control system]. Moscow: Mashinostroenie, 1964. 404 p.
2. Krasovskii N.N., Subbotin A.I. *Pozicionnyie differencial'nyie igry* [Positional differential games]. Moscow: Nauka, 1974. 456 p.
3. Pontriagin L.S., Boltjanskii V.G., Gamkrelidze R.V., Mishhenko E.F. *Matematicheskaiia teoriia optimal'nyh processov* [Mathematical theory of optimal processes]. Moscow: Nauka, 1969. 384 p.

Толпегин О.А., Литвинова П.Ю. Управление малым космическим аппаратом с использованием двигателя-маховика на основе метода управления с поводьрем // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 44–52.

For citation: Tolpegin O.A., Litvinova P.J. A small spacecraft control with the use of flywheel on the basis of the control method with a guide. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 44–52.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-7
УДК 82-31 (17.82.31)

© Воронина Т.Н., 2017

Воронина Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
e-mail: myberegok@rambler.ru

Voronina Tatiana Nikolaevna

PhD in Philology Sciences, Associate professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
e-mail: myberegok@rambler.ru

**«ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ ЧУДЕСА»
В ЛИРИКЕ В.Т. ШАЛАМОВА¹**

**«MIRACLES OF HOME LIFE»
IN THE LYRICS BY V.T. SHALAMOV**

Аннотация. В статье анализируется мотив чуда в стихах В.Т. Шаламова о детстве. Подробно рассматриваются четыре стихотворения. Делается вывод о том, что простые вещи в авторской ретроспекции приобретают статус чудесного. Все они связаны с домом, центром которого является мать. События прошлой жизни воскресают в сознании лирического субъекта и, увиденные через призму прожитого, осмысливаются как сверхъестественные и наделяются сверхзначимостью, определяют судьбу. Повседневные впечатления преобразуются авторским зрением в онтологические картины.

Abstract. The paper analyzes the motive of miracle in the lyrics by V.T. Shalamov about childhood. There are four poems under consideration. The author draws the conclusion that in Shalamov's flashback ordinary things acquire status of miraculous ones. All of them are very much related to the house, where the center place belongs to mother. The events of antecedent life come back to the memory of narrator and are seen through the lens of recent years and interpreted as miraculous and extra meaningful, they determine the fate. Everyday impressions are transformed by author's vision into ontological pictures.

Ключевые слова: Вологодский текст, В.Т. Шаламов, чудо, детство, мотив

Keywords: Vologda text, V.T. Shalamov, miracle, childhood, motive

Введение

В наследии В.Т. Шаламова относительно небольшое количество стихов связано с воспоминаниями о детстве и юности, проведенных в Вологде. Как справедливо отметил В.В. Есипов, биограф, исследователь и публикатор писателя, эти тексты «значительно расширяют представление о многообразии и богатстве поэтического творчества Шаламова, а также и о незримых духовных нитях, всегда связывающих его с родными местами» [6, с. 230], так как «Вологда оставалась частью жизни и размышлений Шаламова-поэта» [2]. В 2017 году вышла в свет книга «Четвертая Вологда» – прекрасно изданная и комментированная подборка произведений писателя, так или иначе сопряженных с малой родиной, в нее включено двадцать четыре стихотворения.

На наш взгляд, важным семантическим элементом в лирическом развертывании темы детства у Шаламова является мотив чуда. Согласно словарю В.И. Даля, чудо –

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)/

«всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. Диво, необычайная вещь или явление, случай; неожиданная и противная предвидимой возможности, едва быточное» [1, с. 619]. В толковании фиксируется иррациональная, таинственная сущность явления, выход за пределы привычного порядка вещей. Чудо может выполнять функцию особой – космологической – формы коммуникации, традиционным является представление о нем как о «механизме связи Бога и человека» [3, с. 213]. Ю.В. Шатин связывает чудо с деавтоматизацией действия, указывает на его континуальность, невозможность толкования с точки зрения причинно-следственных связей (применительно к чуду они обратимы, а значит, условны) и отмечает, что в отличие от предшествующей культурной эпохи, разграничивающей событие и чудо, «литература нового времени, напротив, допускает изображение чуда как события и события как чуда (или его значимого отсутствия)» [7].

Основная часть

У Шаламова чудо опрокинуто в детство и соотносится с мотивами памяти и невозвратности. Д.В. Кротова обращает внимание на значимость эмоционального аспекта памяти для писателя [3, с. 105], что подтверждается словами последнего: «Важно воскресить чувство. Чувство должно вернуться, побеждая контроль времени, изменение оценок» [5, с. 365]. Детские впечатления на расстоянии пройденного жизненного пути, трагические изломы которого хорошо известны, воспринимаются творческим сознанием как сами по себе удивительные, сказочные. В этом свете самые обыденные вещи предстают как невероятные, едва быточные. Прежде всего, сама по себе жизнь дома мыслится как чудо, видение, игра воображения:

Опять метель пойдет вприсядку
Под окна русскую плясать,
А мне опять вообразятся
Домашней жизни чудеса [6, с. 231].

Здесь очевиден акцент на повторяемости воспоминания: очередная метель вновь ворошит в памяти картины родного края (в данном стихотворении нет конкретной соотнесенности с местом, упоминаются лишь деревни, «кривые, как черновики», но у всех, кто знаком с биографией и творчеством Шаламова, она невольно возникает). В следующих двух строфах в качестве домашнего чуда предстает зимняя забава – катанье на коньках. Образ Маши (поэтический парафраз имени любимой сестры Наташи), пляшущей на пороге, переключается с пляшущей метелью и создает ощущение нетерпения, радостного ожидания:

А на пороге пляшет Маша,
Закинув за спину коньки.

Это ощущение подкреплено глаголом «бежим». Каток предстает как чудесное и манящее место: мерцающий, расцвеченный огнями:

И мы бежим на разноцветный,
Горящий площадками каток.

В последних строках третьей строфы место детской забавы превращается в пространство мечты, зовущей за собой:

Нас тянет юношеский ветер
И в уши свищет, как свисток.

«Юношеский ветер» – оптимистический ветер перемен, соотносится с метелью, также знаменующей изменения в судьбе, и сравнивается со свистком: его звук означает призыв к чему-то новому и тревогу одновременно. Далее тональность стихотворения меняется: светлое детское воспоминание в ретроспективе прожитого разворачивается в метафору судьбы:

Лет через десять в повороте
У самой северной горы
Мы натываемся на что-то,
Что посерьезнее игры.
Там в замороженном тумане
По склону горного хребта
После веселого катанья
Провозит саночки мечта.

Веселое катанье ассоциируется с закончившимся детством, несбывшимися надеждами, маленький понятный домашний мирок сменяется миром за пределами дома, враждебным, холодным и неясным. Мечта позвала за собой и скрылась. И если в предыдущих строках движение мыслилось как стремительное и поступательное – скольжение, хоть и неопределенного направления (бежим, увлекаемые юношеским ветром), то после поворота оно отчетливо замедляется и обретает вектор: «по склону горного хребта», т.е. вниз. Это можно представить как метафору трагического излома судьбы лирического субъекта. Манящий огнями каток, уютный и обещающий радость, замещается величественной картиной застывшего льда на дне вечной «таежной горной ямы». Динамическое описание переходит в статическое, время перетекает в вечность. Замерзший поток горной реки – образ-символ уготованной судьбы /неумолимого рока, на ее поверхности запечатлены знаки предопределения, начертанные ветхозаветным пророком:

Скульптурный сон речного плеска,
Он солнцем выглажен до блеска,
Хранятся тысячей веков
На льду следы времен библейских
Езекииловых коньков.

Гладь катка становится книгой судьбы. Последняя строфа возвращает к детской забаве, однако разворачивает ее в символическом ключе:

По этой ледяной сторонке,
Скользя на лезвии ножа,
И мы прокатимся с сестренкой,
Друг друга за руки держа.

Катание на коньках описано через обыгрывание фразеологизма «ходить по лезвию ножа», что меняет семантику высказывания: столкнуться с болью, опасностями, угрозами. А в свете того, что на момент написания стихотворения (1949 год) сестры Шаламова Наташи уже больше десяти лет не было в живых, последние строчки об-

ретают особый смысл, встреча с сестренкой возможна уже не в этом мире. В воспоминании лирического субъекта незатейливая забава – катание с сестрой на коньках – предстает как волшебно-сказочный бег за мечтой, который знаменует начало жизненного пути. Путь этот метафорически разворачивается как скольжение по лезвию ножа. Воспоминание-впечатление порождает цепь ассоциаций с судьбой, жизненным кругом, в результате чего через мгновение просвечивает вечность, что и позволяет его осмысливать как чудесное.

Чудо как детская игра, забава присутствует в стихотворении «У зеленой лампы гнутся пальцы мамы...». Его композиция симметрична: три строфы распадаются на две равные части. В первой – зарисовка домашнего развлечения – театра теней, устроенного матерью, во второй – рефлексия лирического субъекта, порожденная данным воспоминанием. Уютная атмосфера создается упоминанием зеленой лампы, дающей мягкий свет. Источником чудесного, центром домашнего мира является мама (упоминаются только руки, но ее присутствием одухотворено все происходящее):

Мы сидим с сестренкой перед чудесами,
Перед превращениями маминой руки [6, с. 241].

Здесь, как и в предыдущем стихотворении, сестра – соучастник игры, она разделяет радость приобщения к волшебному миру. Чудо мыслится как преобразование привычного в необычное и сказочное: стена оживает, населяется птицами и зверями. Театр теней вокруг зеленой лампы предстает таинством, созданным мамой, а домашняя забава для детей – ее участников – есть выпадение из границ реальности. Детское воспоминание вызывает у лирического субъекта чувство грусти, что порождает в свою очередь горькое ощущение невозвратности детства:

Видно, не придется нам, сорокалетним,
У зеленой лампы маму вспоминать.
Нам уж не покажет – мы уже не дети –
Никаких картинок белая стена.

Сожаление о невозвратности детства, обусловленной естественным порядком вещей, усиливается мотивом трагической утраты: мамы уже нет и не с кем ее вспомнить, как нет и дома. В этом взрослом («мы уже не дети») мире чудо невозможно, там, где оно было возможно, – пустота, белая стена никогда не оживет, это безжизненная стена чего угодно: больницы, камеры, но не дома. Чуда здесь больше нет и быть не может.

Сходные образы и мотивы объединяют это стихотворение с двумя другими: «Моя мать была дикарка...» и «Виктору Гюго»: образ матери-волшебницы и мотив первого приобщения к искусству как к чуду.

Первый текст посвящен Надежде Александровне Шаламовой, особым к ней отношением подсвечены автобиографическая повесть «Четвертая Вологда» и некоторые стихи (помимо названных выше, это «Silentium» и «Положен жестяной венок у маминых опухших ног...»). Мать предстает в ореоле романтической героини:

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка [6, с. 245].

Определение «кухарка», усиленное повторами, выпадает из общего ряда («дикарка» и «фантазерка» с ним плохо вяжется, при этом именно последнее именование

в приведенной цитате накрепко связывает героиню с домом), оно проясняется в отнесении с «Четвертой Вологдой». В повести говорится, что Надежда Александровна всю жизнь в замужестве провела в неустанных хозяйственных заботах, основное ее время занимало приготовление пищи для большой семьи, хотя к этому делу она не была расположена: «Мама печь хлеб не умела и не любила кухни. Мама любила стихи, а не ухваты» [6, с. 53]. Поэтический образ матери построен на сочетании романтических и бытовых характеристик. Так она дикарка, фантазерка, чародейка, «каждый, кто к ней приближался, маме ангелом казался», ворожит доброй силе, проехала полмира и в то же время – старомодная кухарка, боится телефона, ее «мир был очень узкий» и не выходил за порог квартиры. Прозаические детали не снижают возвышенного образа, а делают его менее условным, наполняют жизнью. Мать – волшебница и хозяйка, обе ипостаси суть единое целое:

Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.
Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.

Она держит дом и небо (и дом как небо), подобно атланту, дает пищу телесную и духовную, видится центром гармонии, единственной опорой, способной удержать рушащуюся вселенную:

Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной
Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.

В «Четвертой Вологде» говорится, что после того, как отец ослеп, именно «мать и приняла на свои плечи небосвод нашей семьи» [6, с. 143]. Произведения создавались параллельно, очевидна прямая перекличка с приведенной стихотворной цитатой. Романтическая чародейка, наделенная способностью совершать домашние чудеса, в финале стихотворения трансформируется в эпическую героиню, а ее последнее чудо обрисовано как подвиг титана. Мать уподобляется библейскому богатырю Самсону, только он разрушил дом филистимлян, а она, напротив, свой дом удержала. Автор отталкивается от фигурального значения слова «прямой», акцентированного повторами и вариациями: прямая спина мамы указывает на незыблемость жизненных установок и принципов. Образ матери окрашен отношением лирического субъекта, истоки которого конкретизируются в одной из последних строф:

Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,
Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной.

Фантазерка и чародейка – волшебный даритель, наделяющий своего сына чудесной силой – поэтическим даром, а вместе с ним – мучительной способностью принять на свои плечи тяжесть мира.

Мотив чуда как обретения творческого зрения становится ключевым в стихотворении «Прачки». В его основе – вновь детское воспоминание-впечатление. Лирический субъект хранит память о себе-ребенке, в сознании которого происходит вол-

шебное преобразование бытовой сцены стирки на реке в мистическое действо, в нем каждая реалия обретает особый символический смысл. Девять прачек – девять муз, дочерей гармонии, река – Кастальский ключ, дающий вдохновение, полоскание белья – волшебное «состязание света и звука», проявление эстетического совершенства в обыденном. Все вместе организуется в таинство поэтического прозрения, получения творческого дара:

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья [6, с. 245].

Увидеть в бытовом сверхъестественное способен не каждый, но именно такая особая чуткость дана лирическому субъекту. Поэзия соотносится с музыкой, имманентной повседневности. Будущий творец здесь выступает в роли визионера и обретает способность извлекать мелодию из окружающего мира. Само слово «чудо» в данном тексте не употребляется, однако все происходящее наделяется свойствами чуда, то есть, во-первых, мыслится как выпадение из повседневности за пределы реального времени и пространства; во-вторых, необъяснимо с точки зрения причинно-следственной связи; в-третьих, запечатлевает преобразование-прозрение героя.

Выводы

Мотив чуда устойчиво проявляется в целом ряде стихотворений Шаламова о детстве и прочно связан с данной порой жизни. Чудо у него не есть форма коммуникации человека и Бога (скорее присутствует отсылка к ее невозможности или отсутствию – см. стихотворение «В церкви»), а преобразенное в таинство событие, в коем проявляется высшая иррациональная сущность и смысл. На примере четырех рассмотренных текстов видно, что самые простые вещи в авторской ретроспекции приобретают статус чудесного. Все они связаны с домом (шире – с родным городом), центром которого является мать. События прошлой жизни воскресают в сознании лирического субъекта и, увиденные через призму прожитого, осмысливаются как сверхъестественные и наделяются сверхзначимостью, определяют судьбу. Повседневные впечатления преобразуются авторским зрением в онтологические картины вне времени и пространства: катание на коньках – в жизненный путь, предначертанный роком; домашний театр теней – в пустоту настоящего; мама-кухарка и волшебница – в эпическую и трагическую героиню; прачки, стирающие на реке, – в таинство обретения поэтического дара. Хранилище чудес – память поэта, в ней прошлое, с одной стороны, видится иллюзией, чем-то нереальным и несбыточным, с другой – его можно вновь пережить как воспоминание и наделять особым смыслом.

Также означенный мотив косвенно присутствует в стихотворениях «Виктору Гюго» (как первое соприкосновение с театром), «Орудье кружевницы, известное давно...» (как чудо ремесла), «Старая Вологда» (родной город соотносится со сказкой о Жар-птице), которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1955. 683 с.
2. Есипов В.В. «Учусь растить любовь и гнев...». URL: <https://shalamov.ru/research/275/>
3. Задорина А.О. Мотив чуда в свете персонажной структуры романа М.Л. Леонова «Пирамида» // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2011». М., 2011. С. 213–214. URL: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/8.pdf>

4. Кротова Д.В. Тема памяти в лирике В. Шаламова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. №3. С. 104–109.
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1998. 526 с.
6. Шаламов В.Т. Четвертая Вологда: повесть, рассказы, стихи. Вологда, 2017. 271 с.
7. Шатин Ю.В. Событие и чудо // Дискурс. 1996. №2. С. 6–11.

References

1. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t. T. 4* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl: in 4 vol. Vol. 4]. Moscow, 1955. 683 p.
2. Esipov V.V. «Uchus' rastit' liubov' i gnev...» [I learn to grow love and anger]. Available at: <https://shalamov.ru/research/275/> (accessed 2 November 2017)
3. Zadorina A.O. Motiv chuda v svete personazhnoi struktury romana M.L. Leonova «Pirami-da» [The motive of miracle in the character structure of the novel Pyramid by M.L. Leonov]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2011»* [The materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2011”]. Moscow, 2011, pp. 213–214. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/8.pdf> (accessed 2 November 2017)
4. Krotova D.V. Tema pamiati v lirike V. Shalamova [Memory topic in the verses by V. Shalamov]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. The scientific reports of High School], 2017, no. 3, pp. 104–109.
5. Shalamov V.T. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 3* [Collected works issued in 4 vol. Vol.3]. Moscow, 1998. 526 p.
6. Shalamov V.T. *Chetvertaia Vologda: povest', rasskazy, stikhi* [The Fourth Vologda: stories, narratives, verses]. Vologda, 2017. 271 p.
7. Shatin Iu.V. Sobytie i chudo [Event and miracle]. *Diskurs* [Discourse], 1996, no. 2, pp. 6–11.

Voronina T.N. «Домашней жизни чудеса» в лирике В.Т. Шаламова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 53–59.

For citation: Voronina T.N. “Miracles of home life” in the lyrics by V.T. Shalamov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 53–59.

Веселова Валентина Александровна

Кандидат филологических наук,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: solita_@mail.ru

Veselova Valentina Alexandrovna

PhD in Philology Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: solita_@mail.ru

**СТАТЬЯ Н.Д. АХШАРУМОВА
О ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО
«ВОСПИТАННИЦА» В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
1860-х ГОДОВ¹**

**ARTICLE BY N.D. AKHSHARUMOV
ON THE PLAY BY A.N. OSTROVSKY
A PROTÉGÉE OF THE MISTRESS
IN THE CONTEXT OF LITERARY
CRITICS OF THE 1860-IES**

Аннотация. Драма А.Н. Островского «Воспитанница» становится предметом критики сразу после публикации. Не все критики единодушны в высокой оценке произведения. Н.Д. Ахшарумов, представитель эстетического направления, отнесся к пьесе наиболее строго. Критик обвиняет автора в том, что копируя лишь мрачные стороны провинциального быта, он нарушает принцип целостности и этим лишает свою пьесу достоверности и художественной ценности. А.Н. Добролюбов вступает в полемику с Ахшарумовым. Представитель революционно-демократической критики считает, что Островский, обращаясь к определенному социальному явлению, выдерживает главный критерий ценности художественного произведения – верность действительности.

Abstract. Drama by A.N. Ostrovsky A Protégée of the Mistress (Vospitannitsa, known also as The Ward Girl) becomes the subject of criticism immediately after publication. Some critics are not ready to speak in praise of the work. A representative of the aesthetic direction in literature N.D. Akhsharumov most strictly reacts to the play. The critic accuses the author of having portrayed only the dark side of provincial life. By this he violates the principle of integrity and it deprives his play of authenticity and artistic value. A.N. Dobrolybov enters the debate with Akhsharumov. This representative of the revolutionary-democratic critics believes that Ostrovsky, addressing a specific social phenomenon, withstands the main criterion of the artistic value of the work of art being truthful about the reality.

Ключевые слова: «реальная» критика, эстетическая критика, пьеса, драматургия, чистое искусство

Keywords: real criticism, esthetic criticism, play, dramaturgy, pure art

Введение

Пьеса Н.А. Островского «Воспитанница» была закончена в 1858 году, хотя задумана была тремя годами раньше. Первоначально она имела название «Кошке игрушки, мышке слезки» и сопровождалась подзаголовком «Сцены из деревенской жизни». Заглавие «Воспитанница» появилось только в 1859 году, когда произведение после последних авторских правок было впервые опубликовано в «Библиотеке для чтения».

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491): «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик»

Пьеса занимает важное место в творческой эволюции драматурга. Она предшествовала написанной в 1859 году драме «Гроза», которая стала своего рода ее усовершенствованным вариантом. Не случайно в том же году, в котором была написана «Гроза», появляется новое название – «Воспитанница». Новым названием автор подчеркивает, что обращаясь к отдельному драматическому эпизоду из жизни сироты, взятой в барский дом на воспитание, он не просто изображает отдельную сцену из жизни провинциальной русской помещицы и ее семьи, а воссоздает достоверную картину целого мира помещичьей усадьбы и картину нравов современной ему России. Таким образом, за частным событием в драме легко угадывается целое социальное явление. На это сразу обращает внимание современная критика.

Основная часть

Пьеса Н.А. Островского «Воспитанница» не вызвала такого широкого резонанса как, например, «Доходное место» или «Гроза», написанные им в этот же творческий период. Однако она сразу заслужила признание со стороны представителей разных направлений русской литературной критики. О пьесе Островского доброжелательно отзывались М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, А.А. Григорьев, А.В. Дружинин.

Однако не все критики были единодушны в высокой оценке пьесы. Особенно строго отнесся к произведению Н.Д. Ахшарумов. Он пишет о «Воспитаннице» как о драматургическом произведении, практически лишенном художественных достоинств. Такое восприятие пьесы связано с тем, что методологическая основа работ Ахшарумова во многом сформировалась на основе базовых идей эстетического направления русской литературной критики, хотя сам критик неоднократно подчеркивает, что в своей деятельности он не руководствуется какой-либо конкретной теорией. Ключевой идеей в его работах становится идея противопоставления «свободного искусства» искусству «реальной школы», подчиненного, по его мнению, неким искусственным догмам и теориям, которые лишают художника его естественного права на свободу творческого самовыражения, а критика – возможности по-настоящему понять автора и его литературное произведение.

Критическую статью, посвященную пьесе «Воспитанница», Ахшарумов написал сразу после появления произведения Островского в печати. Эта статья была опубликована в 1859 году в сборнике «Весна». Анализируя пьесу, Ахшарумов отзывается о ней резко и почти ничего не пишет о достоинствах произведения. Критик отмечает такие недостатки художественных образов, созданных драматургом, как односторонность, статичность и карикатурность: «Уланбекова, Леонид, Василиса Перегриновна, Потапыч, Гавриловна, Лиза и Гриша – все обозначено двумя или тремя яркими чертами; но все это не более как портреты, которые стоят почти без движения в своих рамках; – заманчивые намеки на что-то такое, чего мы напрасно ожидаем впоследствии; – аккорды, прелюдирующие мотивам какой-то отсутствующей мелодии; – резкие особенности человеческой природы, лишённые естественной своей полноты, лишённые всего, что могло бы хоть сколько-нибудь смягчить и округлить их карикатурную угловатость» [1, с. 350]. В пьесе, как считает Ахшарумов, есть единственный персонаж, который интересен именно как живой человек, обладающим своим индивидуальным характером. Таким персонажем для него является Надя. Все остальные герои, по его мнению, представлены как отвлеченные фигуры, наделённые только двумя- тремя резко отрицательными чертами. Единственные верные и меткие авторские характеристики, заслуживающие внимания, можно увидеть только в списке действующих лиц, который в глазах критика является подлинным образцом художественного творчества. Характеристики героев здесь представлены пре-

дельно емко, убедительно и выразительно, но ими на первой странице пьесы и заканчиваются все ее достоинства.

В объяснении Ахшарумовым недостатков пьесы «Воспитанница» можно найти очевидное сходство его позиции с ключевыми принципами органической критики Ап. Григорьева. Созданные Островским характеры, как считает критик, лишены убедительности и какого-либо развития потому, что в создании персонажей, как и в описании быта и нравов помещицкой усадьбы в целом, оказывается нарушенным один из важнейших принципов художественной интерпретации действительности – принцип органической целостности изображаемого. Соблюдение этого принципа, с точки зрения Ахшарумова, является важнейшим показателем ценности художественного произведения и одним из основных критериев его оценки критикой: «Скопировать грязные пятна какой-нибудь сферы жизни и очернить самую жизнь – вещи две разные. Пятна могут быть до гадости сходны; но они одни жизни все-таки собой не дадут. Пусть будет человек весь с головы до ног покрыт самой отвратительной грязью; все-таки изобразив одну его грязь вы не дадите о нем живого понятия; потому что он все-таки человек, а не грязь» [1, с. 353].

Ахшарумов упрекает Островского в дагерротипичности. По его мнению, автор пьесы «Воспитанница», копируя только самые неприглядные стороны провинциального быта, пытается воссоздать реалистичную картину современной действительности, которая должна стать олицетворением целого социального явления, однако в конечном итоге ему это не удается. Эта картина оказывается далекой от реальной жизни и лишенной объемной перспективы, потому что автор, доводя до крайности отдельные черты изображаемого, полностью игнорирует другие: «Анализ имеет право разлагать живое на какие угодно атомы и доводить это разложение до какой угодно степени; но оно не дает еще права выдавать за тип органического неделимого какой-нибудь один из его составных элементов» [1, с. 354].

Противоположную точку зрения высказывает Н.А. Добролюбов, представитель революционно-демократической критики. Свой первый отзыв, посвященный пьесе «Воспитанница», он пишет в 1859 году и публикует его в «Библиотеке для чтения». По форме это небольшая рецензия. Как и статья Н.Д. Ахшарумова, она представляет собой непосредственный взгляд на только что опубликованное произведение. Она не носит характера открытой полемики, как следующие критические статьи Добролюбова, посвященные драматургии Островского. Однако если Ахшарумов в своем критическом отзыве обозначает только собственную позицию, не противопоставляя ее чьей-либо, Добролюбов, представив краткую характеристику современного литературного процесса, упоминает о своих оппонентах и сразу же вступает с ними в полемику.

При этом взгляд Добролюбова на литературу как представителя «реальной» критики в этом критическом отзыве неоднозначен. С одной стороны, он настроен полемически по отношению к тем авторам, которые игнорируют общественную направленность произведения и руководствуются только критерием чистой художественности. С другой стороны, Добролюбов сетует на то, что в современной беллетристике слишком мало талантливых произведений, потому что их авторы отделяют «в этих произведениях живую общественно-полезную остроту от того, что собственно называется художественным талантом» [4, с. 175]. Таким образом, критерий эстетической значимости произведения не только не отвергается критиком, но и признается не менее важным, чем критерий «пользы».

Главная задача самой рецензии носит частный характер. Как поясняет сам Добролюбов, ему важно, прежде всего, познакомить читателя с содержанием пьесы, поэтому подробного анализа произведения здесь нет. Большую часть отзыва занимает

фрагмент текста самой пьесы. Добролюбов лишь кратко говорит об основных достоинствах «Воспитанницы», и его мнение является противоположным тому, которое высказал Ахшарумов. Так, Ахшарумов упрекает автора в том что, для своих сцен деревенской жизни он выбрал только самые мрачные стороны, превратив изображаемое в абстрактную картину, далекую от реальной жизни. В результате этого вместо «живых характеров на сцену вышли эссенции и экстракты [1, с. 356]. Добролюбов, напротив, ценит пьесу за то, что в ней отсутствуют резкие тона, а также за то, что она оказывается предельно близкой реальной жизни. «В этом произведении, – пишет он, – вовсе нет резких и грубых черт, к каким прибегают иногда писатели для того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемого ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером, и ни в одном слове, ни в одном движении действующих лиц мы не заметили вмешательства личности самого автора. С первой до последней сцены – перед нами действительная жизнь» [4, с. 176].

Статья «Темное царство», также опубликованная в 1859 году, представляет собой подробный и обстоятельный разбор творчества Островского в целом. Рассуждая о сложной судьбе драматургии Островского в русской критике, Добролюбов опирается на идею, которая, на первый, взгляд кажется сходной с идеей «свободного искусства» Ахшарумова. Так, Ахшарумов пишет о праве свободного художника, согласно которому искусство не должно подчиняться каким бы то ни было «предписаниям» и «догматам школьных теорий» [2, с. 291]. Критика, лишая автора этого естественного права, ставит его в неловкое положение школьника, которого отчитывает профессор: «И уж не сам ли это покойный учитель словесности, на лекциях которого вы когда-то спали так сладко, восстал теперь из гроба и разбирает с кафедры одно из ваших упражнений на заданную тему?» [5, с. 289].

Добролюбов, анализируя противоречащие друг другу суждения разных критиков о творчестве Островского, указывает на главную их ошибку. Эта ошибка заключается, по его мнению, в том, что литературная критика все время пытается сделать автора выразителем определенных взглядов и теорий, в то время как Островский не был последовательным сторонником какой-то идеологии. Начиная статью «Темное царство» Добролюбов объясняет, что невозможно навязывать художнику какие-либо убеждения, согласно которым он должен создавать свое произведение. «Мы не задаем автору никакой программы, – пишет он, – не составляем для него никаких предварительных правил, сообразно с которыми он должен задумывать и выполнять свои произведения. Такой способ критики мы считаем очень обидным для писателя, талант которого всеми признан и за которым упрочена уже любовь публики и известная доля значения в литературе» [5, с. 317].

Рассуждения по поводу того, чем должен руководствоваться критик в разборе художественного произведения, сходны с мыслями Ахшарумова о свободе художественного творчества. Более того, говоря о позиции литературной критики, которая ждет от автора солидарности с какой-либо идеологией или теоретической программой, Добролюбов использует в «Темном царстве» то же сравнение, что и Ахшарумов. По его мнению такая позиция «ставит критика в положение школьного педанта, собравшегося проэкзаменовать какого-нибудь мальчика» [5, с. 318]. Однако утверждая право художника на свободу, оба критика понимают эту свободу по-разному; развивают эту мысль с точки зрения того направления литературной критики, принципами которого они руководствуются.

Ахшарумов ищет критерии оценки в эстетической природе самого произведения. Он считает, что «мерило критической оценки находится, прежде всего, в том самом произведении, которое мы хотим оценить. Из него оно должно быть выведено и к

нему применено; а потому ценить художественное произведение на основании каких-нибудь готовых законов и правил – значит вовсе не понимать существенного смысла и достоинства критики» [2, с. 293–294]. Добролюбов не отвергает ценности эстетических достоинств художественного произведения. Однако он признается, что сознательно отказывается делать их предметом критического разбора потому что не чувствует в себе призвания «отвечать за воспитание эстетического чувства публики» [5, с. 320]. Здесь он вступает в полемику с Ахшарумовым, прямо указывая на своего оппонента: «Предоставляя это гг. Алмазову, Ахшарумову и им подобным, мы изложим здесь только те результаты, какие дает нам изучение произведений Островского, относительно изображаемой им действительности» [5, с. 321]. Добролюбов называет Ахшарумова поборником чистого искусства, которое считает сибаритским искусством, и обвиняет его в отсутствии критического такта. Анализируя текст статьи Ахшарумова, посвященный пьесе «Воспитанница», он делает вывод, что искусство для его оппонента является не более чем средством «рассеять тоску и горе» [6, с. 278]. Именно поэтому у него вызывает негодование то обстоятельство, что Ахшарумов обвиняет автора пьесы в стремлении изобразить только темные стороны жизни. По его мнению все, что осталось за пределами внимания автора, должна объяснить критика. Так, в пьесе «Воспитанница» частные сцены деревенской жизни становятся для Добролюбова поводом для самостоятельного исследования определенного социального явления – «темного царства». Оно представляет собой, по мнению критика, целый мир, центром которого становится личность самодура, типичная фигура. В «Воспитаннице» – это помещица Уланбекова.

Выводы

Одним из критериев оценки достоинств художественного произведения литературной критикой становится верность действительности, и с этой точки зрения пьесе «Воспитанница» оценивают представители разных направлений критики. По мнению Ахшарумова, которому были близки ключевые позиции эстетической критики, пьеса Островского не отвечает ее критериям. Критик считает, что копируя только самые неприглядные стороны реальной действительности и рисуя их только самыми мрачными красками, автор пьесы лишает свое произведение достоверности и создает отвлеченную и условную картину. Добролюбов, представитель «реальной критики», напротив, считает, что Островский, как и любой талантливый художник, обладает неким интуитивным художественным чутьем, которое заставляет его всегда оставаться верным правде жизни; и если автор пьесы не находит светлых тонов для изображения сцен деревенской жизни, то найти их – это уже задача литературной критики. В то время как Ахшарумов занимает позицию читателя, который ищет утешения от реальной действительности в художественном произведении, Добролюбов находит в пьесе повод для обращения к социальному явлению, объяснить которое можно только выйдя за пределы произведения.

Литература

1. Ахшарумов Н.Д. Воспитанница, комедия А.Н. Островского // Весна. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859. С. 345–357.
2. Ахшарумов Н.Д. Тысяча душ / Весна. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859. С. 291–343.
3. Берлинер Г. Литературные противники Добролюбова // Литературное наследство. 1936. Т. 25. С. 32–68.
4. Добролюбов А.Н. Воспитанница, комедия А.Н. Островского // Собр. соч. в трех томах, М. 1987. Т. 2. С. 175–181.

5. Добролюбов А.Н. Темное царство // Собр. соч. в трех томах, М. 1987. Т. 2. С. 316–483.
6. Добролюбов А.Н. Весна. Литературный сборник на 1859 год // Собр. соч. в 3 т. М. 1987. Т. 2. С. 276–294.

References

1. Akhsharumov N.D. Vospitanniza, komedia A.N.Ostrovskogo [*The Ward Girl*, comedy by A.N. Ostrovsky's]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [The Spring. Literary collection for 1859]. St Petersburg, 1859, pp. 345–357.
2. Akhsharumov N.D. Tysiacha dush [One thousand souls]. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [The Spring. Literary collection for 1859]. St Petersburg, 1859, pp. 291–343.
3. Berliner G. Literaturnye protivniki Dobrolubova [Literary opponents of Dobrolyubov]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. 1936, vol. 25, pp. 32–68.
4. Dobrolubov A.N. Vospitanniza, komedia A.N.Ostrovskogo [The Ward Girl, comedy by A.N. Ostrovsky's]. *Sobranie sochineniy v treh tomah* [Collected works in three volumes], vol. 2. Moscow, 1987, pp. 175–181.
5. Dobrolubov A.N. Temnoe zarstvo [Dark Kingdom]. *Sobranie sochineniy v 3 t.* [Collected works in three volumes]. Vol. 2, Moscow, 1987, pp. 316–483.
6. Dobrolubov A.N. *Vesna. Literaturnyi sbornik na 1859 god* [The Spring. Literary collection for 1859] // *Sobranie sochineniy v treh tomah* [Collected works in three volumes], vol. 2. Moscow, 1987, pp. 276–294.

Veselova V.A. Статья Н.Д. Ахшарумова о пьесе А.Н. Островского «Воспитанница» в контексте литературной критики 1860-х годов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 60–65.

For citation: Veselova V.A. Article by N.D. Akhsharumov on the play by A.N. Ostrovsky *a protégée of the mistress* in the context of literary critics of the 1860-ies. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 60–65.

Ганичева Светлана Алексеевна

Кандидат филологических наук,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: sganicheva@mail.ru

Ganicheva Svetlana Alekseevna

PhD in Philology Sciences,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: sganicheva@mail.ru

**СТРЕКОТАНИЕ СВЕРЧКА
В ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА¹**

**CRICKETS' CHIRPING IN
THE DIALECT LANGUAGE
PICTURE OF THE WORLD**

Аннотация. В статье рассматриваются народные представления о стрекотании сверчков, отраженные в глагольной лексике говоров. Когнитивное истолкование дается семантике глаголов, которые могут обозначать звуки, издаваемые сверчком, а также контекстам употребления этих слов в речи. Источником материала для исследования является картотека «Лексического атласа русских народных говоров».

Abstract. The article is focused on folk ideas of the crickets chirping, reflected in the dialects. The semantics of verbs denoting the chirping of crickets and the contexts of the use of these words in speech received cognitive interpretation. The source of the data for the study is the index of the «Lexical Atlas of Russian Folk Dialects».

Ключевые слова: русские говоры, диалектные глаголы, диалектная языковая картина мира

Keywords: Russian dialects, dialect verbs, dialectal language picture of the world

Введение

С конца XX века появляется все больше исследований, посвященных диалектной языковой картине мира. В силу сложности этого феномена исследователи, как правило, выбирают для рассмотрения его отдельные фрагменты: представления о мире природы [см.: 3, 12 и другие], ключевые понятия русского сознания (время, погода, жизнь, круговое движение [10]; представления о жизни, смерти, любви [2]) и т.д.

Звуковая картина мира, отраженная в говорах, изучена мало. Специальным объектом исследования она являлась только на пермском материале в работах М.Г. Вершининой и С.С. Шляховой [см.: 4]. В то же время звуки играют большую роль в формировании образа мира в человеческом сознании, о чем говорит, в частности, оппозиция «звук – тишина», которой соответствует семантическая оппозиция «жизнь – смерть» [13, с. 149–150]. Фундаментальное системное описание русской диалектной языковой картины мира невозможно без изучения той ее составляющей, которая связана со звуком.

Основная часть

В числе прочих к сущностным характеристикам звука относятся процессуальность и наличие временной протяженности, поэтому специализированным языковым

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО (проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»).

средством обозначения звука можно считать глагольную лексику (глаголы звучания). Следовательно, из лексических средств языка глаголы звучания наиболее полно отражают звуковую составляющую языковой картины мира и реконструкцию этой составляющей можно основывать на их анализе. Данная статья продолжает серию работ в этом направлении, выполненных на основе анализа глаголов звучания и посвященных народному восприятию голосов живых существ [см.: 5–7 и др.].

Предметом исследования в статье являются глаголы, обозначающие стрекотание сверчка. Это насекомое издавна живет рядом с человеком и играет определенную роль в славянской картине мира. Так, А.В. Гура в работе «Символика животных в славянской народной традиции» отмечает, что сверчок представлен во многих славянских поверьях [8, с. 519–520].

Номинативный ряд глаголов, обозначающих стрекотание сверчка, извлечен из картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» (далее – ЛАРНГ). Особая ценность этого материала для когнитивного рассмотрения в том, что картотека атласа предоставляет в распоряжение исследователя весь спектр языковых средств обозначения вокализаций живого существа. Для анализа этих глаголов нами разработана специальная методика, учитывающая специфику материала: в картотеке атласа представлены номинативные ряды глаголов, которые могут выражать в говорах то или иное значение. Эти глаголы различаются по объему семантики (ср. *петь* и *сверчать* – о сверчке), сопровождаются примерами употребления в речи. Соотношение глаголов узкой и широкой семантики внутри номинативного ряда, типичные пересечения номинативных рядов между собой, типичные метафорические переносы позволяют сделать вывод о роли исследуемого звука в картине мира носителя говора, а также о его сближении с другими звуками. Анализ речевой реализации глаголов позволяет сделать вывод о том, с каким временем и пространством соотносится звук в человеческом сознании, а также о том, какова человеческая оценка этого звука.

Материалы картотеки ЛАРНГ свидетельствуют о том, что для обозначения звуков, издаваемых сверчком, в говорах часто используются слова широкой семантики. Большинство из них обозначает громкие и резкие звуки (*верещать*, *кричать*, *стрекотать*, *трещать*, *свиричать* и другие) или высокие звуки (*пищать*, *свиристеть*, *свистеть*, *чивкать* и другие). Это свидетельствует о том, что носителями языка стрекотание сверчка воспринимается как высокое, громкое и резкое. Этот вывод подтверждается контекстами: *Бывало, так громко за печкой свистят сверчки-то, аж спать невозможно* (респ. Коми, Прилузский р-н); *Когда тихо, очень хорошо слышно, как сверчок сверчит* (Кировская обл., Опаринский р-н); *Цвиркун свирищал очень громко* (Курская обл., Львовский р-н); *Сверчок всю ночь стрекотал, не давал спать* (Волгоградская обл., Городищенский р-н) и другие. Следует также отметить, что звуки, издаваемые сверчком, могут восприниматься как пение (*петь*).

Стрекотание сверчка сближается в человеческом представлении с треском кузнечика, что прослеживается в использовании одних и тех же глаголов по отношению к этим насекомым. В ряд таких слов входят как глаголы широкой семантики (*стрекотать*, *трещать*), так и видоспецифичные лексемы (*цвирикать*, *чиркать*, *чурюкать*; ср.: *цвирикать* ‘издавать характерные звуки, похожие на «цвирик-цвирик» (о сверчке, кузнечике)’ [11, т. 4, с. 635], *чиркать* ‘издавать звук чир’ *Сверчок и кузнечик чиркают* [9, т. 4, с. 1345], *чурюкать* ‘стрекотать’ *Кузнечик чурюкает* [1, с. 585]). Контексты в картотеке ЛАРНГ также отражают сближение стрекотания сверчка и кузнечика: *Обычно сверчки, как кузнечики, трещат* (Владимирская обл., Ковровский р-н); *Сверчки стрекочут, как кузнечики, громко так, стрекот далеко доносится* (Смоленская обл., Руднянский р-н) и др.

Следует отметить, что в славянской символике живых существ образы этих насекомых тесно связаны друг с другом. Так, «у русских, согласно В.И. Далю, сверчки делятся по месту обитания на запечных (собственно сверчок), полевых или лесных (кузнечик) и земляных (земляной сверчок или земляной рак – насекомое медведка)» [8, с. 516]. Кроме того, в восточнославянских диалектах названия кузнечика и сверчка нередко совпадают [8, с. 516], что отражается в ряде контекстов, в которых речь, по всей видимости, идет о кузнечиках, а не о запечных сверчках: *Сверчает часто в огороде у меня сверчок* (респ. Карелия, Прионежский р-н); *Вот как засуха, сверчки сверчат громко* (Московская обл., Лотошинский р-н) и др.

В общей совокупности представлений о голосах живой природы, существующей в сознании носителей говоров, стрекотание сверчка сближается с вокализациями птиц (а не животных). Об этом свидетельствует тот факт, что часть глаголов широкой семантики, относящихся к сверчку, также используется для обозначения звуков, издаваемых птицами: сорокой (*стрекотать, трещать*), соловьем (*свиристеть, свистеть*), синицей (*чивкать*) и др.

Контексты, иллюстрирующие употребление глаголов, позволяют определить, с каким пространством и временем соотносятся в человеческом сознании звуки, издаваемые сверчком, а также установить, как стрекотание оценивается человеком.

Если говорить о **пространстве**, то в подавляющем большинстве контекстов говорится, что сверчок стрекочет **под печью** или **за печью**: *Сверчок начнет чиркать за печкой* (респ. Коми, Усть-Цилемский р-н); *Сверчок не одну ночь за печью трещит* (Вологодская обл., Великоустюгский р-н); *Сверчок у нас за печкой чувьркает* (Кировская обл., Лузский р-н); *У меня чивкун под печкой живет, чивкает по ночам* (Вологодская обл., Тотемский р-н); *В старом доме жил у нас сверчок, стрекотал за приступком* (Вологодская обл., Междуреченский р-н.); *Чиркун чиркает за печкой* (Тверская обл., Молоковский р-н) и другие. В контекстах, зафиксированных 1–2 раза, упоминаются также и другие укромные уголки (в углу, в щели, под половицей и другие): *В углу за печкой сверчок сверчит* (Нижегородская обл., Воротынский р-н); *Сверчок залезет и свистит в углу* (Воронежская обл., Семилукский р-н); *Сверчок на глаза не попадает, его трудно увидеть, он в щелочках забивается, слышно тока, как он сверчит* (Московская обл., Ступинский р-н); *Цыркуны-ты у нас вон под половицей стрекочут* и другие. Три раза встретились контексты со словом *дом*: *В доме заберется под печку и свистит, свистит* (Московская обл., Истринский р-н); *В старом доме жил один, по ночам свистел сильно* (Челябинская обл., Нязепетровский р-н); *Считается, если в доме стрекочет сверчок, это приносит счастье* (Тверская обл., Zubцовский р-н).

Пространственные объекты вне дома (огород, лес, палисадник и другие) упоминаются редко. По всей видимости, в соответствующих контекстах речь идет о кузнечиках, а не собственно о сверчках. Ср.: *В лесу сверчать сверчки* (Костромская обл., Красносельский р-н) и др.

Время, с которым связывается стрекотание сверчка, также весьма определенно: это **ночь** и **вечер**. Например: *Всю ночь сверчок свирищал* (Костромская обл., Галичский р-н); *Сверчки ночью спать не дают, заберутся в щербину и сверчат* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Чиркун любит ночью свиристеть, а днем спит* (Московская обл., Орехово-Зуевский р-н); *Сверчки ночами стрекочут иногда так громко, что надоедает* (Ивановская обл., Лежневский р-н); *Циркун стрекочет вечерами* (Курская обл., Львовский р-н); *Как стемнеет, сверчок под окном начинает стрекотать* (Владимирская обл., Селивановский р-н) и другие. Иные временные характеристики стрекотания сверчка (время суток, продолжительность и др.) встречаются в немногочисленных контекстах, поэтому непоказательны.

Стрекотание сверчка человек обычно расценивает как **громкое**: *Бывало так громко за печкой свистят сверчки-то, аж спать невозможно* (Коми респ., Прилузский р-н); *Сверчит, да и громко так, по всей избы слышать* (Псковская обл., Островский р-н); *Сверчок за печкой живет, чирикает громко* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Ой, так сильно сверчит сверчок по ночам* (Ярославская обл., Некрасовский р-н); *Цвиркун свирищал очень громко* (Курская обл., Льговский р-н); и другие. С этим связана преимущественно **отрицательная оценка** стрекотания, которое **мешает спать и надоедает**: *Ночью, бывает, уснуть не можешь, больно уж громко шумит за печкой* (Удмуртия респ., Ярский р-н); *Сверчки ночью спать не дают, заберется и сверчит* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Вечером как начнет стрекотать – и не уснешь* (Московская обл., Серпуховский р-н); *Сверчок только сверит за печкой. Вережжат там, досадно слушать, они вредные* (Тверская обл., Нелидовский р-н); *Начинает стрекотать, неохота, чтобы он трещал* (Ленинградская обл., Кингисеппский р-н) и др. Один раз записано такое поверье: *Сверчит – это плохо, потому что рядом покойник, так у нас говорят* (Псковская обл., Дедовичский р-н).

Положительная оценка стрекотания встретила только в единичных контекстах: *Хорошо слушать, как стрекочут сверчки по вечерам* (Ивановская обл., Шуйский р-н); *Больно ладно поет сверчок за печкой* (Нижегородская обл., Первомайский р-н) и др.

Выводы

В целом можно сказать, что семантика глаголов рассматриваемого номинативного ряда отражает человеческие представления о стрекотании сверчка. Оно воспринимается носителями говоров как высокое, громкое и резкое. Этот вывод подтверждается и контекстами употребления глаголов в речи. Стрекотание сверчка сближается в народных представлениях со стрекотанием кузнечика. В общей совокупности народных представлений о звуках живой природы стрекотание сверчка оказывается ближе к вокализациям птиц. Звуки, издаваемые сверчком, в народных представлениях имеют достаточно определенную пространственно-временную локализацию (раздаются ночью и вечером в доме за печкой).

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. 608 с.
2. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. 336 с.
3. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. 240 с.
4. Вершинина М.Г., Шляхова С.С. Звуковая диалектная картина мира: к постановке проблемы // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск, 2014. С. 51–57.
5. Ганичева С.А. Диалектные глаголы как средство вербализации представлений о голосах птиц // Славянский альманах. 2017. №1–2. С. 333–343.
6. Ганичева С.А. Когнитивная интерпретация семантики и контекстов употребления глаголов, обозначающих в русских говорах звуки, издаваемые волком, медведем и лосем // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. №3. С. 49–52.
7. Ганичева С.А. Русские глаголы-орнитофоны в контексте диалектной языковой картины мира // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного. М., 2013. С. 645–650.
8. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1–4.
10. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. 464 с.

11. Словарь современного русского литературного языка. М., 1985–1988. Т. 1–4.
12. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007. 392 с.
13. Цивьян Т.В. Отражение звукового пейзажа в языке и в тексте (на материале русской загадки) // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 149–179.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Great explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, 2003. 608 p.
2. Vendina T.I. *Iz kirillo-mefodievskogo nasledia v iazyke russkoi kul'tury* [From the Cyril and Methodius legacy in the language of Russian culture]. Moscow, 2007. 336 p.
3. Vendina T.I. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia* [Russian linguistic worldview through the prism of word formation]. Moscow, 2008. 240 p.
4. Vershinina M.G., Shliakhova S.S. Zvukovaia dialektnaia kartina mira: k postanovke problemu [The sound dialect picture of the world: to the problem statement]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznanii* [General-theoretical and typological problems of linguistics]. Biisk, 2014, pp. 51–57.
5. Ganicheva S.A. Dialektnye glagoly kak sredstvo verbalizatsii predstavlenii o golosakh ptits [Dialect verbs as way of verbalizations ideas of birds' voices]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic almanac], 2017, no. 1–2, pp. 333–343.
6. Ganicheva S.A. Kognitivnaia interpretaciia semantiki i kontekstov upotrebleniia glagolov, oboznachaiushhiih v russkiih govorah zvuki, izdavaemyie volkom, medvedem i losem [Cognitive interpretation of semantics and contexts of the use of the verbs which mean the vocalizations of wolf, bear and elk in the Russian dialects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2015, no. 3, pp. 49–52.
7. Ganicheva S.A. Russkie glagoly-ornitofony v kontekste dialektnoi iazykovoii kartiny mira [Russian verbs denoting birds' voices in the context of the dialect linguistic worldview]. *Russkii iazyk v sovremennom mire: tradicii i innovatsii v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Russian in the Modern World: Traditions and Innovations in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, 2013, pp. 645–650.
8. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997. 912 p.
9. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1994, Vol. 1–4.
10. Nefiodova E.A. *Mnogoznachnost' i sinonimii v dialektnom prostranstve* [The polysemy and synonymy in dialect space]. Moscow, 2008. 464 p.
11. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, 1985–1988, Vol. 1–4.
12. Sokolova A.A. *Landshaft v sisteme traditsionnykh prostranstvennykh predstavlenii: geograficheskaia interpretatsiia dialektnykh obrazov* [Landscape in the system of traditional spatial representations: geographical interpretation of dialect representations]. St Petersburg, 2007. 392 p.
13. Tsiv'ian T.V. Otrazhenie zvukovogo peizazha v iazyke i v tekste (na materiale russkoi zagadki) [Reflection of the sound landscape in the language and text (as exemplified in the Russian riddle)]. *Mir zvuchashchii i molchashchii: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavian* [World of sounds and silence: semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, 1999, pp. 149–179.

Ганичева С.А. Стрекотание сверчка в диалектной языковой картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 66–70.

For citation: Ganicheva S.A. Crickets' chirping in the dialect language picture of the world. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 66–70.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-10
УДК 811. 161.1

© Голушин И., Иванова Е.М., 2017

Голушин Иван

Аспирант, Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет
(Пермь, Россия)
E-mail: ivangolusin@yandex.ru

Golushin Ivan

Post-graduate student,
Perm National Research Polytechnic University
(Perm, Russia)
E-mail: ivangolusin@yandex.ru

Иванова Елена Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: emiva@yandex.ru

Ivanova Elena Michailovna

PhD in Philology Sciences, Associate Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: emiva@yandex.ru

**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О
РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (ИЗ
ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО)**

**ON THE PROBLEM OF THE PLURAL
NOUNS GENITIVE CASE
(FROM EXPERIENCE OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE)**

Аннотация. В статье рассматривается один из самых трудных вопросов в изучении грамматической системы русского языка как иностранного, связанный с усвоением семантики и формальной репрезентации родительного падежа множественного числа имен существительных; обобщается опыт преподавания этой грамматической темы.

Abstract. The article deals with one of the most difficult problems in the study of the grammar system of Russian as a foreign language which is the acquisition of semantics and form of plural nouns genitive case; the paper presents the authors long-term experience in teaching this grammar theme.

Ключевые слова: падежная система, функциональная грамматика, категория падежа, уровни изучения русского языка как иностранного, стилистический вариант словоформы

Keywords: case system, functional grammar, genitive case, masculine, feminine, neuter, singular, plural, ending, levels of studying Russian as a foreign language, stylistic variant of word form

Введение

В процессе реализации как традиционных, так и инновационных технологий преподавания русского языка как иностранного неизменным и объединяющим остается тезис о трудности изучения предложно-падежной системы русского языка, во многом определяющей специфику и богатство русской морфологии в целом. Функционально-коммуникативная концепция изучения русского языка как иностранного в первую очередь опирается на структурно-семантический и функционально-грамматический подход к осмыслению и описанию специфики грамматической системы современного русского языка. Именно поэтому в подаче грамматического материала, репрезентирующего категорию падежа имени существительного, сопрягаются рассмотрение падежного значения как абстракции, отвлеченной от синтаксиче-

ских функций [6], обусловленной характером позиции, а также конструктивный контекст и структурная специфика словоформы. Все это в совокупности дает возможность рассматривать падежные и предложно-падежные формы имени существительного в функциональном аспекте, т.е. как синтаксемы – элементарный «строительный» материал для словосочетания и простого предложения [4], [5, с. 5–6]. Учитывая тот факт, что падеж как носитель значений, отвлеченных от его синтаксических связей и отношений, многозначен, а формализация этих значений стремится к унифицированности, необходимо в процессе изучения русского языка как иностранного находить максимально релевантные основу и формат для трансляции грамматической информации, представляющей для студентов-иностранцев наибольшую трудность. К вопросам такого рода относятся и освоение формы родительного падежа множественного числа имен существительных.

Основная часть

Принципиальность и трудность усвоения формы родительного падежа множественного числа в процессе изучения русского как иностранного подтверждается ее известной актуализированностью и в грамматиконе современного носителя русского языка, о чем ярко свидетельствует стилистико-грамматический материал, представленный в «Грамматической правильности русской речи» [1] – самом удачном, на наш взгляд, ортологическом труде, систематизирующем стилистические варианты грамматической системы русского языка. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному на элементарном уровне [2] требует освоения родительного падежа множественного числа только при обозначении количества, меры в сочетании с числительным «пять» в ограниченных конструкциях (приведен пример: Ручки стоят 5 рублей), а уже на базовом уровне [3] употребление родительного падежа множественного числа ничем не ограничивается, то есть подразумевается его использование с числительными и словами *много*, *мало*, *несколько*, а также в остальных конструкциях. На наш взгляд, изучать на элементарном уровне родительный падеж множественного числа только в ограниченных конструкциях, с конкретным(и) количественным(и) числительным(и), неправильно: многолетний опыт одного из авторов статьи в преподавании РКИ убеждает, что чем раньше и в большем информационном объеме рассматриваемая словоформа будет предъявлена изучающим русский язык как иностранный (вне зависимости от их национально-языковой принадлежности), тем выше оказывается степень ее «выученности» к первому сертификационному уровню и целостнее представление о всей падежной системе русского языка, если, например, учесть тот факт, что особо важную роль в образовании родительного падежа множественного числа существительных играет форма имени существительного, которой в процессе изучения иностранцами русской грамматики отводится критично мало времени. Поскольку максимально релевантным для обобщения грамматической информации и традиционно используемым является формат таблиц, то и мы представляем результаты своего научно-методического опыта в системе таблиц, отражающих комбинацию основных подходов к изучению/освоению формы родительного падежа множественного: по роду существительных в единственном числе, по окончаниям.

А) существительные **мужского рода** в родительном падеже мн.ч. заканчиваются на **-ОВ, -ЕВ, -ЕЙ, -о**.

Существительные м.р. с окончанием на **-ОВ** в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. мн.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-Ы	студент, актёр, кот, серб, документ, договор, стол, автобус, самолёт, лимон, отец, продавец, купец	студенты, актёры, коты, документы, договоры, столы, автобусы, самолёты, лимоны, отцы, продавцы, купцы	студентов, актёров, котов, документов, договоров, столов, автобусов, самолётов, лимонов, отцов, продавцов, купцов
-А	профессор, директор, повар, мастер, дом, город, лес, луг, остров, голос, рог	профессора, директора, повара, мастера, дома, города, леса, луга, острова, голоса, рога	профессоров, директоров, поваров, мастеров, домов, городов, лесов, лугов, островов, голосов, рогов
-И (-КИ) ¹	ученик, казак, учебник, художник, чайник	ученики, казаки, учебники, художники, чайники	учеников, казаков, учебников, художников, чайников
-И (-ГИ) ²	супруг, долг	супруги, долги	супругов, долгов
-И (-ХИ) ³	казах, орех	казахи, орехи	казахов, орехов

Существительные, основа которых в единственном числе заканчивается на твердый согласный, а окончания во множественном числе **-ы** и **-а**, а также (графически) **-ки**, **-ги**, **-хи** и **-цы́** (с ударением во множественном числе на окончании после **ц**), в родительном падеже множественного числа получают окончание **-ОВ**. Некоторые существительные из этой группы могут иметь вариативные окончания, где один из двух вариантов соответствует языковой аналогии, а второй нет. Вариативность может зависеть как от стилистической маркированности слова (книжно-письменный вариант литературной нормы/устный вариант), так и от частотности варианта в русском языке новейшего времени. В уже упоминавшемся словаре-справочнике «Грамматическая правильность русской речи» представлен исчерпывающий список подгрупп существительных мужского рода, испытывающих колебания в образовании форм родительного множественного [1, с. 177–180].

¹ Окончание «-и», графически «-ки» (прим. авт.)

² Окончание «-и», графически «-ги» (прим. авт.)

³ Окончание «-и», графически «-хи» (прим. авт.)

Таблица 2

Существительные м.р. с окончанием на **-ЕВ** в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. (ед./мн.ч.)	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-о (-Й)¹ -И	музей, трамвай, санаторий, еврей	музеи, трамваи, санатории, евреи	музеев, трамваев, санаториев, евреев
-о (-Ц)² -Ы (-ЦЫ)³	мѣсяц, нѣмец, вьетнамец, кубинец	мѣсяцы, нѣмцы, вьетнамцы, кубинцы	мѣсяцев, нѣмцев, вьетнамцев, кубинцев
-о -ЬЯ	стул, лист, брат	стулья, листья, братья	стульев, листьев, братьев

Существительные мужского рода, основа которых заканчивается в единственном числе на **-о** (графически на **-й, -ц**; после **-ц** в случае если ударение во множественном числе остается на основе), а также неодушевленные существительные, которые во множественном числе заканчиваются на **-ья** (за исключением слова *братья*), в родительном падеже множественного числа получают окончание **-ЕВ** (при этом не теряют мягкий знак в основе).

Таблица 3

Существительные м.р. с окончанием на **-ЕЙ** в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. мн.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-ЬЯ	муж, сын, друг	мужья, сыновья, друзья	мужей, сыновей, друзей
-И	преподаватель, покупатель, словарь, карандаш, дядя, судья	преподаватели, покупатели, словари, карандаши, дяди, судьи	преподавателей, покупателей, словарей, карандашей, дядей, судей
-Я	учитель	учителя	учителей

Одушевленные существительные мужского рода, которые во множественном числе заканчиваются на **-ья** (за исключением слова *братья*), а также все существительные на **-и** и **-я** во множественном числе именительного падежа (включая существительные грамматически женского, а природно мужского рода (например *дядя*) и исключая группы на **-ки, -ги, -хи**) в родительном падеже множественного числа получают окончание **-ЕЙ**.

¹ Окончание «-о», графически «-й» в ед. ч. (прим. авт.)

² Окончание «-о», графически «-ц» в ед. ч. (прим. авт.)

³ Окончание «-ы», графически «-цы» во мн.ч. (прим. авт.)

Таблица 4

Существительные м.р. с нулевым окончанием (-ø) в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. (ед./мн.ч.)	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-ø (АНИН/ЯНИН)¹ -Е (-АНЕ/ -ЯНЕ)²	христианин, мусульманин, крестьянин, горожанин, гражданин, россиянин, англичанин, киевлянин, парижанин	христиане, мусульмане, крестьяне, горожане, граждане, россияне, англичане, киевляне, парижане	христиан, мусульман, крестьян, горожан, граждан, россиян, англичан, киевлян, парижан
-ø (-ОНОК/ЁНОК)³ -А (-АТА/ЯТА)⁴	котёнок, ягнёнок, козлёнок, поросёнок, телёнок, цыплёнок, медвежонок, мышонок	котят, ягнята, козлята, поросята, телята, цыплята, медвежата, мышата	котят, ягнят, козлят, поросят, телят, цыплят, медвежат, мышат
-А -Ы/-И	папа, бабушка	папы, бабушки	пап, бабушек

Существительные мужского рода, обозначающие определенную группу лиц или детенышей, заканчивающиеся в именительном падеже множественного числа на **-е** (в ед.ч. суффиксами **-анин/-янин**) и на **-ата/-ята** (в ед.ч. суффиксами **-онок/-ёнок**) соответственно, а также существительные грамматически женского, а природно мужского рода (такие как *папа, бабушка*) во множественном числе родительного падежа имеют нулевое окончание (-ø).

Б) существительные **женского рода** в родительном падеже заканчиваются на **огласный** т.е. **-ø, -ЕЙ, -Й** (графически **-ИЙ**).

Таблица 5

Существительные ж.р. с нулевым окончанием (-ø) в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. мн.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
1	2	3	4
-Ы	проблема, система, мама, сестра, школа	проблемы, системы, мамы, сёстры, школы	проблем, систем, мам, сестёр, школ
-И (-КИ)⁵	девочка, девушка, бабушка, вышка	девочки, девушки, бабушки, вышки	девочек, девушек, бабушек, вышек
-И (-ГИ)⁶	книга, нога	книги, ноги	книг, ног
-И (-ХИ)¹	старуха, сноха	старухи, снохи	старух, снох

¹ Окончание «-ø», графически «-анин/-янин» в ед.ч. (прим. авт.)

² Окончание «-е», графически «-ане/-яне» во мн.ч. (прим. авт.)

³ Окончание «-ø», графически «-онок/-ёнок» в ед.ч. (прим. авт.)

⁴ Окончание «-а», графически «-ата/-ята» во мн.ч. (прим. авт.)

⁵ Окончание «-и», графически «-ки» во мн.ч. (прим. авт.)

⁶ Окончание «-и», графически «-ги» во мн.ч. (прим. авт.)

1	2	3	4
-И (-НИ)²	песня, деревня, читальня, пустыня, кухня	песни, деревни, читальни, пустыни, кухни	песен, деревень, читален, пустынь, кухонь
-И (-ЛИ)³	земля, вафля, неделя, капля, сабля	земли, вафли, недели, капли, сабли	земель, вафель, недель, капель, сабель
-И (-ШИ)⁴	клавиша, рикша, ратуша	клавиши, рикши, ратуши	клавиш, рикш, ратуш
-И (-ЧИ)⁵	дача, тысяча	дачи, тысячи	дач, тысяч
-И (-ЩИ)⁶	тёща, роша	тёщи, рощи	тёщ, рош

Нулевое окончание (-*ø*) по правилу имеют существительные женского рода, которые в именительном падеже множественного числа заканчиваются на **-ы** и на **-и** (графически на **-ки, -ги, -хи, -ни, -ли, -ши, -чи, -щи**).

Таблица 6

Существительные ж.р. с нулевым окончанием (графически -И) в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. ед.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-ИЯ	аудитория, гимназия, филармония, консерватория	аудитории, гимназии, филармонии, консерватории	аудиторий, гимназий, филармоний, консерваторий
-БЯ	оладья, певу́нья	оладьи, певу́ньи	оладий, певу́ний

Существительные, которые в единственном числе именительного падежа заканчиваются на **-ия** и **-ья** (с ударением на основе), в родительном падеже мн. числа заканчиваются на **-ø** (графически **-ий**).

Таблица 7

Существительные ж.р. с окончанием на -ЕИ в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. ед.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-Я (-Я, -БЯ)⁷	идея, тётя, семья	идеи, тётѝ, сѣмѝи	идей, тѣтей, сѣмѣй
-Ь	кость, площадь, кровать, мышь, тетрадь	кости, площади, кровати, мыши, тетради	костѣй, площаде́й, кровате́й, мыше́й, тетраде́й

¹ Окончание «-и», графически «-хи» во мн.ч. (прим. авт.)
² Окончание «-и», графически «-ни» во мн.ч. (прим. авт.)
³ Окончание «-и», графически «-ли» во мн.ч. (прим. авт.)
⁴ Окончание «-и», графически «-ши» во мн.ч. (прим. авт.)
⁵ Окончание «-и», графически «-чи» во мн.ч. (прим. авт.)
⁶ Окончание «-и», графически «-щи» во мн.ч. (прим. авт.)
⁷ Окончание «-я», графически «-я» и «-бя» в ед.ч. (прим. авт.)

Существительные женского рода, которые в единственном числе именительного падежа заканчиваются на мягкий согласный (графически **-ь**) и **-я** (графически **-я** и **-ья́** кроме **-ия**), во множественном числе родительного падежа получают окончание **-Ей**.

В) существительные **среднего рода** в родительном падеже мн.ч. заканчиваются на **-о**, **-й** (графически **-Ий**), **-Ей**, **-ЕВ**.

Таблица 8

Существительные ср.р. с нулевым окончанием (**-о**) в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-А¹	село, озеро, окно, полотенце, зеркальце, блюдо	сёла, озёра, окна, полотенца, зеркальца, блюдца	сёл, озёр, окон, полотенец, зеркалец, блюдец
-Е (-ИЩЕ)²	училище, топорйще, дружище	училища, топорйща (топорищи), дружищи	училищ, топорйщ, дружищ
-И³	яблоко, плечо	яблоки, плечи	яблок, плеч

Нулевое окончание (**-о**) имеют существительные среднего рода, которые во множественном числе именительного падежа заканчиваются на **-А** (в том числе все, которые в ед.ч. графически заканчиваются на **-ище**, а также слова **яблоко**, **плечо**).

Форма род.п. мн.ч. существительных сред.р., заканчивающихся на **-Е** (графически **-ЩЕ**) в ед.ч., по словарю-справочнику «Грамматическая правильность русской речи» малоупотребительна. Большинство из существительных, у которых употребляется форма род.п. мн.ч., имеют **нулевое** окончание (*зеркальце-зеркальца-зеркалец; одеяльце-одеяльца-одеялец*).

Таблица 9

Существительные ср.р., заканчивающиеся на **-о** (графически **-Ий**) в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. ед.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-Е (-ИЕ)⁴	здание, упражнение, здание, звание, знание, умение	здания, упражнения, здания, звания, знания, умения	зданий, упражнений, званий, знаний, умений
-Е (-ЬЕ)⁵	приморье, печенье, побережье	приморья, печенья, побережья	приморий, печений, побережий

Существительные ср.р., которые в единственном числе именительного падежа заканчиваются на **-ие** и **-ье** в родительном падеже множественного числа заканчиваются на **-й** (графически **-ий**).

¹ Окончание «-а» во мн.ч. (прим. авт.)

² Окончание «-е», графически «-ище» в ед. ч. (прим. авт.)

³ Окончание «-и» во мн.ч. (прим. авт.)

⁴ Окончание «-е», графически «-ие» в ед. ч. (прим. авт.)

⁵ Окончание «-е», графически «-ье» в ед. ч. (прим. авт.)

Существительные ср.р., заканчивающиеся на **-ЕЙ** в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. мн.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-Я	море, поле	моря, поля	морей, полей
-И	око, ухо, колено	уши, очи, колени	ушей, очей, коленей

Во множественном числе родительного падежа окончания **-ЕЙ** имеют сущ. ср.р., которые во множественном числе именительного падежа заканчиваются на **-я** и **-и** (за исключением слов *яблоко, плечо*).

Таблица 11

Существительные ср.р., заканчивающиеся на **-ЕВ** в род.п. мн.ч.

Окончания существительных в им.п. мн.ч.	Именительный падеж ед.ч.	Именительный падеж мн.ч.	Родительный падеж мн.ч.
-Я (-ЬЯ)¹	дерево, крыло, звено, дно	деревья, крылья, звенья, донья	деревьев, крыльев, звеньев, доньев

Окончание **-ев** в род.п. мн.ч. имеют все существительные среднего рода, которые в именительном падеже множественного числа заканчиваются на **-я** (графически **-ья**).

Выводы

Как показывает опыт преподавания РКИ, формирование грамматических знаний и навыков у изучающих русский язык как иностранный уже на элементарном уровне должно осуществляться на расширенном (по сравнению с объемом, предлагаемым Государственным стандартом) грамматическом материале, т.е. носить опережающий характер. Это касается и объективно сложной для усвоения грамматической формы родительного падежа множественного числа, проявляющей высокую степень вариативности, имеющей различные по своему характеру причины. Осуществленная при помощи таблиц систематизация грамматического материала по родительному множественного дает возможность уже на начальном (элементарном, базовом) [8, с. 85] уровне освоения русского языка иностранцами сформировать достаточные знания семантики, структуры и функционала отдельного грамматического явления.

Литература

1. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М.: Астрель, 2004. 555 с.
2. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. М.; СПб.: Златоуст, 2001. 28 с.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.; СПб.: Златоуст, 2001. 20 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского

¹ Окончание «-я», графически «-ья» во мн.ч. (прим. авт.)

языка. М.: Наука, 2004. 544 с.

5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных синтаксических единиц русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.

6. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 788 с.

7. Редькина М.А. Русский язык в грамматических таблицах. М.: Русский язык, 2008. 132 с.

8. Штыкова Н.В. Русский язык как иностранный: к вопросу об изучении грамматики на начальном этапе (морфологический материал) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №5. С. 84–88.

References

1. Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaia L.P. *Grammaticheskaja pravil'nost' russkoi rechi. Stilisticheskii slovar' variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. A stylistic dictionary of options]. Moscow, 2004. 555 p.

2. *Gosudarstvennyi standart po russkomu iazyku kak inostrannomu. Elementarnyi uroven'.* [State standard on Russian as a foreign language. Elementary level]. Moscow, St Petersburg, 2001. 28 p.

3. *Gosudarstvennyi standart po russkomu iazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'.* [State standard on Russian as a foreign language. Baseline]. Moscow, St Petersburg, 2001. 20 p.

4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 544 p.

5. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar ehlementarnyh sintaksicheskikh edinit russkogo sintaksisa* [Syntax dictionary: A repertoire of elementary syntactic units of Russian syntax]. Moscow, 2006. 440 p.

6. *Russkaja grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija* [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, 1980. 788 p.

7. Redkina M.A. *Russkii iazyk v grammaticheskikh tablitsah* [Russian language in grammatical tables]. Moscow, 2008. 132 p.

8. Shtykova N.V. *Russkii iazyk kak inostrannyi: k voprosu ob izuchenii grammatiki na nachal'nom etape (morfolozicheskii material)* [Russian as a foreign language: to the grammar study at the initial stage (morphological data)] [Cherepovets State University Bulletin], 2014, no. 5, pp. 84–88.

Голушин И., Иванова Е.М. Еще раз к вопросу о родительном падеже множественного числа существительных (из практики преподавания русского языка как иностранного) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 71–79.

For citation: Golushin I., Ivanova E.M. On the problem of the plural nouns genitive case (from experience of teaching russian as a foreign language). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 71–79.

Громыко Сергей Александрович

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: ling2007@yandex.ru

Gromyko Sergey Alexandrovich

PhD in Philology Sciences, Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: ling2007@yandex.ru

**РАЦИОНАЛЬНАЯ
АРГУМЕНТАЦИЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ)¹**

**RATIONAL ARGUMENTATION
IN NATIONAL DUMA
AT THE BEGINNING OF THE
TWENTIETH CENTURY
(AS EXEMPLIFIED IN THE
SPEECHES OF RUSSIAN
NATIONALISTS)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности такого типа аргументации как рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи. Устанавливается место данного типа аргументов в классической риторической практике. Выделяются пять основных доводов к вещи в выступлениях депутатов-националистов: обращение к юридическим источникам, к газетным публикациям, к стенограммам заседаний, к первоисточнику/свидетелю, к статистике/научному исследованию.

Abstract. This article considers the features of such type of argumentation as rational argument in National Duma at the beginning of the twentieth century. The article analyzes place of this type of argument in the classical rhetorical practice. There are five main arguments «ad rem» in the speeches of nationalists: appeal to the legal sources, to the newspaper publications, to the shorthand records of meetings, to the source / to the witness, to the statistics / to the scientific research.

Ключевые слова: риторика, парламентская речь, национализм, аргументация, прагматика, рациональный аргумент, политический дискурс

Keywords: rhetoric, parliamentary speech, nationalism, argumentation, pragmatics, rational argument, political discourse

Введение

Проблемы аргументации в политической речи традиционно привлекают внимание как отечественных [2], [3], [8], [9], [10], [11], так и зарубежных ученых [12], [13]. Риторическая аргументация в политической дискуссии – лучшая иллюстрация знаменитой мысли Аристотеля о том, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [1, с. 18]. Действительно, выбор и комбинация риторических средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория их воспринимающая.

Традиционно риторическая аргументация разграничивается с аргументацией логической, хотя и основывается на ней. Новые подходы к публичному общению, распространившиеся в XX веке, в той или иной степени указывают на «паралогич-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 16-34-01050/17 - ОГОН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

ность», а иногда, как в случае с неориторикой Х. Перельмана, и вовсе на нелогичность аргументации в бытовом, политическом, масс-медийном дискурсе. Записи живой речи демонстрируют сплошной поток «неправильной», искаженной формальной логики несмотря на то, что воздействующий потенциал высказываний от этого вовсе не страдает. С Античности существует сложившаяся классификация риторических аргументов, в основу которой положен признак их отношения к компоненту речевого акта. «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие — от того или другого настроения слушателя, третьи — от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании» [1, с. 19]. Таким образом, Аристотель заложил имеющуюся на сегодняшний день таксономию риторических аргументов: к этосу, к пафосу, к логосу. К этой же системе присоединяются и так называемые естественные доказательства, которые представляют собой эмпирические факты и показания свидетелей.

Применительно к совещательным речам (к которым по классификации Аристотеля относятся речи политические) актуально деление всех риторических аргументов на две группы: *argumentum ad rem* (доводы к вещи) и *argumentum ad hominem* (доводы к человеку). Аргументы *ad rem* представляют собой доводы, касающиеся сути обсуждаемого вопроса, и включают в себя естественные доказательства и рациональные аргументы и могут быть верифицированы слушателями или участниками дискуссии. Аргументы *ad hominem* включают в себя доводы к пафосу, то есть к чувству, к эмоциональной памяти, и доводы к этосу, то есть к моральному облику оратора, к обычаям, нравам. Аргументы к этосу и к пафосу сближает сложность их верификации, так как в основе каждого из них лежат оценочные суждения либо интерпретации.

Основная часть

В Государственной думе начала XX века аргументы *ad rem* использовались в основном в выступлениях, выдержанных в жанре доклада, что вполне объяснимо: доклад должен основываться на точных проверенных данных и опираться на статистику, научную литературу, мнения экспертов и первоисточники. Такой тип риторических аргументов был одинаково распространен в выступлениях всех агентов парламентского дискурса, как депутатов, представлявших слушателям итоги работы комиссий, так и членов правительства, отчитывавшихся перед Думой. Но в думских прениях, которые являются ядром парламентской риторики, депутаты гораздо чаще использовали аргументы *ad hominem*. Вопрос о соотношении в русской парламентской риторике этих двух типов аргументов на сегодняшний день остается открытым, однако можно с уверенностью говорить о том, что большинство сложных полемических целей, например в I Государственной думе 1906 года, развивалось по принципу угасания логических аргументов и нарастания аргументов к пафосу [7], то есть каждый следующий оратор старался быть эмоциональнее предыдущего, а оценочные суждения с развитием дискуссии все больше доминировали над попытками выстроить рациональные силлогизмы. В этом контексте особый интерес представляют выступления депутатов-националистов, которые стали не только политическими, но и риторическими лидерами в III Государственной думе – Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Их речи в прениях содержат большое количество разнообразных аргументов к логосу, которые зачастую в рамках одной речи взаимодействуют с аргументами *ad hominem*. Рассмотрим основные разновидности рациональных аргументов в выступлениях депутатов-националистов.

1. Обращение к юридическим источникам: законам, уложениям, уставам. Кажется бы данный вид аргументов *ad rem* должен быть одним из самых востребованных в парламенте, ведь Дума имела законосовещательный статус и обсуждение того или иного нормативного акта было прямой обязанностью депутатов. В реальности же к этому аргументу прибегали в основном депутаты-националисты и некоторые наиболее юридически грамотные парламентарии. Так, при обсуждении вопроса о приостановлении депутатских полномочий одного из народных избранников, Н.Е. Марков закончил свое выступление следующим образом: *Я закончу самым простым образом, я только прочту статью 20 Учреждения Государственной думы. Что гласит статья 20? Она гласит: член Государственной думы временно устраняется в ее собраниях в случаях: а) привлечения к следствию или суду по обвинению в преступных деяниях, означенных в таких-то пунктах, и б) объявления несостоятельным должником впредь до определения свойства несостоятельности. Никакой условности тут нет, тут прямо говорится, что член Государственной думы временно устраняется в таких-то случаях. Отсюда ясно, что Думе надо проверить, подходят ли действия депутата Косоротова, в коих его обвиняют в этой статье; раз подходят, надо исполнить прямое веление закона* [5, с. 986]. Этот аргумент безусловно является сильным с точки зрения классического монологического выступления, однако он не является эффективным, так как ограничены варианты его предъявления.

2. Обращение к газетным публикациям для доказательства существования факта в реальности. Депутаты Государственной думы часто обращались к статьям в газетах и журналах, дабы задокументировать какое-либо происшествие, которое имело место чаще всего не в Петербурге и в Москве и которое так или иначе доказывало тезисы оратора. Распространенность данного риторического аргумента объясняется, во-первых, достаточно высоким уровнем доверия к печатным СМИ, в особенности к публикациям, посвященным жизни в провинции, во-вторых, представлением о «задокументированности» того факта, о котором пишут газеты, поэтому источник информации оратор практически никогда не скрывал. С другой стороны, выступающий мог не называть конкретного издания, но предъявить его публике, то есть просто показать с трибуны номер газеты. *«Нынешний статс-секретарь Финляндии Лансгоф, обращаясь с речью в день вступления в должность статс-секретаря Финляндии, говорил следующее — я цитирую из той шведской газеты, которая привела его речь целиком, восторгаясь ею. После представления его превосходительство обращался к собравшимся с речью на русском языке, с удовольствием выслушанной финляндскими чиновниками (читает): «В ней прежде всего он обратил внимание, что, после того как, благодаря высокому доверию Монарха, в настоящее, наполненное партийными раздорами время, он избран на ответственный пост министра статс-секретаря, он надеется оправдать это доверие...»* [5, с. 696].

3. Обращение к стенограмме заседаний — еще один распространенный аргумент *ad rem*. Он интересен тем, что в основе его лежит видимый демонстративный отказ от искажения мысли, высказанной оппонентом. На самом же деле цитата одного депутата другим по стенограмме практически всегда использовалась как основа для дальнейшего истолкования изначального высказывания и придания ему новых значений. *«Я вам прочту по стенограмме фразу, которую произнес член Государственной думы Родичев. Он сказал следующее: «Факты, которые оглашены здесь, в Государственной думе, и которые не подлежат никакому сомнению, о неправильности обложения крестьянских земель, они не выдуманы, они существуют, этот порядок вещей проведен, установлен и сохраняется все теми же лицами, у которых справедливость и интересы крестьянства на первом слове, на первой строке всего*

того, что они пишут, и на первом слове всего того, что они говорят». Значит, тверские земцы говорят, что это правда и что такие люди, которых он так охарактеризовал, это делали в земстве. В каких же земствах это делалось? У нас в Курской губернии и в наших соседних это, безусловно, не делалось» [6, с. 1913].

4. Обращение к первоисточнику/свидетельскому показанию. Эта разновидность риторического аргумента была особенно популярна у депутатов-националистов. Приведение в дискуссии этого довода предполагает, что он неоспорим, потому что его источник — свидетель или же изначальный создатель, инициатор какого-либо явления или факта. Это так называемый «естественный» аргумент. Так, например, во время прений о неэффективности использования Морским министерством буксиров, некоторые депутаты возражали, что на судах стоят новейшие изобретения русской инженерной мысли – котлы Табулевича. Тогда депутат Н.Е. Марков в перерыве между заседаниями отыскал самого изобретателя котлов инженера В.В. Табулевича. Марков: *«...поднявшись во время перерыва на хоры, я совершенно неожиданно для себя познакомился с генерал-майором Табулевичем, который слышал опровержения контр-адмирала Бострема и заявил мне, что котел, им изобретенный, проектирован им для нефтяного отопления, но был поставлен на угольное отопление по требованию министерства».* [5, с. 1418].

5. Обращение к статистике и научным исследованиям. Эта разновидность доводов использовалась лишь некоторыми депутатами, риторический идиостиль которых предполагал четкую рациональную аргументацию со ссылкой на источник исследования. *«Писатель, которого здесь налево, вероятно, не особенно ценят, но которого я лично уважаю и мыслям которого придаю большое значение, бывший министр земледелия Ермолов исчисляет, правда, не вполне точно и не вполне научным способом, но если и ошибается, то в низшую сторону, а не в высшую, этот писатель исчисляет количество денег, зарабатываемых крестьянством на землевладельческих экономиях в 705 000 000 руб. в год, в то время когда чистый доход тех же крестьян от их надельных земель он исчисляет во всей России в 441 000 000 руб.»* [4, с. 211].

Выводы

Таким образом, рациональные риторические аргументы в дискуссии дореволюционной Думы были явлением не массовым, а скорее индивидуальным: если не брать в расчет выступления в жанре доклада, последовательно их использовали лишь некоторые ораторы, которые считали обязательным компонентом убедительности речи ее доказательность. Особый интерес представляет тот факт, что рациональная аргументация активно использовалась в речи правых депутатов, несколько меньше – в выступлениях центристов и была редкостью в риторике левых парламентариев. Структура рациональных доводов специфична: ядром этого типа аргументов было обращение к юридическим источникам и газетным публикациям. Персуазивный потенциал рациональных аргументов в думской речи начала века заключался в том, что их использовали в тех случаях, когда необходимо было убедить аудиторию в реальности того или иного факта действительности или доказать законность или незаконность предлагаемых Думой мер. Кроме того, рациональные доводы требовали от оратора глубокого изучения сути вопроса и серьезной подготовки, именно поэтому данные аргументы были частотными в докладах и редкими в спонтанных прениях.

Литература

1. Аристотель. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. С. 15–166.

2. Бикметова Т.И. Проблема аргумента AD HOMINEM в логике и политике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1–3.
3. Волков А.А. Основы риторики. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
4. Государственная Дума 1906–1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. III. С. 208–218.
5. Государственная дума Российской империи. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1907. 4895 с.
6. Государственная дума Российской империи. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908. 3268 с.
7. Громыко С.А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 г. Вологда, 2010. 215 с.
8. Китайгородская М.В, Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240.
9. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2006. 320 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
12. Diik T.A.V. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton, 1981. 285 с.
13. Perelman C. and Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 с.

References

1. Aristotel'. Ritorika [Rhetoric]. *Antichnyie ritoriki* [Ancient rhetoric]. Moscow, 1978, pp. 15–166.
2. Bikmetova T.I. Problema argumenta AD HOMINEM v logike i politike [The problem of argument AD HOMINEM in logic and politics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, no. 1–3.
3. Volkov A.A. *Osnovy ritoriki* [Foundations of rhetoric]. Moscow, 2003. 304 p.
4. *Gosudarstvennaya Duma 1906–1917: Stenograficheskie otchety*. [Russian Imperial State Duma 1906–1917: Verbatim records]. Moscow, 1995, pp. 208–218.
5. *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi imperii. Stenograficheskie otchety. Tretii sozyv. Sessia I*. [Russian Imperial State Duma. Verbatim records. Third convocation. Session 1]. St Petersburg, 1907. 4895 p.
6. *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi imperii. Stenograficheskie otchety. Tretii sozyv. Sessia I*. [Russian Imperial State Duma. Verbatim records. Third convocation. Session 1]. St Petersburg, 1908. 3268 p.
7. Gromyko S.A. *Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoi dume 1906 g.* [Techniques and means of verbal communication in the I State Duma]. Vologda, 2010. 215 p.
8. Kitaigorodskaja M.V, Rozanova N.N. *Sovremennaja politicheskaja kommunikatsiia* [Modern political communication]. *Sovremennyi russkii iazyk: sotsial'naiia i funktsional'naiia differentsiatsiia* [Modern Russian language: social and functional differentiation]. Moscow, 2003, pp. 151–240.
9. Khazagerov G.G. *Politicheskaiia ritorika* [Political rhetoric]. Moscow, 2002. 313 p.
10. Chudinov A.P. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2006. 320 p.
11. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
12. Diik T.A.V. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague etc.: Mouton, 1981. 285 p.
13. Perelman C. and Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 p.

Громыко С.А. Рациональная аргументация в Государственной думе Российской империи (на материале выступлений русских националистов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 80–84.

For citation: Gromyko S.A. Rational argumentation in national дума at the beginning of the twentieth century (as exemplified in the speeches of russian nationalists). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 80–84.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-12
УДК 811.161.1

© Ильина Е.Н., 2017

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: filfak@list.ru

**«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОД»
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹**

**«LINGUISTIC KEY»
OF THE VOLOGDA REGION
INHABITANTS IDENTITY
IN ITS DYNAMICS**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения явления региональной идентичности и динамики его формирования. Исследуется «лингвистическая проекция» данного феномена на материале речевых произведений коренных жителей региона в сопоставлении с записями речи переселенцев, региональная идентичность которых имеет различные стадии формирования. Осуществляется попытка системного динамического описания «лингвистического кода» вологодской региональной идентичности. Рассматриваются проблемы языковой идеологии формирования региональной идентичности.

Abstract. The article is focused on the phenomenon of regional identity and the dynamics of its formation. The author investigates the “linguistic projection” of this phenomenon on the data from the aborigine speech in comparison with the records of the speech of immigrants whose regional identity has different stages of formation. An attempt to systematically describe the “linguistic key” of the Vologda regional identity is made. The problems of the language ideology of the formation of regional identity are considered.

Ключевые слова: языковая политика, региональная идентичность, филологическое краеведение, вологодский текст

Keywords: language policy, regional identity, philological local history, Vologda text

Введение

Изучение феномена *региональной идентичности*, активно обсуждаемого в социологических исследованиях начала XXI века [22], [19], [9], [21], имплицитно присутствовало в лингвистических исследованиях задолго до того, как оно было терминологически определено в общественных науках. Об этом свидетельствует активный интерес жителей различных российских регионов, в частности и Вологодского края, к локальным записям фольклорных текстов и бытовой речи [12], [30]; массовое создание региональных словарей [8], [10], [23], краеведческих очерков [29], [15], [1]; осмысление стереотипов восприятия жителей той или иной местности в ономастическом и паремиологическом пространстве языка [11], [28], [24]; репрезентация локальных черт в речевых портретах жителей региона [13], [2], [14]. Одним из резуль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований (Российского гуманитарного научного фонда), проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности».

татов длительного разноаспектного изучения словесной культуры Вологодского края стало осмысление феномена «вологодского текста» [24], [3] и связанной с ним локальной прецедентности присутствующих в нем знаков – имен собственных, фонетико-интонационных, лексических и грамматических черт, присущих местным говорам, устойчивых речевых формул и развернутых высказываний, т.н. «лингвистического кода» региона [17].

Основная часть

Определяя региональную идентичность как систему, включающую в свой состав когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты, исследователи, как правило, констатируют факт ее сформированности при описании вербально-семантических, когнитивных и прагматических особенностей говорящего субъекта, следуя традиции, уже сложившейся в русской диалектной лингвоперсонологии [25], [20], [27], [26], [16]. Опыты лингвоперсонологических штудий, репрезентирующих региональную идентичность жителей Вологодского края, также в основном нацелены на то, чтобы подтвердить эту идентичность анализом речевой деятельности субъекта описания. Так, в нашем очерке, посвященном языковой личности Василия Ардальоновича Морозова [4], региональная идентичность определяется как главная идентификационная страта его личности: автор исследуемых нами мемуарных записей, уроженец Междуреченского района Вологодской области, более сорока лет проживший в областном центре и сделавший профессиональную карьеру в сфере пищевой промышленности и торговли региона, позиционирует себя как дороватский мужик (парень, мальчишка), подчеркивает свою принадлежность к большой крестьянской семье Морозовых – «сидорят», пользовавшейся уважением среди земляков за трудолюбие и смекалку, эксплицирует в своем повествовании традиционные для крестьянской картины мира сферы бытовой и духовной культуры, отчетливо сохраняет в своем сознании местный ономастикон и паремиологический фонд, включает в текст мемуарного повествования регионально маркированные фольклорные тексты и многое другое. Даже в тех случаях, когда идентификационный анализ языковой личности дает возможность рассуждать о сочетании в ее речевой практике черт «деревенской» и «городской» культуры (см., например, размышления С.А. Ганичевой о речевом портрете Николая Павловича Шаброва [5], [6]), исследуемый речевой материал позволяет диагностировать факт этого сочетания, а не наблюдать его в динамике. Между тем освоение сельским уроженцем городского варианта региональной речевой культуры в контексте социально-экономических трансформаций на Европейском Севере России второй половины XX – начала XXI века было явлением массовым и достаточно болезненным. Его эстетическую проекцию мы можем наблюдать в творчестве авторов «деревенской прозы» («Воспитание по доктору Споку» В.И. Белова, «Люди Суземья» А.В. Петухова, «Высочка» А.Я. Яшина и другие). Процесс формирования «городского» варианта региональной идентичности проходит несколько стадий и затрагивает различные уровни языковой личности. В *когнитивной сфере* обращает на себя внимание вытеснение потерявших актуальность явлений материального и духовного мира другими, свойственными городской культуре, изменение эталонов, определяющих их оценку, расширение акционального опыта, влекущее за собой изменение словарного запаса и профессионализацию речи. Изменения в *вербально-семантической* сфере в наибольшей мере касаются диалектной грамматики; при этом лексика местных говоров уходит в пассивный запас, а из местных фонетико-интонационных особенностей сглаживаются наиболее заметные (например, качество шипящих и аффрикат, полное оканье, еканье) при сохранении тех, которые воспринимаются относительно ней-

трально (например, различного рода фонетические изменения в заударных слогах и в абсолютном конце слова). В прагматической сфере замечается увеличение коммуникативной дистанции, а также проявления литературно-диалектной диглоссии: прагматика сельской речевой культуры уходит в сферу речевой идентификации земляков.

Взаимодействие «сельского» и «городского» вариантов вербализации базовой региональной идентичности динамически взаимодействуют с процессами формирования идентичности вторичной, обусловленной социально-экономическими изменениями жизни общества и отдельного человека. В ряде публикаций, репрезентирующих свойства языковой личности современного вологжанина, можно найти интересные наблюдения, касающиеся специфики речевой практики уроженцев других территорий. Так, опыты речевого портретирования Игоря Юрьевича Турова [18] отмечают на фоне подчеркнутой правильности устной речи информанта, ее профессиональной обработанности высшим актерским образованием факты использования «первичных» южнорусских фонетико-интонационных особенностей («*Та ты шо?*») в ситуации языковой игры. Записи устных рассказов переселенцев из других регионов России нередко фиксируют ситуации коммуникативных неудач, обусловленных несовпадением лексического запаса собеседников: «*Тетке Ольге и отцу (тестю) пироги подаю, а он: «Мне, – говорит, – даром!». Я ему: «Ну, естественно, конечно, бесплатно!». – «Нет, – говорит, – мне даром, я не голодный». Вот и пойми вас, вологодских!»¹; «*Помн'у / ја выишь замуш / муш ув'ос ми'н'э в друую м'эстньсть / пашла ја в м'яз 'ин куп'ить чинач'ок (глубокая тарелка, миска) // сказала прьдафцу / а тот пан'ат' н'и можыт' / шо ја прашу // так см'аино сталь / и јаму тожь»². В фокусе языковой рефлексии значительно реже, но тем не менее оказываются фонетико-интонационные и грамматические черты «вторичной» речевой культуры: «*Я в Сасовском училище (Рязанская обл.) один был пс севера, а они-то все акают да укают. Вот выхожу отвечать: «Курсант ШабрОв к Ответу гОтов. РОзрЕшитЕ приступитъ, тОвариШШ старшОй лИтЕнант». Какое – и преподаватель, и курсанты хохочут в голос!»³; «*Ладно отец говорит «ести»! Я у студентов занятия веду – так они после меня в столовую «ести» несутся! «Деуки, пошли ести!».* Ладно студенты – так и преподаватели в столовой «ести» садятся!»⁴***

Формирование «лингвистического кода» вторичной региональной идентичности имеет определенную последовательность. Проживание человека в новом для него локусе, взаимодействие с новыми людьми определяет первоочередность «вживления» регионального ономастикона: названия географических объектов и явлений местной общественной жизни, имена людей; актуализации его локальной преемственности: (звучит песня «Вологда») «*Раньше мне бы в голову не пришло, что эта песня про меня!»*), сопоставления с ранее известными именами собственными, в том числе с целью языковой игры: «*Дед Мороз... а у нас Кыш Бабай!*⁵ *Бабай-Колотун!* (смеется)». При формировании новой идентичности активно вербализуются отличительные особенности природы, материальной и духовной культуры региона; при

¹ Ильин Алексей Павлович, 1969 г.р., уроженец Татарстана, проживает в Вологде с 2010 года, запись 2012 года.

² Русанова Валентина Даниловна, 1938 г.р., уроженка Ростовской обл.; проживает в Вытегорском районе Вологодской обл. с 1979 года; запись 2017 года.

³ Шабров Николай Павлович, 1938 г.р., уроженец Вологодской области; запись 2015 года.

⁴ Ильин Алексей Павлович, 1969 г.р., уроженец Татарстана, с 2010 года проживает в Вологде, запись 2016 года (в качестве иллюстраций далее приводятся записи бесед 2010–2017 годов).

⁵ Кыш Бабай – татарский Дед Мороз (см. об этом: <http://tatar-moroz.ru/>).

этом с течением времени их оценка приобретает иные, более рациональные основания («*тут у вас одни болота*» / «*у нас на болотной воде отлично картошка растет, без химии, каждый год маме возим*»), вербализуемые объекты из разряда «чужих» переходят в состав «своих»: («*вологодское масло к нам тоже, бывает, довозят, но редко*» / «*я студентам говорю: нашли что сравнить – тотемское, грязовецкое, сокольское... наше вологодское любое масло лучшее*»). Местные слова, воспринимаемые в начале коммуникации как варваризмы, нарушающие чистоту языка и препятствующие пониманию собеседника, со временем начинают более свободно опознаваться в процессе диалога, а в ряде случаев переходят в активный словарный запас. Запись 2011 года: «*Нечередный? Это он в какой очереди-то неочередный? Сказали бы просто – дурак!*»; запись 2014 года: «*Тепло сегодня, шапка-то зачем?*» (ответ на реплику: «*Она, вон смотри, опять, как нечередная, пошла без шапки!*»); запись 2017 года: «*Что ж он подрезает-то, как нечередный!*» (ср.: *чередный* 'настоящий, правильный, такой, какой должен быть' [СВГ, 12: 30]). При этом местные фонетико-интонационные и грамматические особенности, отчетливо воспринимаемая информантом как органически присущие местной речи, в зрелом возрасте практически не осваиваются¹: (начинает повторять шуточный рассказ, акцентируя местное оканье) «*Однажды Отец Онуфрий, Обходя Окрестности... Нет, у меня так не получится!*».

Заключение

Достаточно частые, попутно фиксируемые высказывания подобного рода убеждают нас в том, что изучение динамики формирования вторичной вологодской региональной идентичности и, в частности, динамики становления ее «лингвистического кода» относится к числу актуальных научных задач, решению которой в обозримом будущем способствует накопление эмпирического материала в практике речевого портретирования жителей Вологодского края. Обращение к вологодской региональной идентичности представляется нам важным в силу особой культурной значимости изучаемого региона в истории России, а также его отнесенности к числу территорий, для которых характерны «сильное чувство ощущения своей уникальности» и наличие стратегий ее презентации» [22].

Литература

1. Андреева Е.П., Варникова Е.Н., Глебова Д.В., Зорина Л.Ю., Иванова Е.Н., Ильина Е.Н., Комлева Н.В., Овсянникова Т.Г. Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта. Вологда: ВоГУ, 2016.
2. Андреева Е.П., Громыко С.А., Драчева Ю.Н., Загуменнов А.В., Зорина Л.Ю., Зубова Н.Н., Иванова Е.Н., Ильина Е.Н., Колесова И.Е., Комлева Н.В., Овсянникова Т.Г., Парменова Т.В., Яцкевич Л.Г. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда: Легия, 2015. 256 с.
3. Баранов С.Ю., Воронина Т.Н., Головкина С.Х., Ильина Е.Н., Патапенко С.Н., Розанов Ю.В., Федорова А.В. Повесть В.И. Белова «Привычное дело как «вологодский текст». Вологда: ИП Киселев А.В., 2016. 191 с.

¹ Местные особенности речи могут эстетизироваться в процессе создания обобщенного образа вологжанина, его поликодового портрета. См., например, цикл работ Д.Т. Тутунджан «Разговоры по правде, по совести» (<https://ok.ru/video/6723470669>), в которых портреты местных жителей сопровождаются записями фрагментов их речи. (Д.Т. Тутунджан – Заслуженный художник РСФСР, Народный художник России. Родилась в 1939 году в Москве, в Вологодской обл. проживала с 1959 по 2011 годы).

4. Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. Вологда; Череповец, 2017. 232 с.
5. Ганичева С.А. К проблеме трансформации диалектной языковой личности // Громовские чтения. Сборник материалов и исследований международной научной конференции. Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований, Костромской государственный университет, РОО «Костромское землячество в Москве». 2016. С. 112–117.
6. Ганичева С.А., Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н., Михова Н.Г. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского р-на. Вологда: Легия, 2014. 160 с.
7. Ганичева С.А., Задумина П.Н., Зорина Л.Ю., Ильина Е.Н., Шильниковская С.В. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда: Легия, 2012. 96 с.
8. Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1910.
9. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
10. Дилакторский П.А. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии // Вологодский иллюстрированный календарь. Вологда: Изд. Анурьева, 1894.
11. Дилакторский П.А. Словарь областного бытового наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб: ИЛИ РАН, 2003.
12. Едемский М.Б. Свадьба в Кокшенинге Тотемского уезда. СПб., 1911. 136 с.
13. Загуменнов А.В. Постник Бельский как языковая личность XVII в.: опыт уровневой реконструкции // Слово и образ в культуре Русского Севера. Вологда, 2014. С. 23–28.
14. Зубова Н.Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания: дис. ... канд. филол. наук. Вологда: ВоГУ, 2017.
15. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия общества естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. 1. М., 1890.
16. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: Издательство Томского университета, 2010. 158 с.
17. Ильина Е.Н. Проза Александра Яшина и проблема «вологодского текста» // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII. Vrnо: Masarykova univerzita, 2016. С. 273–280.
18. Комиссарова Т.Г. Вологодский фотохудожник Игорь Туров: к опыту создания речевого портрета // Слово и образ в культуре Русского Севера: Сборник научных статей. Вологда: ВоГУ, 2014. С. 220–227.
19. Крылов М. П. Региональная идентичность в европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
20. Лютикова В. Д. Языковая личность: Идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2000. 316 с.
21. Мурзин А.Э. Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. М: Директ-Медиа, 2015.
22. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. 26 с.
23. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007 (СВГ, 1983 – 2007).
24. Смольников С.Н. Семантика имени прилагательного «вологодский» и проблемы региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. Вып. 3. С. 86–90.
25. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 561 с.
26. Толстова Г.А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007. 461 с.
27. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Академия, 2004. 208 с.
28. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда: Русь, 1995. 121 с.

29. Шустиков А.А. Троицина Кадниковского уезда. Этнографический очерк // Живая Старица. 1892. Вып. 2. С. 71–91.
30. Ягодинский А.С. Некоторые говоры западной части Вожегодского района Вологодской области (материалы 2-й диалектологической экспедиции Вологодского гос. педагогического института им. В.М. Молотова) // Диалектологический сборник. Вологда, 1941. Вып. 2. С. 65–105.

References

1. Andreeva E.P., Varnikova E.N., Glebova D.V., Zorina L.Iu., Ivanova E.N., Iliina E.N., Komleva N.V., Ovsiannikova T.G. *Rezhskie teksty kak istochnik ehntolingvisticheskogo opisaniia severnorusskogo dialekta* [The Rezhsky texts as a source of the ethnolinguistic description of the North Russian dialect]. Vologda: Vologda State University, 2016.
2. Andreeva E.P., Gromyko S.A., Dracheva Iu.N., Zagumenov A.V., Zorina L.Iu., Zubova N.N., Ivanova E.N., Iliina E.N., Kolesova I.E., Komleva N.V., Ovsiannikova T.G., Parmenova T.V., Iatskevich L.G. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: mezhdru proshlym i budushchim* [Folk speech of the Vologda region: between the past and the future]. Vologda: The Legia, 2015. 256 p.
3. Baranov S.Iu., Voronina T.N., Golovkina S.K., Iliina E.N., Patapenko S.N., Rozanov Iu.V., Fedorova A.V. *Povest' V.I. Belova «Privychnoie delo kak «vologodskii tekst»* [The Tale of V.I. Belova «A habitual business as a Vologda text»]. Vologda, 2016. 191 p.
4. Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumenov A.V., Iliina E.N., Melnikova N.G. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [People's speech of the Vologda region: the experience of a man's speech portrait. Monograph]. Vologda, Cherepovets, 2017. 232 p.
5. Ganicheva S.A. К проблеме трансформации диалектной языковой личности [To the problem of transformation of the dialectal language personality]. *Gromovskie chteniia. Sbornik materialov i issledovaniia mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Gromov's readings. Collection of materials and studies of the international scientific conference]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies, Kostroma State University, 2016, pp. 112–117.
6. Ganicheva S.A., Dracheva Iu.N., Iliina E.N., Mikhova N.G. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: govory Kirillovskogo rajona* [People's speech of the Vologda region: dialects of the Kirillov district]. Vologda, 2014. 160 p.
7. Ganicheva S.A., Zadumina P.N., Zorina L.Iu., Iliina E.N., Shilnikovska S.V. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: materialy po russkoi dialektologii* [Folk speech of the Vologda region: materials on Russian dialectology]. Vologda, 2012. 96 p.
8. Gerasimov M.K. *Slovar' uездного Cherepoveckogo govora* [The dictionary of the district Cherepovets dialect]. StPetersburg, 1910.
9. Golovneva E.V. Regional'naiia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniia* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2013, no. 5, pp. 42–50.
10. Dilaktorsky P.A. Prozvishcha zhitel'ei nekotorykh gorodov Vologodskoi gubernii [Nicknames of residents of some cities of the Vologda province]. *Vologodskii illiustrirovannyi kalendar'* [Vologda illustrated calendar]. Vologda, 1894.
11. Dilaktorsky P.A. *Slovar' oblastnogo bytovogo narechiia v ego bytovom i ehntograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional everyday dialect in its everyday and ethnographic application]. St Petersburg, 2003.
12. Edemsky M.B. *Svad'ba v Kokshen'ge Totemskogo uезда* [Wedding in Kokshenga of Totem Uyezd]. St Petersburg, 1911. 136 p.
13. Zagumenov A.V. Postnik Bel'skii kak iazykovaia lichnost' XVII v.: opyt urovnevoi rekonstrukcii [Postnik Belsky as a language person of the XVII century: experience of level reconstruction]. *Slovo i obraz v kul'ture Russkogo Severa* [Word and image in the culture of the Russian North]. Vologda, 2014, pp. 23–28.
14. Zubova N.N. *Iazykovaia lichnost' zhitel'nicy Russkogo Severa: opyt verbal'no-semanticeskogo, lingvokognitivnogo i pragmaticheskogo opisaniia: dis. ... kand. filol. nauk* [Language identity of a resident of the Russian North: an experience of verbal-semantic, lingvocognitive and pragmatic description: Dr. dis.]. Vologda, 2017.

15. Ivanitsky N.A. Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii [Materials on the ethnography of the Vologda province]. *Izvestiia obshchestva estestvoznaniia, antropologii i etnografii. T. LXIX. Trudy etnograficheskogo otдела* [News of the society of natural science, anthropology and ethnography. Vol. LXIX. Proceedings of the ethnographic department], vol. XI, Issue. 1. Moscow, 1890.
16. Ivantsova E.V. *Lingvopersonologii: osnovy teorii iazykovoï lichnosti*. [Lingvoperersonologiy: the foundations of the theory of the language personality]. Tomsk, 2010. 158 p.
17. Ilyina E.N. Proza Aleksandra Iashina i problema «vologodskogo teksta» [Prose of Alexander Iashin and the problem of the "Vologda text"]. *Aktual'nyie problemy obucheniia russkomu iazyku XII* [Current issues of teaching the Russian language XII]. Brno: Masarykova univerzita, 2016, pp. 273–280.
18. Komissarova T.G. Vologodskii fotohudozhnik Igor' Turov: k opytu sozdaniia rechevogo portreta [Vologda photographer Igor Turov: to the experience of creating a speech portrait]. *Slovo i obraz v kul'ture Russkogo Severa: Sbornik nauchnykh statei* [Word and image in the culture of the Russian North: Collection of scientific articles]. Vologda, 2014, pp. 220–227.
19. Krylov M.P. *Regional'naia identichnost' v evropeiskoi Rossii* [Regional Identity in European Russia]. Moscow, 2010. 240 p.
20. Liutikova V.D. *Iazykovaia lichnost': Idioket i dialekt: dis. ... d-ra filol. nauk* [Language personality: Idiocy and dialect: Dr. dis.]. Ekaterinburg, 2000. 316 p.
21. Murzin A.E. *Regional'naia identichnost': sushchnost', harakter, opyt izucheniia* [Regional identity: essence, nature, experience of studying]. Moscow, 2015.
22. Nazukina M.V. *Regional'naia identichnost' v sovremennoi Rossii: tipologicheskii analiz: avtorf. dis. ... kand. polit. nauk* [Regional identity in modern Russia: typological analysis: author's abstract Dr. dis.]. Perm, 2009. 26 p.
23. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects], Issue 1–12. Vologda, 1983–2007 (CSA, 1983–2007).
24. Smolnikov S.N. Semantika imeni prilagatel'nogo «vologodskii» i problemy regional'noi identichnosti [Semantics of the adjective "Vologda" and problems of regional identity]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2015, vol. 3, pp. 86–90.
25. Timofeev V.P. *Dialektnyi slovar' lichnosti* [Dialectic dictionary of personality]. Shadrinsk, 1971. 561 p.
26. Tolstova G.A. *Starobriadcheskaia konfessional'naia leksika v pis'mennoi rechi Agafi Lykovi: dis. ... kand. filol. nauk* [Old Believer confessional vocabulary in the written speech of Agafia Lykova: Dr. dis.]. Krasnoïarsk, 2007. 461 p.
27. Trubinsky V.I. *Russkaia dialektologii: Govorit babushka Marfa, a my kommentiruem: ucheb. posobie* [Russian dialectology: Says Grandma Martha, and we comment: student's book]. St Petersburg; Moscow, 2004. 208 p.
28. Chaikina Iu.I. *Vologodskie familii: Slovar'* [Vologda surnames: Dictionary]. Vologda, 1995. 121 p.
29. Shustikov A.A. Troichina Kadnikovskogo uezda. Etnograficheskii ocherk [Troichina of the Kadnikovo Uyezd. Ethnographic essay]. *Zhivaia Starina* [Living Antiquity], 1892, vol. 2, pp. 71–91.
30. Iagodinsky A.S. Nekotorye govory zapadnoi chasti Vozhegodskogo raiona Vologodskoi oblasti (materialy 2-i dialektologicheskoi ehkspedicii Vologodskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. V.M. Molotova) [Some dialects of the western part of the Vozhegodsk district of the Vologda region (materials of the 2nd dialectological expedition of the Vologda State Pedagogical Institute named after VM Molotov)]. *Dialektologicheskii sbornik* [Dialectological collection]. Vologda, 1941, Issue. 2, pp. 65–105.

Ильина Е.Н. «Лингвистический код» региональной идентичности жителей Вологодского края в динамическом аспекте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 85–91.

For citation: Ilyina E.N. «Linguistic key» of the Vologda region inhabitants identity in its dynamics. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 85–91.

Кириллова Ирина Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный институт
гуманитарных наук
(Чебоксары, Россия)
E-mail: irinakir1@mail.ru

Kirillova Irina Yuryevna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Chuvash state Institute of Humanities
(Cheboksary, Russia)
E-mail: irinakir1@mail.ru

**СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТУРГИИ
БОРИСА ЧИНДЫКОВА: ХАРАКТЕР
КОНФЛИКТА, ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ,
ЖАНРОВАЯ ДИНАМИКА**

**ANALYSIS OF BORIS
CHINDYKOV'S DRAMATURGY:
NATURE OF CONFLICT,
CHARACTERS' TYPOLOGICAL
FEATURES AND GENRE DYNAMICS**

Аннотация. В статье определяется роль Б. Чиндыкова в современном чувашском литературном процессе. Выводы и обобщения в целом характеризуют художественно-эстетическое богатство и изобразительные возможности драматургии Б. Чиндыкова, подчеркивают особенности конфликта и характера, индивидуальный художественный почерк писателя для сцены.

Abstract. The author determines the role of B. Chindykov in the modern Chuvash literary process. As a conclusion, the author emphasizes artistic and aesthetic richness and artistic expression in the plays by B. Chindykov, underlines the peculiarities of conflict and character and individual writer's artistic style of the playwright.

Ключевые слова: современная чувашская драматургия, «новая драма», характер, конфликт, философская драма

Keywords: modern Chuvash dramaturgy, «New Drama», Character, conflict, philosophical plays

Введение

В конце XX в. на фоне кардинальных для России изменений в сфере политики происходит перестройка общественного сознания, формулируется новая этика, так или иначе отразившаяся на театрально-драматургических процессах указанного периода. Сам период в истории развития национальной драматургии насыщен поисками в идейно-эстетическом направлении. В чувашскую литературу пришло молодое поколение драматургов, наметивших новые направления движения художественной драматической мысли. Это Б. Чиндыков, Н. Сидоров, В. Тургай, Г. Медведев, Н. Угарин, А. Тарасов, Л. Сачкова и др. Их поиски были направлены на исследование новых художественных средств освоения изменившейся реальности, которые расширили границы художественной системы чувашской драмы.

Основная часть

«Новая волна» в чувашской драматургии связана с именем Б. Чиндыкова, который вошел в литературу в самом начале 1980-х гг. Первая книга «Чӱк уйӑхӑ» (Месяц жатвы) прозаика, драматурга, критика, переводчика, выпускника Литературного института им. А.М. Горького была издана лишь в 1987 г., а сценический дебют состоялся еще позже – в 1990 г. С первых же литературных шагов он отличался непохожестью на других современных авторов, уникальностью авторского стиля, который выражался в новаторской форме выражения объективной действительности, что и

явилось следствием неоднозначного, порой противоположного восприятия критиками его произведений. Восторженно он был принят молодежью, которая призывала чувашских писателей «потрясти новизной слова и смелостью мысли» [2]. В новом для чувашской литературы стиле критики увидели влияние западного искусства, «своего рода сплав древней чувашской поэтики с авангардной литературной техникой» [4]. Так или иначе, творческие поиски писателя позволили говорить о проявлении в чувашской литературе таких направлений как постмодернизм и этнофутуризм.

Авторский стиль Б. Чиндыкова отличался новаторской формой выражения реальной действительности. Особенностью его творчества стало то, что современные проблемы общества в его произведениях приобрели наиболее выраженный характер. Автор обращал внимание читателей (зрителей) на самые «большие» аспекты жизни общества без приукрашивания. Как один из активных деятелей национального движения в Чувашии, он в своих произведениях остро поднимал актуальные вопросы общественного функционирования и сохранения чувашского языка, культуры, искусства, вопросы национальной самоидентификации, проблемы развития современной чувашской литературы. В них отчетливо проявились отголоски надвигающихся общественно-политических перемен и умонастроение национальной творческой интеллигенции конца 1980-х гг., ее нравственные искания. Уже в начале 1980-х гг., наперекор устоявшимся в советской подцензурной литературе традициям, в драме «Ежевика вдоль плетня» (1982) он сумел отразить нравственно-кризисное состояние народа застойного периода.

Плодотворными оказались поиски Б. Чиндыкова в русле «новой драмы», которая вновь заявила о себе в русской драматургии конца XX в. в ответ на пореформенные процессы конца XX столетия. Драма реагирует на них перестройкой характера, новым качеством сюжета, трансформацией форм, стремлением к созданию синтетической формы. Так, для творчества Чиндыкова наиболее существенной оказалась двуплановость действия, которая развивается как в плане личных взаимоотношений персонажей, так и в плане отношений каждого из них к общим жизненным и общественным проблемам в связи с новым натиском исторических сил. Его драматургия, впрочем, как и проза, поднимает извечные вопросы национального мироздания, заставляет задуматься о роли и месте чуваша в этом огромном противоречивом мире, пытается выявить исторические корни выдвинутых современностью проблем. Нравственный кризис устоев современной жизни народа – результат отречения чуваша от своих национальных корней, своего рода, веры, нравственно-духовного мировоззрения. Перестав почитать вековые традиции, нравственные законы народа, люди потеряли свои ценностные ориентиры. В этом состоит их трагедия («Ежевика вдоль плетня», «У дверей» (1986), «Урасмет» (1989) и другие). Его пьесы призывают не только к разуму и чувству, но и к национальной природе читателя (зрителя), при этом воплощая в себе не только узконациональный смысл, а общечеловеческий в целом.

По существу, пьесы Б. Чиндыкова, независимо от преобладающих в них стилистических тенденций, являются разновидностями социально-философской драмы с глубоким подтекстом, которому служит целый арсенал символических образов и приемов. Драма «Ежевика вдоль плетня» – «есть философия, воплощение народного понимания смысла человеческого существования на земле» [3], выражение душевной боли маленького человека в этом огромном мире. Основной конфликт в ней складывается из столкновений разных человеческих судеб. Все в природе циклично, взаимосвязано, и жизнь человека повторяется в его потомках. Судьбу матери повторяет ее дочь в положении нелюбимой жены; судьбу отца – сын Василий, как и отец, любивший жену соседа. Однако глубина смысла драмы возникает из сочетаний составляющих

ее элементов-символов: это не хуже взрослых разбирающиеся в вопросах жизни и смерти дети, их игра в «переживание душевной боли», которую на самом деле испытывают взрослые персонажи, символ-сон маленького Радика, философия жизни пьяницы Иосифа, своим воем предвещающая беду собака Жучка, плетень, разделяющий этот мир с потусторонним, скитающиеся души умерших отца и сына и т.д. Автор моделирует особый условный художественный мир, который находится на грани реальности и загробного мира, бытовой достоверности и символизма. И усиление драматического напряжения происходит за счет превращения реальных образов в условно-метафорические. Драматургу характерно одновременно мифологическое, символическое, реалистическое мышление. Подобный синтез был присущ произведениям постмодерна 1990-х гг.

По объективным причинам пьеса была поставлена на сцене Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова режиссером В. Яковлевым лишь в 1990 г., и стала ярким свидетельством возросшей исполнительской культуры театра. Новая драматургия диктовала иную сценическую интерпретацию, основанную на условно-метафорической реальности как особой системы образности. Отказ режиссера от принципа репрезентации позволил ему глубже понять многоуровневый текст автора, развить и усложнить ее философию. Спектакль стал прорывом в чувашской сценической культуре, он несколько раз был удостоен главных наград на различных театральных фестивалях; драматург был удостоен Государственной премии Чувашской Республики (1993). И театральные, и литературные критики в один голос заговорили о раскрытии нового творческого потенциала национального искусства [1].

Исследователь А. Хузангай причисляет пьесы Б. Чиндыкова к «психологически острой драматургии», когда из соотношений разных душевных состояний героев складывается тот или иной акт пьесы. В этом случае драма бездействует, ей не важны события: «Чиндыков отдает предпочтение легкой достоверного характера. Его занимает глубинное погружение в характеры, в область интуиции, полубессознательного» [4, с. 256]. Так драматург разрабатывает нетрадиционную для чувашской литературы форму раскрытия национального характера.

На повседневном материале драматург заставляет читателя (зрителя) обратить внимание на боль, страдания наших соседей по лестничной площадке («У дверей»). И в этой повседневности скрывается оборотная сторона человеческой жизни. Гена всю жизнь прожил с женой, которая любила другого, и, наконец, решившись на поиски счастья, терпит неудачу. Повидавший свет художник-авангардист Иван не находит понимания своего творчества, в котором отражает свою душевную боль, и своего места в мире искусства. Проблематику общественного автор воплощает в духовных коллизиях отдельных героев. Традиция говорить и писать о нелегкой, несложившейся судьбе в чувашской литературе, как отмечает исследователь Ю. Яковлев, идет из веками сложившейся традиционной веры самого народа, его мифологического мышления. И литература рубежа 1980–1990-х гг., осваивая и развивая модернистские направления, через них в некотором смысле обращается к своим истокам [6]. Чуть позже «образ с несложившейся судьбой» станет главным героем пьес А. Тарасова, Н. Угарина, М. Карягиной и др.

Осознание Б. Чиндыковым сложных взаимоотношений человека с реальностью приводят его к разрушению практически всех составляющих единств классической драмы. Это отсутствие причинно-следственных связей, фрагментарность сюжета, пространственно-временные деформации, размытие родо-жанровых границ, использование различных условных форм, отражающих авторскую неудовлетворенность нынешней жизнью. Время действия – поздний вечер или за полночь («Ежевика

вдоль плетня», «Ужин после полуночи», «У дверей») – свойственно для экзистенциального мировосприятия, которое располагает на откровенный разговор о человеке, о его душе и боли. Замкнутые и отчужденные от остального мира герои пьес живут в особом мире. Во многих произведениях этот мир – чувашская деревня (редко – г. Чебоксары («У дверей»)). Но эта деревня (уголок земли) не просто место действия, а в то же время действующее лицо, комментирующее драматический, временами трагический, ход событий.

Центральный конфликт в пьесе Б. Чиндыкова «Ужин после полуночи» – несовместимость мира «ничтожных интересов» и мира высоких идеалов. В ней представлен новый герой, находящийся в некоем промежуточном положении. Здесь обнаруживается противостояние личности и среды, не столько внешнее, проявленное, сколько подспудное, существующее в душе героя. Внутренний конфликт становится основной формой выражения: на фоне духовного кризиса общества герой пытается преодолеть собственную душевную дисгармонию. Возвышенный идеал, тоска по совершенству, сомнения и мысли о своем творческом призвании передаются в душераздирающих монологах композитора-авангардиста Артура. В них автор пытается раскрыть вектор творческих исканий современного художника, который в постоянных сомнениях – нужно ли его творчество народу, который сам себе не хозяин, а подрастающее поколение не знает родного языка.

Переживания Артура – это размышления самого автора о будущем чувашской нации, ее искусстве. Трагическое видение у него воплощается не в судьбе какого-то одного героя, а в участи всего народа. Оттого и трагическое реализуется не в действии, а в атмосфере пьес автора, не сцеплением определенных событийных рядов, а усилением мрачного настроения. Так он выражал «всеобщую трагедию». Такое мировосприятие не связано лишь с противоречиями перестроечной эпохи. Пессимистический настрой, трагическое мироощущение находятся в истоках самой чувашской литературы.

Каждая из пьес автора – законченное художественное произведение, но если рассматривать их в контексте всего творчества и деятельности Б. Чиндыкова, можно сказать, что они представляют собой своего рода философско-психологические этюды, ставшие необходимой ступенью на пути воплощения им концепции современной новой драмы. В создаваемых им неповторимых человеческих судьбах просвечиваются контуры общенациональной трагедии.

Выводы

Чувашская новейшая драматургия закономерно выросла на почве чиндыковской «новой драмы»: переняв у драматурга интерес к национальному, тенденцию к субстанционально-экзистенциальному неразрешимому внутреннему конфликту, современная чувашская драма нашла способ разрешить его с помощью выхода в фантастический, сюрреалистический мир, примиряющий героев с действительностью, и, что важно, друг с другом.

Литература

1. Данилова Г. Росла Ежевика вдоль плетня... // Театральная жизнь. 1990. №16. С. 34.
2. Кириллов К. Жажду литературы // Молодой коммунист. 1985. 20 июня.
3. Романова З.В. «Ежевика...» – пьеса-айсберг // Писатели. Библиотека Президента ЧР.
- Т. 6. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 335.
4. Хузангай А. Изнанка жизни // Дружба народов. 1989. №2. С. 256–257.
5. Хузангай А. Между Сциллой и Харибдой // Республика. 2001. 28 ноября.

6. Яковлев Ю.В. Хальхи чăваш литератури синкер тĕнчетуйăмăн хăш-пĕр тĕссĕсем [Отражение трагического мировосприятия в современной чувашской литературе] // Хальхи чăваш литератури: илемлĕ асталăх ыйтăвĕсем. ЧИЯЛЭИ. Шупашкар, 1990. 6 с.

References

1. Danilova G. Rosla Ezhevika vdol' pletnia... [Growing Blackberries along the fence]. *Teatral'naiia zhizn* [Theatrical life], 1990, no. 16, p. 34.
 2. Kirillov K. Zhazhdu literatury [A thirst for literature]. *Molodoi communist* [Young Communist], 1985, 20 June.
 3. Romanova Z.V. «Ezhevika...» – p'esa-aisberg [“BlackBerry...” is a play-iceberg]. *Pisateli. Biblioteka Prezidenta ChR* [Writers. Library of the President of the Chuvash Republic], Vol. 6. Cheboksary, 2008, p. 335.
 4. Huzangai A. Iznanka zhizni [The seamy side of life]. *Druzhiba narodov* [Friendship of peoples], 1989, no. 2, pp. 256–257.
 5. Huzangai A. Mezhdru Scilloi i Haribdoi [Between Scylla and Charybdis]. *Respublika* [Republic], 2001, 28 November.
 6. Iakovlev Iu.V. *Otrazhenie tragicheskogo mirovospriiatiiia v sovremennoi chuvashskoi literature* [The tragic worldview in the modern Chuvash literature]. *Hal'hi chăvash literaturi: ilemlĕ aсталăх ыйтăвĕсем* [Modern Chuvash literature]. Cheboksary, 1990. 6 p.
-

Кириллова И.Ю. Своеобразие драматургии Бориса Чиндыкова: характер конфликта, типологические особенности персонажей, жанровая динамика // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 91–96.

For citation: Kirillova I.Y. Analysis of Boris Chindykov's dramaturgy: nature of conflict, characters' typological features and genre dynamics. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 92–96.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-14
УДК 811.11; 181-112.4

© Ковалев Н.А., 2017

Ковалев Никита Александрович
Преподаватель, аспирант,
Московский государственный институт
международных отношений
(Москва, Россия)
E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

Kovalev Nikita Aleksandrovich
Teacher, Post-graduate student,
MGIMO University
(Moscow, Russia)
E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru

**МЕТАФОРИКА ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ
США)**

**COLD WAR METAPHORICS IN THE
DIACHRONICAL ASPECT
(EVIDENCE FROM USA MASS
MEDIA)**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение динамики развития метафорического потенциала концепта COLD WAR в политическом дискурсе на материале публикаций качественной прессы, выходившей в США в период с 1948 по 1987 гг. Исследование показало, что компоненты динамического фрейма COLD WAR под влиянием экстралингвистических факторов становятся сферой-источником и сферой-мишенью метафорического переноса в ходе развития концепта. Было установлено, что области, выступавшие в роли сфер-источников метафорического переноса концепта COLD WAR, многочисленны: в ходе развития концепта увеличивается их количество и отдаленность от изначальной сферы, в рамках которой он возник.

Abstract. The aim of present research is to develop a framework for a diachronic analysis of the metaphorical models of the concept COLD WAR in political discourse. The paper seeks to reveal some of the changes that the concept COLD WAR underwent within the period 1948-1987. The study shows that the components of the dynamical framework COLD WAR changed under the influence of extralinguistic factors and the concept was metaphorically reinterpreted. It was proven that through the course of time the number of metaphorical models of the concept COLD WAR grew and the spheres of its metaphorical interpretation became more distant from the initial sphere of global confrontation.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, фрейм, метафорический концепт, концептуальная метафора, метафорическая модель

Keywords: political discourse, concept, framework, metaphorical concept, conceptual metaphor, metaphorical model

Введение

Концепт COLD WAR, возникший с началом холодной войны в конце 1940-х годов как символ глобального противостояния мировых держав, продолжает существовать в современном политическом дискурсе. Такую «живучесть» концепта отчасти можно объяснить тем, что на всех этапах своего существования он метафорически переосмыслялся и приобретал новые оттенки значения.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики и исследований политического дискурса все большее распространение получают исследования когнитивной метафоры. Классической работой по данной теме является труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» [29], в котором метафора определяется как прямое описание явлений внутреннего мира, с помощью которого формируются представления об абстрактных понятиях на всех уровнях мышления. По Дж. Лакоф-

фу и М. Джонсону в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – области-источника и области-мишени. Таким образом, концептуальная метафора определяется как «типичная форма переноса признаков одной понятийной сферы на другую понятийную сферу, т.е. некая концептуальная схема, продуцирующая переносные (метафорические) смыслы слов и высказываний» [2, с. 15].

Исследованиям когнитивной метафоры уделяют внимание многие современные ученые, и в том числе на материале английского языка – А.Н. Баранов [1], А.А. Зеленева [4], О.Б. Мангова [6], Е.Ю. Махницкая [7], А.Ю. Чайкина [12], Н.А. Чес [13], Н.Г. Шехтман [14] и другие. Э.В. Будаев отмечает, что «в российских исследованиях доминирует дескриптивный подход к анализу политических метафор, превалирует стремление описать и объяснить феномены, не давая собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования» [3, с. 113].

Важно понимать, что метафоризация в политическом дискурсе меняется с течением времени. По Э.В. Будаеву «метафора функционирует в политическом дискурсе подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами» [3, с. 97].

Целью настоящего исследования является изучение метафорического потенциала концепта COLD WAR в диахронической перспективе. Для решения исследовательских задач, а именно: реконструкции метафорических моделей в рамках концепт-сценария COLD WAR, изучения динамики их развития и функциональных возможностей, использовались методы концептуально-дефиниционного, функционально-репрезентативного и дискурсивного анализа. Исследование проводилось на материале публикаций качественной прессы, выходявшей в США в период с 1948 по 1987 гг.

Следует отметить, что целью данного исследования является предоставление наиболее ярких и иллюстративных метафорических моделей концепта COLD WAR. При более детальном рассмотрении можно выделить значительно большее количество метафорических моделей.

Основная часть

Особенности концепта COLD WAR. С точки зрения структуры данный концепт является сценарным концептом или динамическим фреймом. Родоначальником фреймовой теории является М. Минский [8], [9]. Фрейм «представляет собой иерархическую структуру и может рассматриваться как граф, состоящий из вершин и связей между ними. Фрейм имеет несколько уровней. На верхнем уровне фрейма представлена базовая информация о состоянии объекта, на низших (терминалах, терминальных слотах) содержатся конкретные значения и данные. Каждый слот включает условие, которое должно выполняться при установлении соответствия между значениями» [5, с. 20].

С самого начала своего существования концепт COLD WAR стал активно выступать в роли как сферы-источника метафорического переноса, так и сферы-мишени, в процессе концептуализации и категоризации явлений окружающей действительности. В терминах С.М. Толстой – это «левая» и «правая» мотивация по отношению к двум мотивационным измерениям лексической единицы: она может быть как мотивирующей («правая» мотивация), так и мотивированной («левая» мотивация) [10, с. 192].

Метафоризация концепта COLD WAR (1946–1991 гг.). Примеры «левой» мотивации метафорического переноса.

Температурная метафора. Само словосочетание «cold war» является метафорой, поэтому лексема «cold» очень часто метафорически переосмысливалась за все время существования концепта, причем, как правило, отрицательную коннотацию несут крайние значения (как холодный, так и горячий), а плавное повышение температуры несет положительный смысл, о чем свидетельствует выбор лексических единиц для характеристики определенных явлений реальности. Например: *MILITARY MEN WILL ANALYZE HOT-COLD WAR* /Военные проанализируют горяче-холодную войну [35]; *WHILE THE WORLD WAITS, jittering, for the Soviet Union to drop the other shoe, the cold war proceeds with an icy deadliness* /...холодная война продолжается с ледяной смертоносностью [33]; *...bring back the iciest days of the cold war, in contrast to the warmth generated by Khrushchev's United States visit/...вернуть самые ледяные дни холодной войны, в отличие от теплоты, которую Хрущев создал своим визитом* [22]. Однако «заморозка» не всегда несет отрицательную коннотацию, напротив, она зачастую обозначает отказ от ведения открытой («горячей») войны. Например: *Cold War In Deep-Freeze?* /Холодная война в глубокой заморозке? [23].

Климатическая метафора. Тесно связанной с температурной сферой-источником метафорического переосмысления концепта COLD WAR является область погоды и климата, причем большую роль играет сфера-мишень THAW как символ улучшения взаимоотношений. Например: *The lowering clouds on the international horizon are worrying both Presidential campaign camps. The Republican leaders here and the Democratic strategists in Hyannis Port, Mass., are anxiously watching the coldwar barometer* /Снижающиеся облака на международном горизонте вызывают обеспокоенность в обоих президентских лагерях. Лидеры республиканцев и стратеги демократов...с тревогой следят за барометром холодной войны [30].

Милитарная метафора. Большую роль в функционировании концепта COLD WAR играет милитарная метафора, и хотя военная лексика больше характерна для репрезентации концепта WAR, она очень часто использовалась для характеристики ведения невоенного противостояния, особенно на начальных этапах ведения холодной войны. Например: *A false show of friendship, in the view of many State Department officials, therefore, seems to be the most dangerous potential weapon in the Soviet arsenal* /Ложная демонстрация дружбы... кажется наиболее опасным потенциальным орудием в советском арсенале [37]; *And as a reminder that the Cold War goes on we note that the National Guard in some States has started to wage war on Communism by conducting its own National Defense Strategy Seminars* /...национальная гвардия в некоторых штатах начала войну против коммунизма... [21].

Игорная метафора. Любое противостояние, и особенно холодная война, является соревнованием, о чем свидетельствует тот факт, что с самого начала глобального конфликта в конце 1940-х гг. холодная война представлялась как игра (как азартная, так и спортивная). Эта метафорическая модель отличается высокой продуктивностью. Например: *We have thereby checkmated the plans of Russia in Berlin just as we have checked the Reds in Greece, but there is no evidence yet that we have won the cold war* /Мы поставили России мат по поводу ее планов относительно Берлина, а также шах красным в Греции... [19]. *We can hope that Khrushchev is bluffing, but we cannot afford to gamble on it* /Мы можем надеяться, что Хрущев блефует, но нельзя позволить себе ставить на это [24].

Религиозная метафора. Значительную роль для моральной легитимации противостояния между Западным миром и СССР играла акцентуация оппозиции ХРИСТИАНСТВО-АТЕИЗМ. Действия США по сдерживанию СССР описывались как

идеологический «крестовый поход» против коммунизма. Например: *Therefore, the question arises as to how this ideological crusade is to be met. It's no good pursuing the negative defense of merely arguing that Communism is contrary to our way of life / Таким образом, возникает вопрос о том, как встретят этот идеологический крестовый поход...* [27]. Поездка по Европе и проведение конференции в Москве первого генерального секретаря ООН Трюгве Ли называлось «паломничеством мира». Например: *Lie's Moscow press conference came at the end of his "pilgrimage of peace" which began with conferences with President Truman and Secretary of State Dean... / Московская пресс-конференция Ли прошла в завершении его «паломничества мира» ...* [15]. Наращивание ядерного оружия вызывало серьезные опасения и описывалось как библейский Армагеддон (*The Cold War Armageddon*) [26]. Конфронтация между США и СССР описывалась в религиозных терминах, причем религиозность граждан США представлялась как неоспоримое преимущество в ведении конфликта. Например: *...The choice then is clear: brotherhood and unity in God – or eventual Communist enslavement / Выбор ясен: братство и единство во Христе, или потенциальное порабощение коммунистами* [18].

Зооморфная метафора. Холодная война переосмысливается через сравнение с диким зверем, например: *The fourth estate here in the nation's capital is feeling the harsh breath of the cold war / Четвертая власть здесь в столице чувствует тяжелое дыхание холодной войны* [38] и ядовитой змеей, например: *After nearly twenty-five years of venomous Cold War, Soviet-American detente is still a fragile vessel which it behooves both sides not to try to overload... / После почти 25 лет ядовитой холодной войны...* [39], что свидетельствует об осознании опасности конфликта и вероятности того, что он легко может выйти из-под контроля. Многие исследователи, в частности С.М. Толстая, сходятся во мнении, что «животные» метафоры зачастую связаны с негативными, пейоративными оценками объектов окружающей действительности [11, с. 285].

Метафора болезни. Несмотря на крайне напряженные отношения на мировой арене, все же существовало понимание, что противостоянию нужно положить конец, хотя это было крайне затруднительно. Холодная война сравнивалась с недомоганием, сферой, близкой каждому человеку, вне зависимости от его политических убеждений и социального статуса. Таким образом СМИ США апеллировали буквально ко всем слоям общества, не оставляя безучастными никого. Например: *With the temperature of the cold war rising swiftly to fever heat we can no longer ignore the possibility of explosion by May 27th... / Из-за того, что температура холодной войны резко поднимается и достигает лихорадочного жара, нельзя игнорировать возможность взрыва 27 мая...* [26]. *SOME FOULS have colds, one after another, all winter long, and sometimes in the spring and fall, and once in a while, even in the summer. Others go for years without a cold. So far as I know, the cold question is as unsolved as the cold war /...проблема простудных заболеваний не решена, как и проблема холодной войны* [17].

Примеры «правой» мотивации метафорического переноса.

Метафора внутренней политики. Уже в начале своего функционирования концепт начал переноситься на такие сферы, как внутренняя политика и региональная внешняя политика, в отличие от сферы глобальной политики, в рамках которой концепт возник изначально. Предвыборная гонка между Гарри Труманом и губернатором штата Нью-Йорк Томасом Эдмундом Дьюи сравнивалась с холодной войной. Например: *Dewey Pushing a Cold War against Truman / Дьюи ведет холодную войну с Труманом* [25]. Также с холодной войной сравнивались внутривнутриполитические баталии в правительственных департаментах и комитетах. Например: *A cold war of partisan*

politics between the Congress and the Executive branch won't give them these goals / Холодная война партийной политики между Конгрессом и исполнительной властью... [36]. A sidelight of the tax-cut affair is the "cold war" between presidential economic adviser W. W. Heller and Treasury Secretary Douglas Dillon /... «холодная война» между советником президента по экономическим вопросам Геллером и министром финансов Диллоном... [32]. Has Cold War Ended Between Foreign Relations Committee and the State Department? / Окончена ли холодная война между Комитетом по иностранным делам и Государственным департаментом? [28].

Метафора внешней политики регионального характера. С приобретением холодной войной регионального характера концепт становится источником метафорической экспансии в ситуации, хотя и связанные с международными отношениями, но далекие от изначального глобального противостояния сверхдержав. Противостояние приобретает локальный характер, далекий от изначального общемирового противостояния. Например: *SAYS RED CHINA IS WAGING COLD WAR WITH INDIA. Peiping has declared cold war on India, dubbing her expansionist and imperialist, and obstructing Indian trade in violation of the treaty /... Китай ведет холодную войну с Индией. Пекин объявил холодную войну Индии, обвинив ее в экспансионизме и империализме... [20].*

Метафора межличностных отношений и семьи. В ходе развития концепта COLD WAR противостояние начало переноситься на неформальные сферы человеческой жизни, в частности, на сферу межличностных отношений (*A hair-pulling cold war is on between Pat Nugent – Luci Johnson's fiancé – and her hairdresser, Jean Louis /...холодная война с тасканием за волосы... [16]*) и семьи. Конфликт поколений (*Cold War Between the Generations / Холодная война поколений [34]*) и проблемы, возникающие в браке (*Albee unearths truth and its relevance in this "Cold War" of married life /... «Холодная война» семейной жизни... [31]*) сравнивались с конфронтацией в ходе холодной войны, характеризующейся максимальной напряженностью, но лишенной открытого конфликта.

Выводы

Таким образом можно сделать вывод о том, что концепт COLD WAR является динамическим элементом в системе концептуализации и категоризации повседневной действительности, а метафорическое переосмысление данного концепта играет крайне важную роль в его развитии и функционировании. На исследуемом материале удалось выяснить, что концепт COLD WAR в ходе своего развития становился объектом как «левой», так и «правой» мотивации метафорического переноса. Примерами «левой» мотивации являются такие метафорические модели, как *температурная, климатическая, милитарная, игорная, религиозная, зооморфная*, а также *метафора болезни*. «Правая» мотивация представлена моделями *внутренней политики, внешней региональной политики и семьи*. Это свидетельствует о том, что концепт в ходе своего функционирования плотно входил в обыденное сознание представителей американского народа и с самого начала воспринимался не только как один из элементов глобальной политики и дипломатии, но и экстраполировался на более привычные и близкие среднему американскому гражданину сферы жизни.

Литература

1. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: МГУ, 2003. С. 394–400.

2. Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. К 100-летию проф. И.И. Чернышевой. М.: ИПК МГЛУ Рема, 2011. С. 13–30.

3. Будаев Э.В. Когнитивная метафора и политический дискурс: методологические вариации // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 86–124.

4. Зеленева А.А. Концептуально-метафорические конфигурации в англоязычных медийных статьях: репрезентация государства // Язык в действии: актуальные проблемы и методы исследования в англистике. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 77–84.

5. Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.

6. Мангова О.Б. Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

7. Махницкая Е.Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы ее лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 191 с.

8. Минский М. Фреймы для представления знаний / под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.

9. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

10. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.

11. Толстая С.М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 685–693.

12. Чайкина А.Ю. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологических единиц в английском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.

13. Чес Н.А. Опыт моделирования концептуально-метафорических оснований политического дискурса в диахронической перспективе // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 235–239.

14. Шехтман Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 219 с.

15. Brooklyn Eagle, May 17, 1950. P.1.

16. Buffalo Courier-Express, N.Y., Aug. 5, 1966. P. 10.

17. Buffalo Courier-Express, N.Y., Feb. 27, 1967. P.12.

18. Buffalo Courier-Express, N.Y., Jan. 11, 1967. P. 2.

19. Cortland Standard, Cortland, N.Y., Apr. 29, 1949. P. 4.

20. Cortland Standard, Cortland, N.Y., Aug. 26, 1959. P. 1.

21. Cortland Standard, Cortland, N.Y., Feb. 22, 1961. P. 6.

22. Cortland Standard, Cortland, N.Y., June 27, 1961. P. 3.

23. Cortland Standard, Cortland, N.Y., March 1, 1961. P. 4.

24. Cortland Standard, Cortland, N.Y., March 2, 1959. P. 4.

25. Cortland Standard, Cortland, N.Y., March 28, 1969. P. 21.

26. Cortland Standard, Cortland, N.Y., Nov. 9, 1961. P. 4.

27. Cortland Standard, Cortland, N.Y. Sept. 8, 1950. P. 9.

28. Cortland Standard, Cortland, N.Y., Sept. 24, 1948. P. 1.

29. Lakoff G. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

30. Jamestown, N.Y., July 26, 1960. P. 2.

31. Taconic Newspapers, December 9 and 10, 1987. P. 8.

32. The Daily Record, N.Y., May 28, 1963. P. 8.

33. The Harlem Valley Times, Oct. 31, 1957. P. 14.

34. The Hilton Record, Hilton, N.Y. Aug. 1, 1963. P. 7.
35. The Morning Herald, N.Y., March 17, 1952. P. 1.
36. TOF - The Otsego Farmer, Cooperstown, N. Y., August 12, 1955. P. 4.
37. The Times Record, Troy, N.Y., January 3, 1949. P. 10.
38. Watertown Daily Times, Watertown, N. Y., Feb. 16, 1950. P. 34.
39. Watertown Daily Times, Watertown, N. Y., Sept. 13, 1973. P. 6.

References

1. Baranov A.N. Politicheskaja metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa [Political Metaphorics of Political Text: Possibilities of Linguistic Monitoring]. *Iazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [Language of the media as a subject to cross-disciplinary research]. Moscow, 2003, pp. 394–400.
2. Beliaevskaia E.G. Nominativnyi potentsial kontseptual'nykh metafor (kontseptual'no-metaforicheskaja reprezentatsiia kak ierarkhicheskaja sistema) [Nominative potential of conceptual metaphor]. *Aktual'nye problemy sovremennoi leksikologii i frazeologii* [Urgent problems of lexicology and phraseology]. Moscow, 2011, pp. 13–30.
3. Budaev E.V. Kognitivnaia metafora i politicheskii diskurs: metodologicheskie variatsii [Cognitive metaphor and political discourse: methodological variations]. *Diskurs, kontsept, zhanr: kollektivnaia monografiia* [Discourse, concept, genre: collective monography]. Nizhnii Tagil, 2009, pp. 86–124.
4. Zeleniaeva A.A. Kontseptual'no-metaforicheskie konfiguratsii v angliiazыchnykh mediinykh stat'iakh: reprezentatsiia gosudarstva [Conceptual-metaphorical configurations in English-language media articles: representation of the state]. *Iazyk v deistvii: aktual'nye problemy i metody issledovaniia v anglistike* [Language in action: urgent problems and research methods]. Moscow, 2012, pp. 77–84.
5. *Kognitivnaia psikhologiya. Uchebnik dlia vuzov* [Cognitive Psychology. University Coursebook]. Moscow, 2002. 480 p.
6. Mangova O.B. *Reprezentatsiia operatsionnogo kontsepta «gosudarstvennoe regulirovanie» v ekonomicheskom diskurse angliiskogo i russkogo iazykov* [Representation of the abstract concept “state regulation” in the economic discourse of English and Russian: Dr. dis.]. Moscow, 2012. 26 p.
7. Makhnitskaia E.Iu. *Metafora v sovremennom ekonomicheskom diskurse i printsipy ee leksikograficheskogo opisanii: dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphor in modern economic discourse and principles of its lexicographical description: dr. dis.]. Rostov-on-Don, 2003. 191 p.
8. Minskii M. *Freimy dlia predstavleniia znaniia*. [A Framework for Representing Knowledge]. Moscow, 1979. 151 p.
9. Minskii M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Kognitivnye aspekty iazyka* [New in Foreign Linguistics. Cognitive Aspects]. Moscow, 1988, pp. 52–92.
10. Tolstaia S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshch斯拉vianskoi perspektive* [Space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow, 2008. 528 p.
11. Tolstaia S.M. «Chelovek zhivet, kak trava rastet»: vegetativnaia metafora chelovecheskoi zhizni [“A person lives like grass grows”: vegetative metaphor of human life]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden senses. Word. Text. Culture]. Moscow, 2004, pp. 685–693.
12. Chaikina A.Iu. *Kognitivnye osnovaniia vybora i funkcionirovaniia frazeologicheskikh edinits v angliiskom politicheskom diskurse* [Cognitive bases of choice and functioning of phraseological units in the English-language political discourse]. Moscow, 2012. 24 p.
13. Shekhtman N.G. *Sopostavitel'noe issledovanie teatral'noi i sportivnoi metafory v rossiiskom i amerikanskom politicheskom diskurse* [Comparative research of theatrical and sport metaphor in American political discourse]. Ekaterinburg, 2005. 219 p.
14. Ches N.A. Opyt modelirovaniia kontseptual'no-metaforicheskikh osnovanii politicheskogo diskursa v diakhronicheskoi perspektive [The experience of modelling of conceptual-metaphoric reasons of political discourse in the diachronic perspective]. *Magiia INNO: novoe v issledovanii iazyka i metodike ego prepodavaniia: materialy Vtoroi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [INNO

Magic: new in the research of the language and methods of its teaching]. Moscow, 2015, vol. 1, pp. 235–239.

15. *Brooklyn Eagle*, May 17, 1950, pp. 1.
16. *Buffalo Courier-Express*, N.Y., Aug. 5, 1966, pp. 10.
17. *Buffalo Courier-Express*, N.Y., Feb. 27, 1967, pp. 12.
18. *Buffalo Courier-Express*, N.Y., Jan. 11, 1967, pp. 2.
19. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., Apr. 29, 1949, pp. 4.
20. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., Aug. 26, 1959, pp. 1.
21. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., Feb. 22, 1961, pp. 6.
22. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., June 27, 1961, pp. 3.
23. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., March 1, 1961, pp. 4.
24. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., March 2, 1959, pp. 4.
25. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., March 28, 1969, pp. 21.
26. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., Nov. 9, 1961, pp. 4.
27. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y. Sept. 8, 1950, pp. 9.
28. *Cortland Standard*, Cortland, N.Y., Sept. 24, 1948, pp. 1.
29. Lakoff G. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
30. *Jamestown*, N.Y., July 26, 1960, pp. 2.
31. *Taconic Newspapers*, December 9 and 10, 1987, pp. 8.
32. *The Daily Record*, N.Y., May 28, 1963, pp. 8.
33. *The Harlem Valley Times*, Oct. 31, 1957, pp. 14.
34. *The Hilton Record*, Hilton, N.Y. Aug. 1, 1963, pp. 7.
35. *The Morning Herald*, N.Y., March 17, 1952, pp. 1.
36. *TOF - The Otsego Farmer*, Cooperstown, N. Y., August 12, 1955, pp. 4.
37. *The Times Record*, Troy, N.Y., January 3, 1949, pp. 10.
38. *Watertown Daily Times*, Watertown, N. Y., Feb. 16, 1950, pp. 34.
39. *Watertown Daily Times*, Watertown, N. Y., Sept. 13, 1973, pp. 6.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Т.А. Ивушкиной.

Ковалев Н.А. Метафорика холодной войны в диахроническом аспекте (на материале СМИ США) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 97–104.

For citation: Kovalev N.A. Cold war metaphors in the diachronical aspect (evidence from USA mass media). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 97–104.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-15
УДК 82.0

© Красильников Р.Л., 2017

Красильников Роман Леонидович
Доктор филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

Krasilnikov Roman Leonidovich
Doctor of Philology Sciences, Associate
Professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРНЕТ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**MODERN RUSSIAN LITERATURE
AND THE INTERNET: PROBLEMS
OF INTERACTION**

Аннотация. Статья посвящена проблемам трансформации современной российской литературы в Интернете. В центре внимания – новые возможности, которые предоставляет писателям «всемирная паутина»: расширение читательской аудитории, обратная связь, отсутствие цензуры, неограниченность размера и количества публикаций и др. Рассматриваются также вызовы, которые связаны с коммуникацией в сети: распространение графомании, нарушение авторских прав, технологические риски и другие.

Abstract. The article is focused on the problems of transformation of modern Russian literature on the Internet. The subject of the study is new opportunities that the “World Wide Web” provides the writers with: expansion the readership, feedback, absence of censorship, an unlimited size and number of publications, etc.

The article also deals with the challenges that are associated with communication in the network: distribution of graphomania, copyright infringement, technological risks, etc.

Ключевые слова: современная российская литература, «новые медиа», Интернет, визуальный поворот, конвергенция, медиатизация

Keywords: modern Russian literature, “new media”, Internet, visual turn, convergence, mediatization

Введение

Одной из особенностей современной культуры является так называемый «визуальный поворот» – преобладание в коммуникации (особенно массовой) визуальных знаков и знаковых систем [2, с. 395]. Книжная культура замещается экранной, чтение – просмотром, вербальные знаки зачастую используются лишь как вспомогательные. Визуализация в целом более проста и понятна и требует от реципиента меньше усилий при восприятии.

В сложившейся ситуации литература, игравшая в России долгое время ведущую роль, переживает непростые времена. Некоторые исследователи в начале 2000-х годов даже считали, что «новые медиа» (радио, кинематограф, телевидение, Интернет) уничтожают письменную коммуникацию [3]. Однако в последние годы наметились процессы, свидетельствующие о приспособлении литературы к новым условиям. Каковы эти процессы – на этот вопрос мы и постараемся ответить в данной статье. Предметом изучения станет взаимодействие современной российской литературы и Интернета.

Основная часть

«Новые медиа» в целом и Интернет в частности отличают следующие признаки: широкий доступ к ним, дешевизна, ориентация на «среднестатистического» потребителя, стандартность передаваемой информации, технологичность, зрелищность

(аудиовизуальный характер), развлекательность. Все это признаки массовой коммуникации, массовой культуры. Литературу после изобретения печатного станка с известной долей условности тоже можно причислить к масс-медиа, однако охват аудитории все равно не такой обширный, цена не такая низкая, реципиент хотя бы должен уметь читать, технологии создания и распространения не настолько продвинутые, время преодоления расстояния и восприятия значительно больше, задействован лишь один тип анализаторов, в конце концов, и развлекательность не всегда очевидна.

Следовательно, перед культуртрегерами, которые стремятся сохранить высокий статус литературы в обществе, встает задача – адаптировать презентацию текста к требованиям «новых медиа».

Конечно, Интернет по сравнению с другими СМИ обладает своей спецификой. Во-первых, сеть почти не подвержена контролю-цензуре. Во-вторых, «всемирная паутина» является масштабным и практически безразмерным хранилищем данных. В-третьих, ее пространство заполнено знаковыми системами самого различного типа: и письменными, и аудиальными, и визуальными, и аудиовизуальными. Наконец, сеть интерактивна и предоставляет возможность пользователям самим публиковать свои произведения и быстро «получать обратную связь» от других участников коммуникации [16, с. 200–201]. Интернет позволяет огромному количеству людей почувствовать себя авторами, дает им шанс достичь известности «снизу», благодаря свободному выбору читателей. Следовательно «всемирной паутине» свойственны признаки не только массовой, но и популярной культуры, которая стала изучаться в рамках *cultural studies* и была определена как «трансформированная в условиях информационного общества “народная культура”, включающая популярные практики, сферу повседневных переживаний, суб- и контркультурные движения и т.п.» [10, с. 13].

Вместе с тем демократичность, доступность «всемирной паутины» одновременно понижает ее авторитет. Если опубликовать свои произведения в Интернете может практически каждый, то попасть, к примеру, на телевидение (настоящее, не сетевое) – единицы. Телевидение как часть и отражение социальной системы сохраняет свой особый статус, подчеркивая его ограниченным доступом к каналам связи, сотрудничеством с государством, значительным финансовым оборотом, качеством продукции (имеется в виду изображение, устойчивость трансляции), пока что существующим приоритетным положением среди старшего поколения, присутствием в отдаленных районах страны, где нет сети. О схожих тенденциях можно говорить применительно к радио и кинематографу.

Кроме того телевизионная, радиовещательная и кинематографическая продукция систематизируется, каталогизируется и хранится в архивах, тогда как пространство «всемирной паутины» не упорядочено, не фиксировано, склонно к утратам (в результате смены адресов, прекращения финансирования и прочее), обладает несовершенными системами поиска информации.

Тем не менее указанные выше достоинства Интернета – почти полное отсутствие цензуры, неограниченность размера и количества публикаций, интерактивные возможности – привлекли внимание множества современных отечественных авторов почти сразу после основания русского сегмента сети.

Наиболее показательны в этом отношении (но отнюдь не единственные в своем роде) порталы Стихи.ру (www.stihi.ru) и Проза.ру (www.proza.ru). На первом на данный момент зарегистрировано более 1 миллиона поэтов и более 38 миллионов произведений, на втором соответственно – более 270 тысяч прозаиков и около 7 миллионов текстов. На порталах выработан разнообразный инструментарий, поддержи-

вающий на них литературный процесс: возможность обмениваться рецензиями, вести дневник, зарабатывать баллы за активность, входить в рейтинги, номинироваться на премии и т.д. Поэтический ресурс предлагает дополнительные сервисы: «Учебник стихосложения» (пособие по стиховедению), «Энциклопедия поэзии» (словарь терминов) и «Помощник поэта» (подбор рифм). Есть у проектов и зона для коммерческих интересов: писателям предлагается за деньги (или баллы) «приглашать» читателей, анонсировать свои сочинения на первой странице сайта, участвовать в издании печатных альманахов (в первую очередь при номинации на премии), публиковать свои собственные книги. Нельзя сказать, что у Стихи.ру и Проза.ру вообще отсутствуют модерирование; как и любые другие сайты, эти ресурсы имеют свои правила [см.: 13]. По словам руководителя ресурсов Дмитрия Кравчука, «у модераторов много работы», в первую очередь она касается авторских прав и оскорблений одними пользователями других («троллинга», «киберунижения») [11].

Безусловно, порталы умело «играют» на чувствах писателей-любителей, которых часто называют графоманами и которых здесь очень много. Вместе с тем, если воспринимать популярную культуру как поле демократизации, то данные ресурсы работают как раз в русле освобождения от традиционных иерархий. Здесь нет авторитарных инструментов для того, чтобы заставить читателя выбрать какого-либо писателя, какой-либо текст: реципиент осуществляет свободный выбор из всего многообразия сочинений, даже из всего многообразия Интернет-продукции. Таким образом лидеры рейтингов – это, как правило, настоящие феномены популярной культуры, достигающий своего положения «снизу», при непосредственном участии аудитории. С исследовательской точки зрения (например, с позиции рецептивной эстетики или cultural studies), данный факт ни хорош, ни плох, не является «недостойным», а свидетельствует о трансформации коммуникационных процессов в современном обществе.

При этом даже критики, сетуя на общее низкое качество произведений на таких порталах, признают наличие «хороших авторов» на них. Так Марина Галина пишет: «Хороших поэтов – вернее, просто поэтов – в сети достаточно. Среди авторов, скажем, “поэзии.ру” можно встретить Светлану Бодрунову, Александра Воловика, Андрея Воркунова, Андрея Грязова, Александра Кабанова. Из “стихиры” вышли Геннадий Каневский, Дмитрий Легеза, Ксения Маренникова, Олег Шатыбелко. Активно публиковались в сети Игорь Караулов, Владимир Строчков...» [5]. Другими словами, многие писатели используют подобные ресурсы в своих интересах, занимаясь поиском аудитории, обратной связи, рекламой своих произведений. По словам Кравчука, к услугам этих порталов обращались такие мэтры, как Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский [11].

Тем не менее в целом отношение критиков к подобным ресурсам в большей степени отрицательное. Галина выделяет особенности «сетевой поэзии в худшем ее изводе»: «комплиментарность и неразборчивость восприятия», ориентация на «оперативное вбрасывание стихов “в свет”» и на «оперативный, “высокого накала” отклик читателя», «гладкопись», «общие места», «торопливость», «следование за звуком», «многословие», нетерпимость к критике. Критик с сожалением констатирует трансформации в поэтическом языке: «...возник целый пласт сетевого сленга, пародирующий поспешность и безграмотность сетевых отзывов (“афftar жжот!”, “афftar, пеши исчо!” “афftar выпей йаду, ниасилил много букв”»)» [5].

Очевидно, что критик оценивает данный феномен с позиций «высокой» литературы, но в то же время ее наблюдения существенны для осмысления взаимодействия словесности с Интернетом вообще. Легкость публикации и доступность обратной связи привела к созданию микросообществ, которые дорожат своим комфортом и

своими ролями «поэта, который нравится» и «читателя, которому нравится», а в итоге – к редуцированию черного труда писателя, работы с языком, саморефлексии, самокритики, готовности выслушать чье-то неприятное мнение, желания выйти на другой уровень, с точки зрения мастерства и воспринимающей аудитории.

В то же время опасения критиков можно поставить под сомнение: графоманская, «некачественная» литература все равно неспособна преодолеть границы соответствующих микросообществ и стать «классикой», пройдя аксиологические, эстетические и временные «фильтры». Она представляет собой, главным образом, социокультурное явление, а не художественное. Более того, пользователей указанных ресурсов можно воспринимать как представителей той немногочисленной публики, которая пока еще увлечена чтением. Об этом пишет и Галина: «А вдруг эти толпы людей, взыскующие Слова даже вот в таком его виде, и есть последняя надежда русской словесности, ее читатели?» [5].

В принципе, порталы Стихи.ру и Проза.ру можно считать специфическими социальными сетями. Однако многие писатели используют для обнародования своих сочинений и более привычные ресурсы, предназначенные для общения и развлечения, например «ВКонтакте», где часто встречаются страницы и группы, посвященные творчеству того или иного автора. Примечательно, что здесь (а не на собственном сайте) размещает свои стихотворения и другие материалы современная поэтесса Вера Полозкова (www.vk.com/vera_polozkova), достигшая популярности именно благодаря Интернету. Схожие функции выполняют и такие соцсети, как «Живой Журнал», «Facebook», «Одноклассники» и т.п. Отличительной чертой этих ресурсов является публикация произведений среди уже определенного круга «друзей» и «друзей друзей», что значительно облегчает поиск читателей и еще более нивелирует возможность критики. Есть здесь и специфические способы реагирования на только что сочиненные тексты («лайки», «смайлики», «комменты», «репосты» и т.д.), и проблема их сиюминутности, поскольку если они публикуются в виде статуса, то неизбежно опускаются в «подвал» событийной ленты.

Гораздо больших затрат и усилий (творческих и финансовых) требуют создание и регулярная поддержка официального авторского сайта. На такой шаг идут не все писатели, и задачи, поставленные перед подобными ресурсами, отличаются. Например, на сайтах Дарьи Донцовой (www.dontsova.ru) или Захара Прилепина (www.zaharprilepin.ru) можно лишь купить их книги, а у Бориса Акунина (www.akunin.ru) и Дины Рубиной (www.dinarubina.com) выложены полные тексты произведений. По содержанию и оформлению ресурсов Веры Павловой (www.verapavlova.ru) или Ах-Астаховой (www.astahova-ah.ru) можно судить о творческой личности поэтесс. Если Стихи.ру и Проза.ру, страницы в социальных сетях унифицированы, то собственный сайт автора может быть объектом изучения с точки зрения и наполнения, и дизайна (хотя некоторые элементы веб-страниц являются шаблонными).

Интернет как сегмент экранной культуры повлиял и на жанровую специфику публикуемых произведений. Очевидно, что пользователи «всемирной паутины» – преимущественно библиоскопы («просмотрщики» контента) – предпочитают тексты небольшого объема, размером в экран, в крайнем случае в два-три, с минимумом «прокрутки» [см.: 18]. В результате, например, особым жанром современной литературы стали «посты» в блогах и соцсетях, фактически представляющие собой дневниковые записи личного (лирического) или публицистического характера. О серьезном отношении к блогосфере свидетельствует принятый в 2014 году закон о регистрации в качестве СМИ страниц с аудиторией свыше 3000 пользователей в сутки [15]. Безусловно, не все подобные сайты связаны с художественной литературой, однако

профессиональные литераторы все чаще воспринимают «посты» как творческий продукт. К примеру, известный электронный проект «Литература» публикует «Избранные записи» из блога поэтессы Марии Марковой [9], критик Евгений Ермолин призывает реализовывать себя в качестве блогера на фоне кризиса крупной формы [17].

Еще одним новым жанровым образованием стали юмористические четверостишия – «пирожки» и «порошки». «Пирожки» («перашки») представляют собой катрены, написанные белым четырехстопным ямбом с чередованием женской и мужской клаузул, оформленные без прописных букв и знаков препинания. «Порошки» отличаются от них рифмовкой второй и четвертой строк, причем последний стих усекается до двух слогов [14]. Содержательной особенностью этих жанров являются неожиданные смысловые повороты. «Пирожки» и «порошки» возводятся к японской поэзии (хокку и танки), произведениям обэриутов, городскому фольклору советского времени, постмодернистской поэзии 1990-х гг. (одностишиям Владимира Вишневецкого и «гарикам» Игоря Губермана) [см.: 6]. Эти жанры отражают современную ментальность постмодернистского толка с ее тяготением к смеховому, комическому, всеобъемлющей иронии и созвучны «твиттерризации» Интернет-коммуникации.

Также новым жанровым образованием, приобретшим за последнее десятилетие грандиозные масштабы, является «фанфикшн» – сочинения любителей («фанатов»), как правило, написанные по мотивам известных литературных произведений, например, продолжающие их. Даже беглый взгляд на один из популярнейших сайтов «Книга Фанфиков» (www.ficbook.net) позволяет увидеть большое количество типов текстов, определенных как «жанры» самими участниками сообщества, например, «songfic» (фанфик, написанный под впечатлением от песни), «попаданцы» (о героях, попадающих в другой мир), «флафф» (описание «теплых отношений между персонажами») и другие. Данный литературный феномен сегодня активно изучается исследователями и признается одним из способов читательской деятельности [см.: 8]. Отметим, что он представляет собой результат творческой коммуникации, также принадлежащей к популярной культуре и удовлетворяющей потребности читателей быть причастными к полюбившимся произведениям. Очевидна и связь фанфикшн с постмодернистским понятием центонности, активным цитированием произведений других писателей [7, с. 335], снова акцентирующих наше внимание на проблеме авторских прав.

Еще одним направлением в трансформации литературы в эпоху медиа является ее аудиализация и визуализация. Аудиозапись, а шире – аудиокнига, все чаще становится альтернативой чтению, и любители литературы или ученики в школе все чаще говорят, что они «прослушали», а не «прочитали» то или иное произведение. Безусловно, перед нами один из способов конвергенции и медиатизации текста, его перевода в цифру и иную сенсорную форму. Аудиозапись оказывается комфортнее для восприятия, например, во время путешествия или перед сном, находится наряду с другой информацией на одном носителе – смартфоне, экран которого не всегда удобен для чтения. Кроме того, аудиозапись – это еще и возможность послушать авторское или профессиональное (актерское) прочтение произведения, позволяющее лучше (или просто иначе) понять его смысл.

Видеозапись, или видеоклип, – форма, требующая другого восприятия. Все чаще совершенно справедливо идет речь об особом виде искусства – видеопэзии. Данный жанр тесно связан с кинематографом и музыкальной индустрией, – не случайно в создании клипа поэту зачастую помогают режиссер, оператор и другие профессионалы в этой области, умеющие в той или иной степени сочетать текст с видеорядом (кинематографическим, анимационным) и музыкой, использовать монтажные прие-

мы, создавать образ автора. Имеет право на существование сравнение литературного клипа с рекламой: ведь мобильность стихотворной формы выражается еще и в концертах, гастролях, фестивалях и прочих видах деятельности современных поэтов. Сегодня их выступления граничат с шоу и нуждаются в «продвижении».

Аудиозаписи и видеозаписи можно найти на специальных сайтах вроде www.videorojezija.ru или www.youtube.com, а также в социальных сетях. Изображения и музыка нередко сопровождают «посты» или стихотворения. Получили распространение коллажи, объединяющие «пирожки» и «порошки» с фотографиями или графикой [1].

Примечательно, что Интернет используется также для радио- и телевидения о современной литературе. Каналы дублируют на своих сайтах прямой эфир, размещают архив передач. Из программ о современной поэзии можно выделить «Поэтический минимум» Дмитрия Воденникова на «Радио России» [12] или «Вслух» Александра Гаврилова на «Культуре» [4]. Активно развивается и собственно сетевое телевидение: газета «Вечерняя Москва» совместно с порталом Стихи.ру с 2011 года реализуется проект «Вечерние стихи», представляющий собой соревнования поэтов (www.stihi.ru/vs). С 2017 года при порталах Стихи.ру и Проза.ру работает онлайн-телевидение Литклуб.TV (www.litclub.tv), транслирующее записи поэтических, прозаических мероприятий (рубрики «Стихи» и «Проза») и чтения авторами своих произведений («Слово»). Очевидно, что такие трансляции гораздо дешевле обычных телевизионных и обладают гораздо большей свободой в составлении сетки вещания.

Выводы

В заключение сделаем выводы об особенностях взаимодействия современной литературы и Интернета. Из положительных (в большей степени) последствий отметим следующие: 1) охват большой аудитории (фактически замена распространения через библиотеки, что для современной литературы, испытывающей проблемы с финансированием, особенно важно), 2) дешевизна (даже бесплатность) публикации, 3) минимизация цензуры, 4) неограниченность объема и количества публикаций, 5) самостоятельность публикации, 6) наличие обратной связи (облегчение поиска читателей), 7) расширение инструментария для творчества и для читательской реакции на произведение, 8) усиление воздействия текстов на реципиентов за счет использования аудиовизуализации, 9) появление новых жанров, 10) широкие возможности для «продвижения», популяризации словесности, 11) восприятие определенной аудитории литературной коммуникации как важнейшей сферы досуга.

Проблемные зоны этого взаимодействия, на наш взгляд, таковы: 1) распространение любительской («графоманской») литературы (с ее поспешностью публикации, нетерпимостью к критике), 2) невысокий авторитет «сетевой словесности», 3) трудность разграничения «качественных» и «некачественных» произведений (не развитие художественного вкуса у аудитории), 4) нарушение авторских прав (присвоение чужих сочинений, объемные цитирования), 5) оскорбления («троллинг», «киберунижение»), 6) использование слэнга (дискредитация литературного языка), 7) технологические риски (нестабильность текстов, вероятность их утраты), 8) хаотичность литературной деятельности (сложность каталогизации, систематизации, архивации, поиска произведений).

Таким образом можно констатировать, что значительная часть современного литературного процесса перешла в Интернет-пространство. С одной стороны, в результате возникают новые специфические стороны литературного быта: «живое общение» в известной степени замещается онлайн-коммуникацией, автор и читатель приобретают новые умения и навыки (печатать, просматривать на экране) и частич-

но утрачивают прежние (писать, читать книгу). С другой стороны, литературная деятельность в сети перешла из сферы массовой культуры в область популярной, создаваемой «снизу»; она преодолевает пространственные и цензурные границы, предоставляя возможность большому количеству людей свободно заниматься творчеством и доносить свои произведения до широкой аудитории.

Литература

1. 15 «стишков-порошков» в картинках. URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/poroshki-v-kartinkah-675105/>
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017. 504 с.
3. Богомолов Ю., Гурский Л., Митта А., Панченко А., Славовский А., Шендерович В. Двойное гражданство? Телевидение и литература // Знамя. 2001. №10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1562>
4. Вслух. Поэзия сегодня. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20929/
5. Галина М. Поэзия он-лайн // Знамя. 2007. №2. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3210>
6. Дымарский М.Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи. Вып. 8. Саратов; М., 2012. С. 385–390.
7. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. 384 с.
8. Костюрина Н.Ю. Фанфикшн как предмет научного исследования в российском гуманитарном знании // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. №1–2 (25). С. 63–67.
9. Маркова М. Избранные ЖЖ-записи 2014 года. Часть I. URL: <http://litteratura.org/publicism/665-mariya-markova-izbrannye-zhzh-zapisi-2014-goda-chast-i.html>
10. Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. 339 с.
11. Панин И. Д. Кравчук: «Без раскрутки в Интернете теперь не обойтись» // Литературная газета. 2009. №26 (6230). 24 июня. URL: <http://www.lgz.ru/article/N26--6230---2009-06-24-/B%D0%B5z-raskrutki-v-Int%D0%B5m%D0%B5t%D0%B5-t%D0%B5p%D0%B5ry-n%D0%B5-oboytysy9328/>
12. Поэтический минимум. URL: <http://www.radiorus.ru/brand/about/id/57232/>
13. Правила пользования сервером Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/about/pravila.html>
14. Сафонова Т.В. Начинка современных пирожков (о малых художественных формах «пирожки» и «порошки» в сети интернет // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2012. С. 65–67.
15. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 97–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». URL: <https://rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>
16. Черных А. Мир современных медиа. М., 2007. 312 с.
17. Шутова Ю. Евгений Ермолин: «Придумайте и творчески реализуйте себя в качестве блогера». URL: <http://cultinfo.ru/news/2016/3/evgeniy-ermolin-invent-and-creatively-yourself>
18. Щербинина Ю.В. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. М., 2016. 416 с.

References

1. 15 «stishkov-poroshkov» v kartinkah [15 «stishkov-poroshkov» in the pictures]. Available at: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/poroshki-v-kartinkah-675105/> (accessed 10 September 2017)
2. Bahmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novyye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural turns. New landmarks in the science of culture]. Moscow, 2017. 504 p.
3. Bogomolov Iu., Gurskii L., Mitta A., Panchenko A., Slapovskii A., Shenderovich V. *Dvoynoe grazhdanstvo? Televidenie i literatura* [Double citizenship? Television and literature]. *Znamia*

[Banner], 2001, no. 10. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1562> (accessed 10 September 2017)

4. *Vsluh. Poeziia segodnia* [Aloud. Poetry today]. Available at: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20929/

5. Galina M. Poeziia online [Poetry online]. *Znamia* [Banner], 2007, no. 2. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3210> (accessed 10 September 2017)

6. Dymarskii M.Ja. Mezhdzhanrom i tvorchestvom, ili K stanovleniiu pirozhkovogo myshleniia iazykovoii lichnosti [Between genre and creativity, or Towards the formation of pirozhok thinking of the language personality]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov; Moscow, 2012, no. 8, pp. 385–390.

7. Il'in I.P. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow, 2001. 384 p.

8. Kostiurina N.Iu. Fanfikshn kak predmet nauchnogo issledovaniia v rossiiskom gumanitarnom znaniu [Fanfiction as a subject of scientific research in Russian humanitarian knowledge]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific notes of Komsomol'sk-on-Amur State Technical University], 2016, no. 1–2 (25), pp. 63–67.

9. Markova M. *Izbrannye ZhZh-zapisi 2014 goda. Chast' I* [Selected LJ-notes of 2014. Part I]. Available at: <http://litteratura.org/publicism/665-mariya-markova-izbrannye-zhzh-zapisi-2014-goda-chast-i.html> (accessed 10 September 2017)

10. *Massovaia kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniia* [Mass culture: modern Western studies]. Moscow, 2005. 339 p.

11. Panin I. D. Kravchuk: «Bez raskrutki v Internete teper' ne oboit'sia» [D. Kravchuk: «Nobody can do on the Internet without promotion»]. *Literaturnaia gazeta* [Literary newspaper], 2009, no. 26 (6230), June 24. Available at: <http://www.lgz.ru/article/N26--6230---2009-06-24-/B%D0%B5z-raskrutki-v-Int%D0%B5rn%D0%B5t%D0%B5-t%D0%B5p%D0%B5ry-n%D0%B5-oboitysy9328/> (accessed 10 September 2017)

12. *Poeticheskii minimum* [Poetic minimum]. Available at: <http://www.radiorus.ru/brand/about/id/57232/>

13. *Pravila pol'zovaniia serverom Stihi.ru* [Terms of use of the server Stihi.ru]. Available at: <http://www.stihi.ru/about/pravila.html> (accessed 10 September 2017)

14. Safonova T.V. Nachinka sovremennykh pirozhkov (o mal'kh hudozhestvennykh formakh «pirozhki» i «poroshki» v seti internet [Filling of modern pies (about small art forms «pirozhki» i «poroshki» on the Internet)]. *Kommunikatsiia v sovremennom mire* [Communication in the modern world]. Voronezh, 2012, pp. 65–67.

15. *Federal'nyi zakon ot 5 maia 2014 g. N 97-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiakh i o zashhite informatsii" i ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam uporiadocheniia obmena informatsiei s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei»* [Federal Law of May 5, 2014, no. 97-FZ «On amendments to the Federal Law “On information, information technologies and information protection” and certain legislative acts of the Russian Federation on the regulation of information exchange using information and telecommunications networks»]. Available at: <https://rg.ru/2014/05/07/informtechdok.html> (accessed 10 September 2017)

16. Chernykh A. *Mir sovremennykh media* [The world of modern media]. Moscow, 2007. 312 p.

17. Shutova Iu. *Evgenii Ermolin: «Pridumaite i tvorcheski realizuite sebia v kachestve blogera»* [Eugenii Ermolin: «Invent and creatively realize yourself as a blogger»]. Available at: <http://cultinfo.ru/news/2016/3/evgeniy-ermolin-invent-and-creatively-yourself> (accessed 10 September 2017)

18. Shherbinina Iu.V. *Vremia biblioskopov: Sovremennost' v zerkale knizhnoi kul'tury* [Time of the biblioscopers: modernity in the mirror of book culture]. Moscow, 2016. 416 p.

Krasil'nikov P.L. Современная российская литература и интернет: проблемы взаимодействия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 105–112.

For citation: Krasilnikov R.L. Modern russian literature and the internet: problems of interaction. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 105–112.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-16
УДК 821.161.1.09

© Лаврова С.Ю., 2017

Лаврова Светлана Юрьевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: llavrov20@gmail.com

Lavrova Svetlana Yurevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: llavrov20@gmail.com

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК
XIX ВЕКА Н.Д. АХШАРУМОВ
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ
Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»¹**

**LITERARY CRITIC
OF THE NINETENTH CENTURY
N.D. AKHSHARUMOV ON ETHNIC
MENTALITY IN THE NOVEL
BY L.N. TOLSTOY'S
“WAR AND PEACE”**

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу этнической ментальности российского народа, представленной писателем – классиком Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» и описанной литературным критиком XIX века Н.Д. Ахшарумовым в одной из четырех критических статей, посвященных проблематике романа.

Abstract. This article is focused on analysis of the ethnic mentality of the Russian people, set forth by a classic writer L. N. Tolstoy's novel “War and peace” and described by a literary critic of the nineteenth century H.D. Akhsharumov in one of the four critical articles on the novel.

Ключевые слова: литературный критик Н.Д. Ахшарумов, писатель Л.Н. Толстой, этническая ментальность, роман «Война и мир»

Keywords: literary critic N. D. Akhsharumov, writer L. N. Tolstoy, ethnic mentality, the novel “War and peace”

Введение

Как показывает традиция усвоения гуманитарных терминопонятий, многие из них приобретают предметную значимость при рассмотрении в том или ином реальном текстовом материале. Особую роль в этом процессе играют тексты художественные и построенные на их анализе исследования литературно-критические. В художественных текстах формируется авторское понимание философско-этических проблем, интересующих человека, а в литературно-критических – исследовательское осмысление способа представления авторского понимания проблем. В таком осмыслении, так или иначе, проявляется желание критика оценить художественные качества и общественную роль анализируемого текста, сформулировать суть его аксиологии, попытаться «вписать» данный текст в условные рамки терминологической парадигмы, будь то литературное направление или общепризнанная смысловая проблематика (успешность такой попытки зависит от уровня образованности и таланта критика).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491): «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик»

Основная часть

Обращаясь к одной из ярких статей литературного критика XIX века Н.Д. Ахшарумова, посвященной анализу классического произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» (статья вторая) [2, с. 25–64], рассмотрим способ представления критиком специфики этнической ментальности русского народа в указанном романе. Эпически показанное Толстым многообразие проявлений ментальности отразилось в бинарной структуре войны и мира как фоне бытия блестяще описанных персонажей, созданных классиком русской литературы. Несомненно, сразу встает вопрос о том, как литературный критик XIX века может рассуждать в статье об этнической ментальности, если терминологическое наполнение данного понятия появляется гораздо позже (по мнению исследователей, в середине 60-ых годов XX века)? [5], [4]. Ученые, изучающие понятие «этническая ментальность», утверждают, что к числу трудностей, связанных с анализом научной литературы по этой теме, «... относится и длительный период начального развития, когда ментальность описывали и изучали, не называя ее таковой. Обнаружить такие публикации по каким-либо внешним признакам невозможно: о том, что речь в них идет именно о менталитете, становится ясно только после прочтения работ» [6], [5]. Именно в таком контексте и предлагается анализ литературно-критической статьи Н.Д. Ахшарумова. Исследовательские работы более позднего периода об описании этнического менталитета в романе Толстого, такие, как [7], [1], [10], [11] и другие не рассматриваются нами в связи с тем, что опубликованы они в XXI веке. Не обращаемся мы и к способу оценки данной статьи со стороны литературоведов, занимающихся профессионально литературной критикой [3, с. 108–113], [7, с. 58–65]. Проблематика этнической ментальности и ее наполнение в XIX веке в контексте образованной языковой личности, знающей историю и литературу, каким и является критик Ахшарумов, по большому счету ничем не отличается от понимания ее сегодняшними исследователями. Как два века назад, так и сейчас в текстовом исполнении, уточняемом с учетом жанра, ведется разговор об инвариантном наполнении двух понятий – «этнической ментальности» и «менталитета». Вектор жизненного поведения каждой конкретной личности обуславливается и спецификой исторических событий, в эпоху которых довелось жить, и наличием определенных традиций, характерных для той или иной эпохи, и образом сформировавшегося мышления людей, стоящего за многочисленными историческими и культурными фактами. Эта проблематика становится особенно интересной, когда речь идет о глубокой и оригинальной критической статье литературного критика XIX века, написанной по поводу анализа создания классического романа гения. Критика есть искусство разбирать и судить. Такими профессиональными качествами Н.Д. Ахшарумов, несомненно, обладает. Будучи личностью хорошо образованной и нестандартной, он и литературно-критическую статью выстраивает по своим канонам. Обратимся к ее содержанию в контексте анализа этнической ментальности, интересующей нас. Непосредственному разбору особенностей и типичности персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир» у Ахшарумова предшествует достаточно объемное вступление, характеризующее этапы исторического формирования русской нации и ее менталитета. Анализируя устоявшееся в обществе понимание исторического романа по образцу Вальтера Скотта, Ахшарумов объясняет различия между данным автором и Л.Н. Толстым, указывая на различную ментальность Англии как островного государства и бескрайней России. Можно сформулировать первый тезис критической статьи Ахшарумова: этническую ментальность формируют географические особенности и размеры территории, на которых проживает конкретный народ. Возможно, автор статьи одним из первых предвосхищает сформировавшуюся позднее идею о том, что бескрайние пространства, достаточно сложно поддающиеся

ухоженной обустроенности в России, во многом определили специфические черты русского народа. Позднее философ Н. Бердяев отметит, что Россию погубили пространства, а ученые XXI века покажут, как на русскую ментальность оказали влияние колоссальные просторы страны и континентальный климат [10, с. 51]. «... история английской нации меньше всего похожа на нашу, – пишет Ахшарумов, добавляя, – там люди не знают и ни отцы их, ни деды не помнят такого неограниченного простора жизни, какой существует у нас. Там нет середины; одно из двух: или совсем не живи, или живи так, как люди живут» [2, с. 26]. «У нас совершенно напротив. У нас центр равновесия до сих пор еще не отыскан. Головою мы двинулись быстро вперед, ногами едва научились ступать, не спотыкаясь и не опрокидываясь. Мы выработали государственное единство, но не выработали еще никакого единства между развитием нации и развитием личным. После долгих веков исторического существования отдельные элементы нашей народной жизни до сих пор еще так слабо связаны между собой и эта слабость рождает такой простор для всякого уклонения в сторону от общего центра движения, что у нас можно легко стать человеком известным и даже героем в глазах большого числа людей и, несмотря на то, оставаться столь же далеким от какой бы то ни было положительной исторической роли, как любая Коробочка или Обломов. Эта черта распушенности, это отсутствие органической связи в характере нашей народной жизни и были одною из главных причин той трудности, с которою хорошо знакомы наши поэты, трудности отыскать в нашем прошедшем какой-нибудь стройный и сжатый сюжет для поэтической обработки» [2, с. 26–27]. Характеризуя нашу народную жизнь, критик подводит читателя к пониманию, как сложно даже такому автору как Л.Н. Толстой выбрать стройный сюжет для создания романа, который смог бы отразить специфику российского человека. В дальнейшем Ахшарумов покажет в своей статье, что две части романа Толстого окажутся, с его точки зрения, неравноценными: «Картина Войны у него так хороша, что мы не находим слов, способных выразить хоть отчасти ее ни с чем несравненную красоту. <...> Картина Мира не так легко поддается общей оценке и на первых порах приводит нас в сильное недоумение...» [2, с. 39–40]. В языковой персонификации географического изолирования России от Европы и появившейся возможности познакомиться с новым миром («Россия, жившая долго особняком, на рубеже европейской цивилизации, шагнула через ограду, ее уединявшую, и вступила в семью европейских наций») [2, с. 28] критиком образно показывается направленность социально-культурных исканий российского народа, желание постичь чужое мироустройство. Ахшарумов, пытаясь аргументировать влияние Европы на формирование российской ментальности, отмечает конкретные факты этого влияния: во-первых, желание русского человека усвоить европейские формы жизни, принятие которых приводит в дальнейшем к появлению нового общества с особой ролью в нем российского чиновничества (не повторяющего, естественно, европейские законы власти); во-вторых, водоворот европейской международной политики заставляет передовых людей России поднять вопрос о нашей национальной самобытности; в-третьих, сильное увлечение чужим европейским миром выявляет в русском народе некое нравственное лакейство. Отмечая последнее, Ахшарумов смягчает свой приговор, уточняя следующее: «Лакейство – еще не рабство, конечно, в смысле зависимости узаконенной и вынужденной; но оно гаже рабства, потому что под ним разумеется подчинение нравственное, охотно и даже весело на себя принимаемое и добровольно терпимое. К счастью человеческого достоинства, эта черта редко бывает наследственной и никогда национальной. Лакейство существовало во все века и у всех народов <...> лакейство – это всемирный грех» [2, с. 34–35]. Взаимовлияние одного менталитета на другой может осуществляться разными путями, но, по мнению критика, образо-

ванное российское общество указанного периода, читающее переведенные на русский язык иностранные книги, достаточно живо восприняло европейское революционное преобразование.

Второй тезис статьи Ахшарумова прочитывается как европейское влияние на Россию после открытия Петром географических границ изменяет сущностное содержание российской ментальности. Критик показывает, как действительно постепенно меняется сущностное содержание российского общества: от людей знатных, богатых и титулованных, до наследников раздробленных и потерявших свое величие имений. На основе внешних связей постепенно формируются новые убеждения членов нового общества на французский лад, литература подхватывает этот процесс и описывает его в текстах. «Процесс этой новой формации начался у нас, без сомнения, раньше той интересной эпохи, которую граф Толстой изобразил в своем сочинении. Начало его можно считать с тех ассамблей, на которых русских боярынь заставляли передеваться в немецкое платье и спаивали заморским вином», – подводя итог своим вступительным рассуждениям, отмечает Ахшарумов [2, с. 30]. Современному человеку данные истины не покажутся открытием, но мы не должны забывать о том, что так считает человек середины XIX века, развернуто показывая нам историческую основу классического романа графа Толстого. Третий тезис Ахшарумова заключается в констатации того, что в новую формирующуюся эпоху исторической войны меняется роль и значимость русского частного человека. Критик вполне справедливо замечает, что «местами кажется, как будто в «Войне и мире» историческая сторона задачи принесена в жертву художественной. Лицо частного человека стоит, по-видимому, везде на первом плане и занимает собою читателя почти исключительно; а исторические события являются только случайною его обстановкою, и ни один из главных актеров эпохи не принимает деятельного участия в драме рассказа. Но, несмотря на такую, по-видимому, второстепенную роль истории, она чувствуется везде и проникает собою все» [2, с. 32]. Действительно, метафора грозной тучи, всегда висящей на горизонте, подчеркивается Ахшарумовым как знак нестабильности жизни человека в мире, знак тревоги и опасности. Важно, что тема «частного человека», больше всего интересующая читателей, может наполняться разными смыслами, если рассуждать о ней более детально, с учетом способа выражения авторской задачи. Частный человек, создающий автобиографию, мемуары, дневниковые записи, интервью, – индивидуум, имеющий право от своего персонального имени выражать отношение к проявлениям человеческого бытия и его сущностным признакам. Он и творец, и наблюдатель, но не писательский персонаж, созданный для решения определенной творческой задачи произведения [9]. Частный человек романа в любом случае – лицо типизированное, созданное автором с определенной целью. Частные лица, описанные в романе «Война и мир», по суждению Ахшарумова, представляют «тип русского человека в эпоху его перерождения <...> этот-то тип играет главную роль в сочинении графа Толстого. Он составляет собою тот личный центр, в котором сосредоточивается и воплощается весь исторический интерес и исторический смысл картины; а потому он, прежде всего и должен быть предметом критического анализа» [2, с. 32]. Объектом же выступает историческая эпоха как продукт времени, на фоне которой и «разворачивается» жизнь классических персонажей романа. Так или иначе каждый из этих персонажей являет собой некий типизированный инвариант разнослоевого общества России начала XIX века и, соответственно, воплощает его важнейшие этнические черты. Ахшарумов отмечает, что Толстой «любит людей, им описываемых, не за какие-нибудь особенные достоинства или заслуги, ибо таких, вообще говоря, налицо не оказывается, а естественной и безотчетной любовью русского к рускому, сына к отцу, участием зрелого

и высокоразвитого человека к молодому повесе, который напоминает ему его молодость» [2, с. 36–37].

Описывая ключевые фигуры романа, критик выбирает определенный языковой способ вербализации специфики каждого. Блестящим созданием автора называет критик образ графа Безухова, воспитанного, несомненно, в Париже и (при всей оригинальности и несходстве с другими персонажами) отмеченного чертами бесхарактерности, ложной скромности, переходящей все границы приличия, необъяснимой доброты, перемешанной со стыдливостью, непониманием своего места в этой сложной жизни, не перевариваемыми мыслями, которыми «напичкало» его обучение за границей. Обратившись к базовым концептам российской этнической ментальности, констатируем, что Безухов – типичный представитель русского менталитета начала XIX века, выражающий инвариантные черты образованного человека того времени (человека евро ориентированной культуры, но чувствующего и мыслящего с помощью взаимоисключающих способов: «энергетическая пружина» при «рыхлой, кисельной природе»; «никогда не знает: худо или хорошо, глупо или умно, прилично или позорно то, что он делает» [2, с. 43]; кисельное сердце с львиной основой). Образ Николая Ростова характеризуется той же амбивалентностью понимания мира с характерной для молодого человека-гусара жаждой какого-то абстрактного подвига, не имеющего под собой никакой реальной практичности и рациональности. Стыдливость и неуверенность в себе скрывается под маской распушенности и «лихорадочного порыва», столь характерного для русского поведения образованного молодого человека. В противовес Безухову и Ростову другие фигуры «воинов», такие как Васька Денисов и Долохов, – не сомневающиеся в себе представители русского общества. Образ Денисова вызывает в определенной степени восхищение его геройством («Вглядываясь в черты этой геройской фигуры, мы находим в них что-то знакомое и без ошибки можем сказать, что они встречаются нам не в первый раз в русской литературе... <...> Люди этого рода не сомневались в себе, так же как они не сомневались в смысле той жизни, которая их окружала. Она отвечала вполне на их немудреные требования...» [2, с. 51–52]). Образ Долохова, дуэлиста и шулера, негодяя и мерзавца, при всей этической неоднозначности этого персонажа, оценивается критиком, как еще один удачно описанный Толстым типичный циничный представитель российской ментальности. «Там, где нужна отвага, ни перед чем не задумывающаяся, или холодная ясная голова перед лицом беды, почти неминуемой, там этот мерзавец и негодяй является нам богатырем чисто русской породы» [2, с. 52]. Казалось бы, парадоксально видеть в мерзавце русского богатыря, однако речь идет о двух сторонах этой сложной личности: бытовой распушенности и вседозволенности в силу определенных причин, с одной стороны, и холодной расчетливости и остроты ума, когда речь идет о военном противостоянии его Родины с другим государством. Отвага русских людей в военных действиях всегда определяла не в меньшей степени, чем современное оружие, исход битвы в нашу пользу.

Образы других персонажей российской действительности начала XIX века в статье Ахшарумова представлены именами старого князя Николая Болконского, молодого князя Андрея Болконского и Наташи Ростовской. В характере каждого из них критик отмечает чисто российские черты, по-разному воплощенные в зависимости от гендерной принадлежности, возрастного статуса, личной человеческой симпатии автора романа. Образ старого графа Безухова, по мнению Ахшарумова, превосходит по силе изображения все, что когда-либо описывал Толстой. Это тип русского человека, самобытного, имеющего деньги, но лишённого практического опыта, что и обусловило его основное пребывание в собственном имении, в кругу тиранически покоренных им домочадцев. Однако Толстой, как пишет Ахшарумов, не остановил-

ся на этой характеристике, представляя образ в современной тому времени трактовке: «...дух обновления в свою пору коснулся этого человека; что это – натура, уже поступившая в переделку; что он был протестантом в свое время и до конца остался решительным теоретиком; короче сказать, что и он представляет собой не исконную старину, а тип переходного времени» [2, с. 46]. В сравнении со старым Болконским его сын, князь Андрей («... мы видим в нем человека, жестоко разочарованного пустотой светской жизни и томимого жаждой серьезной деятельности. Этой серьезной деятельностью он считает в ту пору войну» [2, с. 47]) – типичный представитель «лучшей России», сорокалетний мужчина, образованный, воспитанный, красивый, вместе с тем – постоянно ищущий какого-то особого применения своим силам, влюбленный то в славу Наполеона, то в реформы Сперанского, то в душу Наташи Ростовой. Ахшарумов замечательно резюмирует специфику натуры князя – «... мы его любим, потому что он теплый, живой человек; потому что в нем чистая русская кровь и чистое русское сердце; и мы высоко уважаем в нем некоторые черты. Он благороден и горд – ничто мелочное и низкое не доступно его душе; он смел и готов отдать жизнь за то, что он любит... Но вся беда в том, что никто не может сказать, да и сам он не может сказать, что такое он любит. В нем нет устоя, нет личной инициативы, пылкие увлечения не рождаются в его душе живым плодом ее внутренней деятельности, а налетают, как вихрь, извне, совершенно случайно и, подхватив его на лету, мчат несколько времени до тех пор, пока их порыв не истощится, или что-нибудь, столь же внешнее и случайное, не остановит их механического размаха...» [2, с.48]. Наташа Ростова тоже «... не знает, чего ей нужно и что именно она любит <...> Наташа – русская женщина до конца ногтей; но не это еще отличает ее от других лиц, созданных автором, большая часть которых оттого так и милы нам, что русский народный характер в них не затерт и пробивает живым ключом сквозь все наносные элементы развития» [2, с. 49]. Наташа Ростова, по мнению Ахшарумова, находится «в группе фигур, олицетворяющих собою характер эпохи, очаровательная фигурка Наташи стоит на рубеже между тою сферою, самое яркое воплощение которой мы видим в Безухове, и другою, совершенно противоположною» [2, с. 51]. Ахшарумов считает, что именно такие, не мудрствующие над высокими истинами практические люди спасли и отстояли Россию, «когда все гнулось и трепетало под бурей...» [2, с. 51]. И речь здесь не идет о мужских и женских фигурах – речь идет об истинно русском человеке, знающем выход в минуту абсолютной опасности потерять Родину. История не раз доказывала справедливость такой характеристики россиянина. И, наконец, особое место в статье Ахшарумова отводится антиподу российского – французскому императору Наполеону. Сразу отметим, что критик обращает внимание читателя на большую ошибку Толстого в описании Наполеона: «К сожалению, много чего существенного ускользнуло от автора. От него ускользнул необычайный размер деловой, практической силы, резко деливший этого человека от всех его современников» [2, с. 54]. Ахшарумов не склонен разделять точку зрения Толстого на Наполеона как на простую пешку в руке судьбы, потому что убежден: сила Наполеона в его гении. «Он угадал дух нации и усвоил его себе в таком совершенстве, что стал в глазах миллионов людей живым его воплощением. И этот-то дух объясняет нам, почему его армия не была бессмысленным стадом, которое какая-нибудь одна пугливая овца могла в любую минуту сбить с толку. Его армия – это был он», – пишет Ахшарумов [2, с. 56]. Критик убежден, что военная философия графа Толстого не имеет ничего общего с реальностью пространства и времени войны. Фатализм в описании военных исторических дел, в которых у Толстого, по словам Ахшарумова, «так называемые великие люди суть ярлыки, дающие только имя событию...» [2, с. 61], и свобода частных лиц его романа, имеющих инициативу дей-

ствий и возможность реализовать поставленные личные цели, есть художественный способ репрезентации двух разных истин. Критик в заключительной части статьи дающий оценку творческой деятельности графа Толстого, по большому счету затрагивает и российскую ментальность самого писателя, человека широкой натуры с мнимой широтой «воззрений, которая, в сущности, объясняется только крайнею их неопределенностью и неустойчивостью» [2, с. 62]; писателя, чья поэтическая и художественная сила значительно глубже и интереснее противопоставленной ей скептической философии автора, основанной на фаталистической ноте. Философию Толстого он называет «отвратительной», а роман Толстого – памятником славной эпохи.

Выводы

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что российская этническая ментальность как писателя, так и его романа, выражается в противоречивых качествах реальных и вымышленных героев: в смешении разных философий, в неопределенности жизненных линий, в безудержности натур, в героизме и отваге в критические моменты для Родины, в ярко выраженной тяге к европейским стандартам, в любви к необозримому простору и в жажде некоего абстрактного подвига во имя такой же абстрактной идеи. Несомненно, что не только данными чертами определяется русский характер, в частности, и русская этническая ментальность в целом, но именно эти черты русского человека XIX века кажутся в определенной степени универсальными и прочитываются в критической статье именно так. Глубокий и серьезный анализ классического произведения Л.Н. Толстого (лишь частично рассмотренный в нашей работе), проведенный критиком основательно и аргументированно, подчеркивает художественную значимость личности самого Ахшарумова, в структуре которой, выражаясь с помощью научных терминов современной филологии, языковая личность Ахшарумова-критика заслуживает особого пристального изучения.

Литература

1. Алиференко Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 23–43.
2. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинение графа Л. Толстого. Части 1–4 // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 35–54.
3. Володина Н.В. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н.Д. Ахшарумова (статья вторая) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С.108–113.
4. Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 458 с.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
6. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА Тандем-У, 1998. 191 с.
7. Козлов А.Е. «Ахшарумовские вариации» в русской литературе: история войны 1812 года // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 58–65.
8. Козлова С.М. «Текст врага» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 56-62.
9. Лаврова С.Ю. «Частный человек» как внутритекстовый субъект-наблюдатель (на материале «Большой книги интервью») И.А. Бродского) // Говорящий как Наблюдатель: лингво-аксиологический аспект: монография. Череповец, 2017. С. 134–147.
10. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2016. 38 с.
11. Шпилькин Ю.И. Евразийский менталитет. М., 2013. 242 с.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokulturalnaia priroda mentalnosti [Lingvoculturology nature of the mentality]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2011, no. 1, pp. 23–43.
2. Akhsharumov N.D. Voina i mir. Sochinenie grafa L. Tolstogo. Chasti 1–4 [War and peace. Work of count Leo Tolstoy. Parts 1–4]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1868, no. 4, pp. 35–54.
3. Volodina N.V. Roman L.N. Tolstogo «Voina I mir» v otsenke N.D. Akhsharumova (statia vtoraia) [The Novel by L.N. Tolstoy's "War and peace" in the evaluation of N.D. Akhsharumov (second article)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, no. 5, pp. 108–113.
4. Golikova T.A. *Psiholingvisticheskaia konsepsiia issledovaniia etnicheskogo soznaniia* [Psycholinguistic concept of the study of ethnic consciousness. Dr. dis.]. Moscow, 2005. 458 p.
5. Gurevich A.Ia. *Istoricheskii sintez i shkola "Annalov"* [Historical synthesis and School "annals"]. Moscow, 1993. 328 p.
6. Dodonov R.A. *Etnicheskaiia mentalnost': opyt sotsialno-filosofskogo issledovaniia* [Ethnic mentality: the experience of social and philosophical research]. Zaporozhye, 1998. 191 p.
7. Kozlov A.E. "Akhsharumovskie variatsii" v russkoy literature: istoriia voyni 1812 goda ["Aharonovsky variations" in Russian literature: history of the war of 1812]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiia* [Scenic and storytelling], 2016, no. 1, pp. 58–65.
8. Kozlova S.M. "Tekst vraga" v romane L.N. Tolstogo "Voina i mir" ["Text of the enemy" in the novel of L.N. Tolstoy's "War and peace"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. Tomsk, 2004, no. 3, pp. 56–62.
9. Lavrova S. Y. "Chastnyi chelovek" kak vnutriterstovyi sub"ekt-nablyudatel (na materiale "Bolshoi knigi interviu" I. A. Brodskogo) ["Private person" as intratextual subject-the observer (on the "the Big book of interviews" I. A. Brodsky)]. *Govoriashchii kak Nablyudatel': lingvoaksiologicheskii aspekt* [The Speaker as Observer: lingvoaxiological aspect]. Cherepovets, 2017, pp. 134–147.
10. Khrolenko A.T. *Osnovy lingvokulturologii* [Foundations of cultural linguistics. Textbook]. Moscow, 2016. 38 p.
11. Spilkin Y.I. *Evraziiskii mentalitet* [The Eurasian mentality]. Moscow, 2013. 242 p.

Лаєрова С.Ю. Литературный критик XIX века Н.Д. Ахшарумов об этнической ментальности в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 113–120.

For citation: Lavrova S.Y. Literary critic of the nineteenth century N.D. Akhsharumov on ethnic mentality in the novel by L.N. Tolstoy's "War and peace". *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 113–120.

Мелихов Михаил Васильевич

Доктор филологических наук, профессор,
Сыктывкарский государственный
университет (Сыктывкар, Россия)
E-mail: melikhovm@mail.ru

Melikhov Mikhail Vasiljevich

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Syktyvkar State University
(Syktyvkar, Russia)
E-mail: melikhovm@mail.ru

**ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ
СОСТАВ РУКОПИСНЫХ
СБОРНИКОВ ПИСАТЕЛЯ-
СТАРООБРЯДЦА С.А. НОСОВА**

**THE GENRE AND THEME OF THE
MANUSCRIPT COLLECTIONS
OF OLD BELIEVER WRITER
S.A. NOSOV**

Аннотация. В статье дана краткая характеристика жанрово-тематического состава рукописных сборников последнего на Печоре старообрядческого писателя С.А. Носова. На материале 28 его «книг» выявлены предпочтения составителя в выборе источников (чаще всего это были миные и прологи, иногда – научные издания древнерусских текстов), названы и кратко охарактеризованы типы работы писателя с включенными в сборники текстами.

Abstract. The article gives a brief description of genre and theme of the manuscript collections of the latest on the Pechora river old believer - writer S.A. Nosov. A case study of 28 of his "books," revealed preferences of the originator in the selection of sources (most of those were saints and prefaces, sometimes scientific publications of ancient texts). The works of the writer and texts included in the collections were listed and briefly described.

Ключевые слова: история старообрядчества, крестьянская литература, эсхатология, археография, агиография, рукописные старообрядческие сборники

Keywords: history of the old believers, peasant literature, eschatology, Hagiography, Ethnology, Archaeography, manuscript old believers' collections

Введение

В последние десятилетия в научный оборот активно вводятся произведения «народной» литературы, созданные «писателями из народа» в конце XIX–XX вв.: дневники, мемуары и даже литературные произведения. Это старообрядец К.И. Донцов [11] из Бессарабии, в Архангельской области – крестьяне И.С. Карпов [5] и А.А. Замалеев [3], в Республике Коми – усть-куломский крестьянский писатель И.С. Рассыхаев [2] и др. Большая часть этих авторов – обычные крестьяне, которые вели записи о своих каждодневных делах, сохраняя на бумаге все, что по их мнению заслуживало внимания: покупка новой шубы, цены на продукты и промышленные товары, заметки о погоде.

Давно признан тот факт, что существует и другая разновидность народной литературы – духовная. Это прежде всего сочинения старообрядцев. Уральскими и сибирскими археографами открыты духовные крестьянские писатели, до конца XX в. создававшие сочинения на традиционные для старообрядческого вероучения темы. Наибольшей известностью среди писателей-старообрядцев второй половины XX в. пользовались А. Герасимов [12], А.Г. Мурачев [3] и многие другие авторы, которые считали своим долгом комментировать и разъяснять единоверцам не только отличия старой веры от новой: они осмеливались достаточно открыто формулировать нега-

тивное отношение к советской власти и лидерам государства, в традиционном для старообрядчества XVII–XIX вв. эсхатологическом плане [10].

Основная часть

Среди старообрядцев Печорского края второй половины XX в. наиболее авторитетным в вопросах догматики старообрядцем был Степан Анфиногенович Носов (1902–1981), владелец небольшой коллекции старопечатных и рукописных книг и переписчик и составитель 28 рукописных сборников [8].

Наибольшую научную ценность в рукописном наследии С.А. Носова имеют не сборники, а другие – оригинальные – материалы, прежде всего – цикл из 12 видений и комментариев к ним, «исторические» заметки, письма (нам в настоящее время известно более 200 писем к единоверцам, родственникам, друзьям, ученым). Но заметим, что нельзя недооценивать научное значение и сборников: крайне редко в руки исследователей попадают рукописные материалы такого большого объема, вышедшие из «домашней» мастерской одного автора или составителя.

К составлению сборников С.А. Носов обратился, по всей вероятности, во второй половине 50-х гг. XX в. и включал в них те тесты, которые ему, как человеку только что обратившемуся к чтению религиозных книг, казались самыми актуальными [9, с. 8–12]. Процесс компоновки сборников можно представить следующим образом. Первый этап – составление выписок (о темах выписок мы расскажем позже), часть из которых С.А. Носов, как он сам об этом неоднократно писал в письмах к родственникам и знакомым, отправлял своим корреспондентам с условием вернуть их по прочтении. На начальном этапе сборники представляли собой небольшие тетради по 8–10 листов, не переплетенные и не сшитые. Ранние сборники (50–60-х гг.) изготавливались из разномастных листов, чаще всего из школьных тетрадей в линейку, косую линейку, в клетку, причем в некоторых случаях листы могли быть уже использованы школьниками с одной стороны, а некоторые листы вообще изготовлены из упаковочной бумаги. В поздних сборниках (1970-е гг.) тетради изготавливались из листов одного формата: С.А. Носов покупал готовые наборы почтовой бумаги, на этой бумаге он и письма писал, и делал из них тетради, затем тетради переплетал. Он сшивал тетради нитками, затем формировал из них блоки и подбирал переплет. Переплеты картонные, обклеенные чаще всего цветной бумагой или тонкой разноцветной тканью. Все сборники пронумерованы, номера помещены на специальных бумажных этикетках прямоугольной формы [9, с. 7–8]. Количество листов в сборниках большое – от 100 до 230, обрезаны они не всегда ровно, иногда обрезы блоков окрашены.

Круг интересов составителя сборников типичен для старообрядца второй половины XX в., припоминаящего, что о староверии он помнил в детстве. Так, часто встречаются выписки из Ветхого и Нового Заветов, патериков, Прологов, Кормчей и т.п. о библейской истории, о тех или иных христианских догматах, полностью переписываются молитвы, перечисляются и даже анализируются расхождения «старой» и «новой» вер, называются непростительные для верующего человека грехи со старообрядческой спецификой (табакокурение, брадобритие, употребление чая и кофе и т.п.). Присутствуют выписки и о событиях из библейской и русской истории: о дате сотворения мира, о годах вселенских соборов, о церковных праздниках и их символическом смысле, о датах жизни русских князей (например, Александра Невского). Значительную часть текстов объединяют темы приближающегося конца света и необходимости готовиться к нему, предлагаются рекомендации спасения души. Источниками этих текстов были, естественно, сочинения таких отцов церкви, как Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст и другие. Называет С.А. Носов и приметы приближе-

ния конца света (по тем же источникам). Из четырех книг в сборники включены тексты из «Великого Зеркала».

Носов прекрасно ориентировался в этих сложных и объемных книгах и постоянно на них ссылался, причем всегда к месту. Но помимо кратких выписок в сборниках Носова есть и объемные тексты, чаще всего это тексты житий. Так, например, в сборниках №3 и №5 помещены подборки текстов о преподобном Макарии. Достаточно много в сборниках и выписок из Жития Андрея Уродивого и Нифонта Константинопольского, из слов Максима Грека, из широко распространенного среди старообрядцев сборника поучительных повестей «Великое зеркало». По разнообразию источников и по количеству тем находящихся в них текстов сборники Носова можно считать универсальными.

Примером сборника такого «универсального» состава может послужить сборник №9: в нем присутствуют мелкие выписки из разных книг на темы гордости, смирения, осуждения и других христианских пороков и добродетелей из Златоуста, Цветника, Пролога, Апостола, Евангелия, Старчества, Соборника, Кормчей, уставов (Выгорецкого, Скитского, Соловецкого и других). Здесь же есть и дата смерти Александра Невского: «Александръ Невский преставися в лѣто 6771 ноября 14, а 23 перенесено его тѣло во Владимиръ градъ». Лист, на котором помещена вся эта информация, по всей вероятности был отправлен С.А. Носовым в письме к кому-то из его друзей-старообрядцев, возвращен по его просьбе, затем к нему была заботливо приклеена бумажная полоса, подклеен еще один лист, а затем этот лист уже с другими, такими же склеенными листами, вшит в тетрадь. Аналогичные по содержанию письма часто встречаются в коллекции его рукописных материалов. Например, все письмо №95 построено как своеобразный «словарь», и на обычное письмо оно похоже только приветствием к адресату: «Уважаемый Ефим Иванович! По Вашему письму коротко отвечаю...» и далее пронумерованы ответы на вопросы: «1. Локоть примерно понимается от человека руки локоть, длина около аршина. Точных данных у меня неть. 2. православная церковь имѣть всѣ чины священства...». Всего в этом письме 10 ответов на вопросы о длительности жизни Ноя, Адама, Арефы, о судьбе «гневных» и «кротких» людей с подборкой цитат из Евангелия и подобных книг [9, с. 311–313].

Интересовался С.А. Носов и историей, как всемирной, так и русской, историей христианства и особенно – старообрядчества. В его сборниках часто встречаются выписки из исторических сочинений, причем в их числе – исторические сочинения, известные по печорским рукописям И.С. Мяндина. Так, в сборнике №12 есть текст, названный «Краткий списокъ миробытной истории от Адама до нынѣшнихъ временъ». Этот текст – своеобразная библейская хронология: в нем без комментариев перечислены даты таких событий, как «внѣтие сыновъ Божиихъ к дщеремиъ человеческимъ», дата потопа, дата «раздѣления языка» и т.д. Последнее событие «Миробытной истории» – воцарение Константина Великого и сообщение о годах его жизни. Есть в сборниках и пророчества о Царьграде, которые в старообрядческих сборниках встречаются достаточно часто, в связи с теорией «Москва – третий Рим».

Непререкаемым авторитетом в вопросах веры для печорского книжника был знаменитый идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. Практически в каждом сборнике есть и краткие и достаточно объемные выписки о нем из светских книг и исследований по истории старообрядчества. С.А. Носов был знаком с известным исследователем старообрядчества и древнерусской книжности В.И. Малышевым, переписывался с ним; у него была книга В.И. Малышева «Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX веков» [4], на которую он неоднократно ссылался [9, с. 351–353].

Источником большей части подборок материалов об Аввакуме был «Старообрядческий календарь» и каждый раз, когда Носов приводит эти выписки в своих сборниках, он указывает источник, которым пользовался при сборе материалов на данную тему. Внешний вид сносок, которые делал С.А. Носов в своих сборниках, вполне научный. Он не забывал указывать полное название издания, из которого брал фактический материал, страницу, на которой был помещен данный фрагмент. Примером может послужить подборка выписок из сборника №10. Приведем полностью небольшой фрагмент из сборника: «Календарь 1970 стр. 47. Начало: «300 лѣтъ назадъ 14 апреля 1670 г. в далѣкомъ Пустозерскѣ (при устьѣ реки Печоры) на берегу Ледовитого океана состоялась публичная казнь начальныхъ отцевъ и страдальцевъ за древлеправославие...». Конец: «1 и 2 «Пустозерские сборники», «Протопопъ Аввакумъ» проф. А.К. Бороздина, стр.164. СПб. 1900 г.; А.Н. Робинсон. «Жизнеописание Аввакума и Епифанія». стр.48 М., 1963; «Старообрядческий календарь» 1969 г. стр. 163–167».... 1 сентября 1669 г. Начало цитаты.: «Союзникъ Аввакума по темничному сидѣнню дияконъ Феодоръ написалъ письмо многострадальной стратотерпице Настасѣе Марковнѣ (женѣ протопопа Аввакума)...». Конец цитаты: «Я.Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества стр. 67–70. 1912 г. «Старообрядческий календарь. 1969 г. стр.88» [7, с. 204].

Некоторые выписки по истории старообрядчества группируются, образуя в сборниках самостоятельные тематические разделы. В этом отношении особый интерес представляют два сборника: №10 и №26. Так, в первом из названных сборников печорский старообрядец составил своеобразную компилятивную биографию протопопа Аввакума, объединив в нем почти все известные ему ко времени составления сборника материалы. Одним из главных источников был «Старообрядческий календарь» за 1969 г. Факты, почерпнутые из «Старообрядческого календаря» за 1969 год по истории старообрядчества, чередуются с полюбившимися печорскому старообрядцу лирическими пассажами из «Жития» самого Аввакума. Особый интерес в плане использования источников представляет сборник №10: в нем сначала идут выписки из «Старообрядческого календаря» за 1969 год по истории старообрядчества, а за ними помещен список «Жития» протопопа Аввакума [6, с. 252–258]. После текста «Жития» – послание Аввакума царю Алексею Михайловичу, тоже из «Старообрядческого календаря» за 1969 г. Здесь помещены подборки из других текстов большого объема: это повести «О Соловецкомъ Зосимѣ и отцехъ страдальцехъ» и «О самосожжении старообрядцевъ на Пижмѣ», которые соседствуют с традиционными для старообрядческой рукописной традиции текстами эсхатологической направленности – с «Поучительными выписками изъ Апокалипсиса», с «Книгой Андрея Царьградскаго о послѣднемъ времени» и его «Отвѣтами Епифанію», с «Поучениями о послѣднемъ времени и о кончинѣ» [7, с. 204].

По сходному принципу сформированы и сборники №22 и №26: в них также содержатся подборки материалов об истории старообрядчества и о его идеологах. Отметим, что тексты, помещенные в этих сборниках, не всегда идентичны: расходятся и их количество, и последовательность размещения в сборниках. В сборнике №26 текстов больше, чем в сборнике №22. В нем подряд помещены «Повесть о житии и жизни преподобнаго отца Корнилія иже бысть на Выгу близъ озера Онега» (Вкратцѣ запишемъ здѣ) (Л. 10–17 об.), «Повесть отца Корнилія о Никонѣ и его другѣ Димитріи» (Л. 17–23), «Священнодіякона Феодора. Повѣсть о святыхъ отцехъ нашихъ священнопротопопѣ Аввакумѣ, Лазарѣ и преподобнѣмъ Епифаніи изъ книги «Челобитникъ» (Л. 23–25), «Корнилій на Дону три лѣта съ Досифеемъ. Повѣсть» (Л. 25–41 об.), «Повѣсть о Никонѣ патриархѣ, его злочестія» (Л. 41 об.–43), выписки из газет «Голосъ» (№280 за 1880 год), «Русской церковной жизни» (№348 за 1893 год), из

«Русской мысли» (за 1843 год, с. 227) и другие названные в оглавлении «Писатели добросовестные о страдании старообрядцев» (Л. 56–65), «Осуждения Никона соборно и ссылка его» (Л. 65–66), «Книга «Челобитник». История о отцѣхъ и страдальцах Соловецкихъ. Листъ 47» (Л. 66 об.–70 об.), «О разорении выговцев» (Л. 75–76), «О разорении Пижемского скита» и ряд других небольших произведений, также повествующих об истории старообрядчества и о биографиях лидеров старообрядческого движения [8, с. 336–352].

Есть в сборниках и отсылки к его собственным сочинениям – к видениям самого С.А. Носова или его письмам и комментариям к ним. Они цитируются Носовым наравне с сочинениями отцов церкви и в одном с ними – эсхатологическом – контексте.

Выводы

Безусловно, сборники С.А. Носова нельзя назвать оригинальными литературными или историческими сочинениями: большая часть содержащихся в них текстов – это выписки из известных богослужебных и четьих книг, и намного реже – полные тексты произведений древнерусской литературы. Но обилие и разнообразие книг, цитируемых печорским книжником второй половины XX века, свидетельствует о его значительной (для старообрядца второй половины XX в.) грамотности и начитанности. Не имея за плечами систематического образования [9, с. 12–15], С.А. Носов, тем не менее, свободно ориентируется в сложной догматической литературе, в произведениях отцов церкви, отдавая предпочтение, как и все старообрядцы, эсхатологическим сочинениям. Все приведенные выше материалы характеризуют С.А. Носова как своеобразного просветителя не только близких ему людей, но и людей совсем незнакомых, как духовного отца и наставника, помогающего землякам и словом, и делом, как идеолога самой «народной» ветви русского православия, как переписчика и морализатора, «духовного отца», учителя и проповедника. Факты собственной биографии и выписки из сочинений христианских богословов С.А. Носов тщательно перерабатывает, «отстраняясь» от них и составляя повествование, в котором конкретные факты из жизни автора накладываются на этикетную для старообрядческой литературы эсхатологическую модель мира. Цель последнего печорского переписчика и писателя – вернуть земляков, в большинстве своем атеистов, к вере отцов.

С.А. Носов принадлежал к последнему поколению печорских книжников-старообрядцев, не только переписывавших богослужебные тексты, но и сочинявших собственные произведения. Научный интерес сочинений С.А. Носова несомненен, т.к. они с одной стороны позволяют заглянуть в сложный внутренний мир современного старообрядца-книжника, с другой – подводят нас к сложной и практически неизученной проблеме народного религиозного сознания.

Литература

1. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замалеева (1902–1922) / публ. подгот. В.В. Морозов и Н.И. Решетников. М., 1995.
2. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева / публ. подгот. Т.Ф. Волкова, В.В. Филиппова, В.А. Семенов. М., 1997.
3. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX – начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 213–287.
4. Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар, 1960.

5. Маркелов Г.В. Жизнеописание пермогорского крестьянина И.С. Карпова // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 423–429.
6. Мелихов М.В. «Житие» протопopa Аввакума в кругe чтения печорских старообрядцев середины XX в. // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 252–278.
7. Мелихов М.В. Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. №2. С. 200–215.
8. Мелихов М.В. Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 26 // Вестник СыктГУ. Серия гуманитарных наук. 2015. №3. С. 336–352.
9. Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступит. статья и примеч. М.В. Мелихова. М., 2005.
10. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Старovery-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
11. Смилянская Е.Б. Книжник старообрядческого села Куничи, что в Бессарабии, К.И. Донцов // Мир старообрядчества. Вып.1. Книга. Личность. Традиция. М., 1992. С. 82–99.
12. Титова Л.В. «Благовещение Богородицы и Рождество Христово» – сочинения современного старообрядческого писателя Афанасия Герасимова // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 298–324.

References

1. *Dnevnik totemskogo krest'ianina A.A. Zamaleeva (1902–1922)* [Diary of totemskiy peasant A.A. Zamaleev (1902–1922)]. Moscow, 1995.
2. *«Dnevnyie zapiski» ust'-kulomskogo krest'ianina I.S. Rassyhaeva* [«Day notes» Ust-Kulom peasant I.S. Rassyhaev]. Moscow, 1997.
3. Zol'nikova N.D. Memuary A. G. Muracheva, sibirskogo starovera-chasovennogo (konets XX–nachalo XXI v.) [The memoirs of A. G. Murachev, Siberian–the Chapel old believer (end of XX–the beginning XXI c.). *Traditsii otechestvennoi duhovnoi kul'tury v narrativnyh i dokumental'nyh istochnikah XV–XXI vv.* [Traditions of Russian spiritual culture in narrative and documentary sources of the XV–XXI centuries]. Novosibirsk, pp. 213–287.
4. Malyshev V.I. *Ust'-cilemskie rukopisnyie sborniki XVI–XX vekov.* [Ust-Tsilma handwritten collections of XVI–XX centuries]. Syktyvkar, 1960.
5. Markelov G.V. *Gizneopisanie permogorskogo krest'anina I.S. Karpova* [Biography pyermogorsk peasant I.S. Karpov]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of old Russian literature]. St Petersburg, 1993, Vol. 47, pp. 423–439.
6. Melikhov M.V. “Zhitie” protopopa Avvakuma v krughe chteniia pechorskih staroobriadcev serediny XX v. [“The life” of the Archpriest Avvakum in the reading range of the Pechora old-believers of mid XX century]. *Duhovnaia kul'tura i obshchestvennaia mysl' Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamiatnikakh XVI–XXI vv.* [Spiritual culture and social thought of Russia in literary and historical monuments XVI–XXI century]. Novosibirsk, 2016, pp. 252–278.
7. Melikhov M.V. *Rukopisnyie sborniki pechorskogo staroobriadca S.A. Nosova: sbornik № 10* [Handwritten collections of the Pechora Old Believer S.A. Nosov: collection no. 10]. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriiia gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar University. A series of humanities]. Moscow, 2013, no. 2, pp. 200–215.
8. Melikhov M.V. *Rukopisnyie sborniki pechorskogo staroobriadca S.A. Nosova: sbornik №26* [Handwritten collections of the Pechora Old Believer S.A. Nosov: collection no. 10]. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriiia gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar State University. A series of humanities]. 2015, no. 3, pp. 336–352.
9. *Pechorskii staroobriadcheskii pisatel' S.A. Nosov: videniia, pis'ma, zapiski* [Pechora the old believer writer S.A. Nosov: vision, letters, notes]. Moscow, 2005.
10. Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. *Starovery-chasovennyye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.* [Chapel Old believers in the East of Russia in the XVIII–XX century]. Moscow, 2002.
11. Smilianskaia E.B. *Knizhnik staroobriadcheskogo sela Kunichi, chto v Bessarabii, K.I. Doncov* [The scribe of the old believers ' village Kunychi that in Bessarabia, K. I. Dontsov]. *Mir*

staroobriadchestva. Vyp.1. Kniga. Lichnost'. Traditsiia. [The world of the old believers. Vol. 1. Book. Personality. Tradition]. Moscow, 1992, pp. 82–99.

12. Titova L.V. “Blagovchen’e Bogorodicy I Rozdestvo Hristovo” – sochineniia sovremenno staroobriadcheskogo pisatel’a Afanasiia Gerasimova [“The Annunciation of the virgin and the Nativity of Christ” – works by contemporary old believers writer Athanasius Gerasimov]. *Russkoe obchestvo i literatura pozdnego feodalizma.* [Russian society and literature of the late feudalism]. Novosibirsk, 1996, pp. 298–324.

Мелихов М.В. Жанрово-тематический состав рукописных сборников писателя-старообрядца С.А. Носова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 121–127.

For citation: Melikhov M.V. The genre and theme of the manuscript collections of old believer writer S.A. Nosov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 121–127.

Огрохина Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения
наказаний
(Вологда, Россия)
E-mail: ogrochina@mail.ru

Ogrokhina Elena Alexandrovna

PhD in Philology Sciences, Associate
Professor, Vologda Institute of Law and
Economics of the Federal Penal Service of
Russia
(Vologda, Russia)
E-mail: ogrochina@mail.ru

**О РЕЧЕВОМ СЛОВЕ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ**

**CONCERNING THE SPEECH WORD
IN THE MODERN GERMAN
LANGUAGE**

Аннотация. Статья посвящена проблеме речевых (несловарных) слов в современном немецком языке, широкое образование которых на основе продуктивных словообразовательных моделей представляет собой характерную особенность данного языка. В статье рассматриваются вопросы о соотношении понятий «слово» и «лексема», о соотношении словообразования и лексеμοобразования, словообразования и синтаксиса. Центральное место отводится описанию основных особенностей семантики слов, находящихся за пределами современной немецкоязычной лексикографической практики, и делается вывод об их обобщающе-понятийном смысловом содержании.

Abstract. The article is focused on the issue of speech (non-dictionary) words in the modern German language, which are widely formed on the basis of productive word-building patterns and characterize this language. The article considers the questions of correlation of the notions “word” and “lexeme”, between word-building and formation of lexemes, between word-building and syntax. Great attention is paid to the description of basic features of semantics of words which are not recorded by modern German lexicography. The conclusion is drawn about their generalizing conceptual meaning content.

Ключевые слова: немецкий язык, словообразование, словообразовательная модель, слово, лексема, лексеμοобразование, формобразование, дериват, причастие второе

Keywords: the German language, word-building, word-building pattern, word, lexeme, building of words, building of forms, derivative, Participle II

Введение

Одна из характерных особенностей немецкого языка состоит в том, что для значительной части его словообразовательных моделей характерен чрезвычайно высокий уровень продуктивности. Эта черта немецкой языковой системы проявляется как в обилии номинативных средств, образующих его словарный состав, которые построены по однотипным образцам аффиксальной деривации и словосложения, так и в том, что словообразование широко вовлекается в процессы ситуативного формирования высказываний, благодаря чему в немецких текстах наблюдается большое число речевых («несловарных») слов.

Производные и сложные слова не одинаковы с точки зрения их отношения к словарному составу современного немецкого языка. Как известно, слово – это кусочек текста, который на письме отделяется пробелами. Такие отрезки в основном постоянно повторяются в речи говорящих, хотя и имеют при этом отчасти разные формы.

Конкретный отрезок в предложении принято называть словоформой, то есть словом, которое принадлежит языковой системе в его конкретном единичном употреблении. Под словом, в отличие от словоформы текста, понимается обобщенное представление всех форм данного элемента языка.

Основная часть

В сознании людей закрепилось представление о «словарном составе» языка как о совокупности наименований разнообразных предметов, признаков, процессов, состояний, прочих явлений, то есть представление о том, что слова, слова вообще, обозначают какие-то явления действительности – объективной и субъективной, например, оценочной. Выражение «словарный состав языка» по меньшей мере не совсем точно, если подразумевается при этом совокупность номинативных средств языка. Следует различать понятия «слово» и «лексема». Под лексемой понимается закрепленная в языке, содержащаяся в языковой памяти индивида, говорящего на данном языке, номинативная единица, то есть такое образование, которое действительно что-то называет (номинация, обозначение, название) [2].

Объем понятий «слово» и «лексема» не совпадает. Существуют слова, которые не являются лексемами, так как они служат для выражения чисто грамматических значений, например, артикли, союзы, частицы и т.п. Некоторые слова могут употребляться и в лексемном качестве, и во внелексемном, грамматическом, например, вспомогательные глаголы в аналитических глагольных формах типа *ist gemacht worden* – три слова, но только одно из них передает лексемное содержание. Наконец, встречаются слова, сложные или производные, которые не принадлежат к лексическому составу языка и возникают непосредственно в речи, по ходу формирования конкретного «сиюминутного» высказывания. Это слова чисто ситуативные, которые как бы возникают и «умирают» только в момент речи, их часто называют окказионализмами. Их особый характер проявляется в том, что они не регистрируются или лишь изредка регистрируются даже очень объемными языковыми словарями. Однако такие единицы создаются в соответствии с закономерностями образования слов. При этом не нарушаются ни правила семантической избирательности компонентов слова, ни их структура.

Одна из отличительных особенностей немецкого языка состоит в том, что в нем масштабы словообразовательных процессов выходят далеко за рамки потребностей расширения (или частичного обновления) ресурсов лексики, языковых средств номинации, и это касается как словосложения, так и аффиксальной деривации. Такое положение вещей ставит с особой остротой вопрос об отношении словообразования и лексемообразования, с одной стороны, словообразования и синтаксических актов, с другой стороны. В данной связи важно подчеркнуть, что слово, сложное или производное, и в том случае, когда оно вводится в текст не в порядке воспроизведения «готовой» лексической единицы, а производится говорящим или пишущим непосредственно в речевой ситуации по одной из отложившихся в системе языка продуктивных моделей, являясь продуктом индивидуальной речевой деятельности, тем не менее уподобляется, как правило, единицам лексикона в том отношении, что речевое слово, как и обычная лексема, осуществляет некоторое мыслительное обобщение, типизирует обозначаемое явление, представляет его как одно из явлений «такого рода» [2].

Некоторые словообразовательные модели в немецком языке настолько активны и продуктивны, что полный охват всех соответствующих образований, отмечаемых в текстах, вообще лежит за пределами реальных возможностей лексикографии. Таковы в немецком языке конверсные модели субстантивации глаголов в форме инфини-

тива и субстантивации прилагательных и причастий. Словосложение в современном немецком языке – это неисчерпаемый источник образования «несловарных» слов, причем продуктивность данного способа словообразования непрерывно растет. Наряду со словосложением в этом же направлении действует транспозиция лексем из одной части речи в другую, осуществляемая средствами словообразования. К числу таких словообразовательных моделей современного немецкого языка следует отнести, прежде всего, модели существительных с суффиксом *-ung* от глагольных основ и с суффиксами *-heit/ -keit* (и вариантом *-igkeit*) от основ прилагательных и причастий вторых. Сравнительно высокий уровень продуктивности, выходящий за рамки потребностей лексемообразования, свойствен отглагольной субстантивной модели с суффиксом *-er*.

К числу словообразовательных средств интенсивно используемых при построении слов, принадлежащих только речи, тексту, относится префикс *un-* – прежде всего в соединениях с производящими основами (словами), которые принадлежат к грамматическому классу имен прилагательных, либо являются адъективированными и неадъективированными вторыми причастиями, а также – в меньшей мере – к классу имен существительных.

Особенно широкой свободой образования в речи характеризуются соединения префикса *un-* со вторыми причастиями. Например: *unbestraft, unbenannt, unerforscht, ungefesselt, ungekalkt, ungelichtet, unverteidigt* и т.д. При этом об адъективном характере таких дериватов можно говорить в значительной мере лишь условно, так как они образованы лишь частично от подлинно адъективированных (регистрируемых словарями) вторых причастий. Свобода речевого употребления словообразовательной модели «*un-* + причастие второе» (от переходных глаголов с семантикой потенциальной результативности действия) может быть истолкована как свидетельство принадлежности этой модели системе глагольного формообразования. Такая форма, образуемая на базе исходного глагола, в отличие от собственно глагольного словоизменения (спряжения), выходит за пределы частеречной категориальной семантики глагола и обычно частично сближается с семантико-функциональным качеством другой части речи. Но вместе с тем, поскольку она не лексикализируется в этой своей иной частеречной ипостаси, такая форма осмысливается в конечном счете через ее соотношение с основой базового глагола – с учетом всей цепочки ее грамматических преобразований в итоговый продукт – речевое прилагательное типа «*un-* + причастие второе». Образование таких прилагательных происходит непосредственно от глагола, как бы минуя причастие без *un-*. Во всех случаях, где отвторопричастное образование с *un-* не является производным от адъективированного (лексикализованного) второго причастия, словообразовательная модель «*un-* + причастие второе» выступает в качестве элемента стереотипной (одной из стереотипных) синтаксической конструкции с определенным синтактико-семантическим содержанием. Говорящий или пишущий исходит при этом не из памяти на конкретные производные, а из владения контуром-схемой такой синтаксической конструкции. Этот тип речемыслительной операции имеет в немецком языке универсальный характер. Мотивация такого словообразовательного акта не имеет ничего общего с потребностью в обогащении языкового лексикона новыми номинативными единицами. Здесь семантическое расстояние между выражением отрицания словообразовательным способом и способом синтаксическим зачастую сокращается до предельного минимума (ср.: *ungenannt zu bleiben wünschen – nicht genannt zu bleiben wünschen*). Особенно частотны такие свободно образуемые в речи дериваты в функции предикатива и предикативного атрибута при некоторых полуслужебных глаголах – *bleiben, lassen* и другие.

Прилагательные, причастия, существительные со словообразовательным элементом *nicht-* почти полностью отсутствуют и в самых объемных словарях современного немецкого языка и учитываются в известной мере практически только в специальных словарях, инвентаризирующих лексику научных и технических сфер деятельности и коммуникации. Это говорит о том, что слова с *nicht-* в основном выступают как так называемые «окказионализмы», что не отменяет сказанного выше относительно их обобщающе-понятийного смыслового содержания. Производные единицы с *nicht-* обладают четко осознаваемым значением отрицания и противоположности. Включать в словарь все встречающиеся в текстах производные подобного рода невозможно и нецелесообразно, поэтому в словарях регистрируются наиболее употребительные из них.

В описаниях немецкого языка не регистрируемые словарями аффиксально-производные и сложные слова принято характеризовать как «одноразовые», «*Augenblicksbildungen*» и т.п. Однако вряд ли такие выражения можно считать точными и применимыми по отношению к любому речевому слову, отмечаемому в тексте, но не занимающему своего места в словниках словарей. Высокая продуктивность словообразовательной модели предполагает возможность и повторных употреблений тех или иных слов, как бы не «замечаемых» лексикографами, в немецких текстах разного рода. Следует отметить также неоправданный характер распространения на «неологизмы» подобного рода понятия «писательских неологизмов», с которыми ассоциируется представление об особых стилистических, экспрессивных эффектах. В массе таких употреблений, образуемых в речи по ходу формирования высказываний, которые в отличие от закрепленных в лексиконе языка слов следует называть речевыми словами, нельзя усмотреть никаких претензий на особые стилистические эффекты. Как правило, таким словам не свойственна идиоматичность. В семантическом плане «новообразования» речевого типа вполне могут быть абсолютно нейтральными. Они «прозрачны» в такой степени, что их значение легко выводимо из состава компонентов. Под словообразовательной «прозрачностью» следует понимать формально и содержательно определенную («деривационную») зависимость слова от другого слова или других слов, зависимость, которая осознается говорящим в органически свойственной языку рефлексии на сам язык [3].

Выводы

Никакая единичная цитата из художественной, научной, научно-публицистической и прочей литературы, в которой представлено речевое производное, сложное или конвертированное слово, не может служить доказательством того, что оно действительно получило «право гражданства» в языке, а не является окказионализмом. В большинстве случаев в современном немецком языке такие образования производят впечатление слов, «ненужных» языковому лексикону. По всей видимости, во многих случаях, решая вопрос о включении слова с «прозрачным» составом и соответствующей мотивацией в словник словаря, лексикографы полагаются не только на картотеки примеров, но и на интуитивную оценку употребительности такого слова. По мнению В.М. Павлова «эта исходящая из «чувства языка» оценка производна от регулярности словообразовательной модели, распространяющей свое действие на целые (грамматические) классы или подклассы слов, и одновременно от отсутствия каких-либо лексико-семантических преобразований продукта словообразовательного акта по сравнению с исходным словом кроме тех, которые могут быть приписаны самой словообразовательной модели и являются однородными для всех новообразований по этой модели, без индивидуализации – в лексико-семантическом плане – отдельных экземпляров соответствующего словообразовательного ряда» [1, с. 74].

Литература

1. Павлов В.М. Полевые структуры в строе языка. СПб., 1996. 116 с.
2. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. 299 с.
3. Gauger H.M. *Durchsichtige Worter. Zur Theorie der Wortbildung*. Heidelberg, 1971. 354 s.

References

1. Pavlov V.M. *Polevye struktury v stroye yazyka* [Field structures in the system of language]. St Petersburg, 1996. 116 p.
2. Pavlov V.M. *Ponyatiye leksemi i problema otnoshenii sintaksisa i slovoobrazovaniya* [The notion of lexeme and the problem of correlations of syntax and word-building]. Leningrad, 1985. 299 p.
3. Gauger H.M. *Durhzihtige woerter. Tsur teori der vortbildung* [Transparent words. To the theory of word-building]. Haidelberg, 1971. 354 p.

Огрокхина Е.А. О речевом слове в современном немецком языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 128–132.

For citation: Ogrokhina E.A. Concerning the speech word in the modern german language. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 128–132.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-19
УДК 82.09; 821.111

© Рябчикова Е.Е., 2017

Рябчикова Екатерина Евгеньевна

Аспирант, БФУ им. И. Канта
(Калининград, Россия)
E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

Ryabchikova Ekaterina Evgenievna

Post-graduate student,
I. Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)
E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

**ОБРАЗ ЮЖНОАМЕРИКАНСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ИВЛИНА ВО (КНИГА ПУТЕВЫХ
ОЧЕРКОВ «ДЕВЯНОСТО ДВА ДНЯ»
И РОМАН «ПРИГОРШНЯ ПРАХА»)**

**IMAGE OF SOUTH AMERICAN
CIVILIZATION IN EVELYN
WAUGH'S WORKS (TRAVELOGUE
"NINETY-TWO DAYS" AND NOVEL
"A HANDFUL OF DUST")**

Аннотация. Автор рассматривает генезис южноамериканских мотивов в творчестве Ивлино Во (книга путевых очерков «Девяносто два дня» и роман «Пригоршня праха»). В статье анализируются как географические и биографические реалии путешествия, так и художественно преобразованные автором события. Делается вывод о том, что в рамках оппозиции «центр – периферия» образ Южной Америки в творчестве И. Во обладает семантикой периферии, на которой действует «безвременное время».

Abstract. The author considers the genesis of South American motives in Evelyn Waugh's works (his travelogue «Ninety-two Days» and novel «A Handful of Dust»). The article describes not only geographic and biographic facts of his travel but also the events changed by the author for his novel. The conclusion is drawn that in the frame of the opposition «centre – periphery» the image of South America in Waugh's works renders the idea of periphery which turns out to be «timeless».

Ключевые слова: И. Во, путевая проза, «Девяносто два дня», «Пригоршня праха», центр, периферия

Keywords: E. Waugh, travelogue, "Ninety-two Days", "A Handful of Dust", centre, periphery

Введение

В отечественном литературоведении художественная проза И. Во получает многогранное освещение с точки зрения сатирической составляющей его произведений (А.А. Елистратова, В.В. Ивашева, Г.А. Анджапаридзе), также широко анализируется религиозно-философский (И.В. Бердникова, Т.П. Сазонова, Л.Р. Татарникова, М.С. Балашова) и культурно-цивилизационный (И.В. Бердникова, И.В. Кабанова) круг проблем, затронутый в его романах, однако почти неизвестна путевая проза Во — из семи документальных произведений на русский язык переведено только два: «Наклейки на чемодане» ("Labels", 1930) и «Турист в Африке» ("A Tourist in Africa", 1960). Между тем, знакомство с путевыми очерками позволит лучше понять и мировоззрение писателя, и историю создания некоторых его романов, таких как «Черная напасть» ("Black Mischief", 1932), «Пригоршня праха» ("A Handful of Dust", 1934), «Сенсация» ("Scoop", 1938).

Научная новизна данной работы заключается в попытке сопоставления книги путевых очерков «Девяносто два дня» ("Ninety-two Days", 1934) и художественного текста «Пригоршня праха» с целью изучения индивидуально-авторской трактовки образа автохтонной южноамериканской цивилизации. Актуальность исследования состоит в том, что оно выполнено в русле интенсивно развивающегося в последние

десятилетия имагологического литературоведения. Этим и обусловлен выбор методологии исследования — применяются элементы имагологического анализа в единстве литературоведческого и культурно-исторического подходов к тексту.

Основная часть

В 1933 году И. Во совершил путешествие через Британскую Гвиану (ныне Гайана) в Бразилию. Автор считает пережитый опыт необходимым для себя как для писателя: «...существует притягательная сила в далеких варварских краях, а особенно в пограничных областях, где сталкиваются разные культуры и уровни развития, где идеи, вырванные из породившей их традиции, странным образом изменяются при пересадке на новую почву. Именно в этих местах я нахожу впечатления настолько яркие, что они требуют воплощения в литературной форме»¹ [3, р. 379]. Находясь в далекой стране, Во, с одной стороны обращает внимание на контраст между цивилизацией и варварством, а с другой — подчеркивает идею их взаимопроникновения. Цивилизованный европеец по наблюдениям И. Во не так уж и сильно отличается от дикаря: «Чем больше я встречал индейцев, тем больше я поражался их сходству с англичанами. Они любят жить семьями, на большом расстоянии от соседей; воспринимают появление незнакомцев с подозрением и отчаянием; противники прогресса; нечестобливы; любят домашних животных, охоту и рыбалку; открыто не проявляют свою любовь, испытывают отвращение к войне, патологически застенчивы; кажется, что их главная цель — при любых обстоятельствах не выделяться» [3, р. 404].

Знакомство с иной культурой дает писателю возможность посмотреть на «свое» с новой перспективы «чужого». Впечатления, пережитые И. Во в путешествии по Южной Америке, были переосмыслены и в художественной форме отражены в его романе «Пригоршня праха», при этом в произведении также остались неизменными и некоторые географические и биографические реалии путешествия. Так, например, почти полностью идентичны сцены прибытия самого писателя и главного героя романа, Тони Ластва, в Джорджтаун.

«Девяносто два дня»

(И.Во)

«Депрессия усилилась когда начался дождь; монотонный тропический ливень ... На следующий день утром мы прибыли. ... Город лежит в устье Демерары на правом берегу, на левом — зеленая трясина древокорня. Полдюжины небольших судов стояли на причале. ... За низкими деревянными сараями видны плоские крыши домов. Дождь лил не прекращаясь. Мы прошли через сарай, полные пчел, слетевшихся на запах сахара в мешках» [3, р. 387].

«Пригоршня праха»

(Перевод Л. Беспаловой)

«Непрерывно моросил дождь ... На следующий день они вошли в устье Демерары. Таможенные сараи пропитались густыми испарениями сахара, все звуки заглушало жужжание пчел ... В устье стояли на причале мелкие транспортные суда всех родов и видов, дальний берег порос зеленой бахромкой древокорня; из-за пышных пальм выглядывали железные крыши городских домов; после недавнего дождя с земли поднимался пар» [1, с. 334].

В отличие от многих совпадающих эпизодов, которые достаточно легко идентифицировать, художественно переосмысленные в романе сцены представляют больший интерес для интерпретации и анализа образа южноамериканской цивилизации. Такова, например, тема поиска града. Тони Ласт после трагической смерти сына и

¹ Здесь и далее текст цитируется в нашем переводе.

неудачного развода отправляется в Бразилию на поиски затерянного города индейцев. В его воображении город приобретает черты его родового поместья Хеттон: «Град был построен в готическом стиле: с флюгерами и башенками, горгульями, зубчатыми стенами, крестовыми сводами и каменной резьбой, беседками и террасами — словом, преображенный Хеттон, где вымпелы и стяги развевал легкий ветерок, и все мерцало и переливалось. ... Корабль, мотаясь из стороны в сторону по темным водам, прокладывает дорогу к этому лучезарному святилищу» [1, с. 327]. Используя яркий образ «лучезарное святилище» (“radiant sanctuary”), писатель подчеркивает, что для Тони град становится «землей обетованной», своеобразным Эльдorado, несущим избавление от невзгод и страданий, выпавших на его долю. Здесь обратим также внимание на культурно-специфические формы готической архитектуры, в частности, на мотив средневековой гаргульи (горгульи), которая представляет собой «периферийный» загадочный элемент готического храма. Согласно традиционной интерпретации собора как конспекта мироздания, символа космоса, гаргулья выражает идею полноты мира, на окраине которого находятся неведомые земли и водятся разные фантастические существа и чудища. Точно так, как гаргулья — периферийный элемент храма, образ Южной Америки обладает такой же семантикой периферии в культурно-цивилизационной картине мира Ивлина Во, ведь и автор путевых очерков, и герой романа путешествуют вглубь континента, не имея точной карты местности, находятся на «неведомой территории», куда почти не заглядывают европейцы.

В концепции имаголога Й. Леерссена периферические территории в литературном произведении характеризуются деформацией времени, являются местами, где можно встретить «ожившее прошлое», время здесь замедляется или останавливается вообще («киновремя», или аллохрония) [2, с. 293]. Такие места существуют вне исторических рамок цивилизации, в результате путешествие на периферию вырывает героя из времени и пространства. При этом понятия «центр» и «периферия», по Леерссену, субъективны, их не следует трактовать в пространственных или географических категориях. В «центре», по субъективным ощущениям, всегда присутствует «система моральных ценностей, социальный престиж, экономическая мощь, культурные нормы» [2, с. 294], на «периферии» все это отсутствует.

В романе «Пригоршня праха» фантазмагорический образ града предстает неким неотмирным явлением на краю земли и существует в иновремяе. Он сюрреалистичен по сравнению с Боа-Вистой — городом на границе Британской Гвианы и Бразилии, куда держит путь сам Ивлин Во: «все, ... особенно Дэвид, говорили о нем как о городе ослепительной привлекательности. ... Мистер Дагуар перевозил современность и роскошь города — электрический свет, кафе, красивые здания, женщин, политику, убийства. Мистер Бэйн рассказывал мне о быстрых моторных катерах, непрерывно совершавших рейсы между Боа-Вистой и Манасом. Я стал рассматривать этот город так, как американцы со Среднего Запада смотрят на Париж, как чеховские крестьяне на Санкт-Петербург ... Я предвкушал комфортную жизнь в Боа-Висте» [3, р. 455–456]. Рассказы попутчиков создали в воображении писателя приукрашенную картинку, по собственным субъективным ощущениям он ехал из периферии (саванны) в центр цивилизации. Однако нарисованный им образ города не выдержал столкновения с реальной действительностью — современность Боа-Висты свелась к одной центральной улице в городе, одному большому магазину и двум убогим кафе. По сути, в Южной Америке и автор, и его герой обнаружили ту же Европу, но только в иную историческую эпоху. Мотив Эльдorado прослеживается и здесь: в процессе поисков они проложили новые пути вглубь Южной Америки, как когда-то это сделали конкистадоры.

Заключение

Подводя итог можно сказать, что пятая и шестая главы романа «Пригоршня праха» и путевая проза «Девяносто два дня» содержат много общих, местами почти полностью совпадающих эпизодов, которые передают путевой опыт и автора, и героя романа Тони Ласта, направляющихся из центра на периферию. Таким образом, писателю не удалось избежать стереотипного для европейца взгляда на континент Южной Америки. В перспективе исследования представляется целесообразным проследить влияние путевых очерков «Далекие люди» и «Во в Абиссинии» на романы «Черная напасть» и «Сенсация».

Литература

1. Во И. Мерзкая плоть. Пригоршня праха. Возвращение в Брайдсхед: романы. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 700 с.
2. Leerssen J. The allochronic periphery: Towards a grammar of cross-cultural representation // Beyond pug's tour. National and ethnic stereotyping in theory and literary practice / ed. by C.C. Barfoot. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1997. P. 285–294.
3. Waugh E. Waugh Abroad. Collected Travel Writing. New York. Everyman's Library, 2003. 1064 p.

References

1. Vo I. *Merzkaia plot'. Prigorshnia prakha. Vozvrashchenie v Braidskhed* [Vile Bodies. A Handful of Dust. Brideshead Revisited]. Moscow, 2009. 700 p.
2. Leerssen J. The allochronic periphery: Towards a grammar of cross-cultural representation. *Beyond pug's tour. National and ethnic stereotyping in theory and literary practice* / ed. by C.C. Barfoot. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1997, pp. 285–294.
3. Waugh E. *Waugh Abroad. Collected Travel Writing*. New York. Everyman's Library, 2003. 1064 p.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л.А. Мальцева.

Рябчикова Е.Е. Образ южноамериканской цивилизации в творчестве Ивлины Во (книга путевых очерков «Девяносто два дня» и роман «Пригоршня праха») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 133–136.

For citation: Ryabchikova E.E. Image of south american civilization in Evelyn Waugh's works (travelogue "Ninety-two days" and novel "A handful of dust"). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 133–136.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-20
УДК 821.512.111-1

© Софронова И.В., Якимова Е.Р., 2017

Софронова Ирина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент.
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)
E-mail: muxtar2@yandex.ru

Sofronova Irina Vladimirovna

PhD in Philology Sciences, Associate
Professor, I.N. Ulianov Chuvash State
University
(Cheboksary, Russia)
E-mail: muxtar2@yandex.ru

Якимова Екатерина Романовна

Кандидат филологических наук, доцент.
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)
E-mail: katya-af@yandex.ru

Yakimova Ekaterina Romanovna

PhD in Philology Sciences, Associate
Professor
I. N. Ulianov Chuvash State University
(Cheboksary, Russia)
E-mail: katya-af@yandex.ru

**СИНТЕЗ ВОСТОЧНОГО
И ЧУВАШСКОГО В РУБАЯХ
Н. ИСМУКОВА**

**THE SYNTHESIS OF EASTERN AND
CHUVASH IN RUBAI BY
N. ISMUKOV**

Аннотация Н. Исмуков – один из известных чувашских поэтов, который плодотворно использует жанр рубаи. Он сочетает традиции восточной классики и чувашской философии в своих четверостишиях, выражает в них глубокий смысл. В его стихотворениях творчески переработаны форма, поэтика, образная система восточного жанра, а также мотивы вина и застолья, отношение к религиям, быстротечности жизни, обустройству общества. В творчестве поэта наблюдается переход от предпочтения западных философских и поэтических традиций к национальным, восточным особенностям.

Abstract N. Ismukov, one of the famous Chuvash poets, who productively uses the genre of rubai. He combines the traditions of Eastern classical literature and Chuvash philosophy in his quatrains, thus expressing in them the deep meaning. In his poems form, poetics, imagery of Oriental genre, similar motifs of wine and feast attitude to religion, the transience of life, the development of society are creatively developed. In the poetry, there is a shift from the preferences of the Western philosophical and poetical traditions to the national, Eastern ones.

Ключевые слова: философская лирика, образ, четверостишие, Н. Исмуков, поэзия, восточные традиции, мировоззрение, заимствование, влияние, преемственность

Keywords: philosophical lyrics, the image, stanza, N. Ismukov, poetry, Eastern traditions, worldview, borrowing, influence, continuity

Введение

Николай Исмуков известен в чувашском мире как многогранный мастер. Он профессор, доктор философских наук, художник, литературовед, критик и поэт. В определенные периоды литературного творчества поэт обращался к разным жанрам философской лирики. На раннем этапе он предпочитал стихотворения среднего объема, изображал в них бинарные явления и понятия. Композиция стихотворений строится на их контрасте. Такое представление об их взаимодействии является следствием предпочтения античной, западной философии. На их основе созданы философские поэмы «Митга», «Ахърсамана» (Светопреставление). Использование традиций восточной литературы, выражение глубокого смысла в малых формах

характерно для более позднего творчества. В рубаях Н. Исмукова сочетаются краткость и философичность: он задумывается о судьбе чувашского народа, чистоте человеческой души. Художественный мир этих произведений построен согласно законам гармонии. Поэт в четверостишиях сочетает художественные традиции восточной классики и чувашской словесности, творчески использует мотивы и приемы хаямовской лирики. В чувашском литературоведении исследователями рассмотрены особенности философских и лирических исканий поэта. Это работы Е.Р. Якимовой [5], О.В. Скворцовой [3], И.В. Софроновой [4], О.Г. Владимировой [2]. В то же время остается недостаточно изученным синтез традиций восточной и чувашской словесной культуры в творчестве Н. Исмукова.

Основная часть

Особой образной выразительности, поэтической прозорливости и философской мудрости Н. Исмуков достиг в четверостишиях, которые по-восточному называют рубаи. Именно его четверостишия позволяют утверждать, что в современной чувашской поэзии утвердился данный жанр восточной литературы. Рубаи и до Н. Исмукова не были чужды чувашской словесности, ибо историческими корнями и культурными традициями мы относимся к восточным народам. К жанру рубаи обращались многие чувашские авторы: в 20–30-х гг. XX в.: И. Ивник, П. Хузангай; 70–90-х гг.: В. Сучков, А. Эсхель, А. Галкин, М. Сениэль, П. Львов, Г. Кузнецов, Н. Теветкель, А. Емельянов, С. Азамат, М. Карягина, А. Тимофеева-Ыхра, Б. Борлен, А. Николаева-Кюльвар, Ю. Сементер, В. Энтип, Ф. Муратов, Н. Кушманов, Г. Юмарт и др. «Авторы в рубаи выражают свое мировоззрение, затрагивают вечные проблемы бытия. Каждый пишет четверостишие исходя из своего жизненного опыта, мироощущения. Кроме привычных способов рифмовки *ааба* и *аааа* чувашские поэты часто используют параллельную и перекрестную рифмы. Одни создают четверостишия как отдельное произведение, у других же авторов несколько рубаи складываются в одно стихотворение (П. Хузангай, Г. Юмарт), поэму (Н. Исмуков «Митта»)» [3, с. 159]. Если для многих рубаи О. Хайяма являются образцом для подражания, то Г. Юмарт с жанром восточной литературы знакомится через перевод стихотворений Абу Али Ибн Сины (Авиценны). Вслед за П. Хузангаем он объединяет рубаи в одно стихотворение.

Н. Исмуков в 1997 г. опубликовал книгу «Тават йёркен» (Четырехстишия), за которую он был удостоен государственной премии. Конечно, рубаи, безусловно звучащие на чувашском языке, не могут появиться за короткий период времени. Н. Исмуков в молодые годы участвовал на стройках в г. Борзя, находящемся на границе с Китаем и Монголией, обучался в Москве в аспирантуре и докторантуре, получил звание профессора философии. Нелегкая жизненная школа способствовала рождению философских стихотворений. Поэт не только интересуется наследием среднеазиатской литературы, но и анализирует философские трактаты О. Хайяма. Если о восточном авторе говорят, что он в своих четверостишиях зашифровал арифметические формулы, то о Н. Исмукове можно сказать, что он в своих стихотворениях через образность выражает основные постулаты философии чувашского народа. Возможно поэтому мотивы некоторых рубаи обоих авторов созвучны. Чувашский поэт использует традиционные для О. Хайяма мотивы (восхваление вина, бренность человеческой жизни, восхваление любви, призыв к наслаждению жизнью и т.д.), изменяет их согласно своему художественному замыслу, национальным традициям, выражает через них проблемы современности. Н. Исмуков придерживается схемы рифмовки *ааба* с использованием размера пятистопного ямба, а также применяет принцип тезы-антитезы в формировании стержневой мысли четве-

ростишия. Его стихотворения выражают национальное мировидение и философию, рассказывают об исторической судьбе и современной жизни народа, затрагивают наболевшие проблемы. Популярность рубаи Н. Исмукова доказывается тем, что они постепенно становятся крылатыми выражениями.

Четверостишия Н. Исмукова соответствуют жанру рубаи не только количеством строк, но и своеобразной композицией, выражением глубокого смысла, использованием тахлуса, рефрена, традиционных слов-символов. Каждое четверостишие расположено на отдельном листе, что позволяет его воспринимать как отдельное произведение, задуматься над его содержанием. Поэт использует традиционный порядок рифмовки, экспериментирует с расположением строк. В некоторых случаях рефрен отделяется от основной строки или строки четверостишия делятся на две части:

Сӑрлан сырли эрехӗ
 кӑкшӑмра,
 Синсе пилӑклӑскер
 сеҫке умра.
 Сумра савнийӑм лармасассӑн,
 Вут чулӑ ҫитеймest пек
 сӑввӑмра.

Вино из винограда
 в кувшине,
 Ветка с тонкой талией
 передо мной.
 Если возлюбленной не будет рядом,
 Огонька не будет хватать
 в моем стихе.

(Здесь и далее, кроме особо оговоренных, подстрочный перевод наш – С.И.) [1, с. 6].

В рубаи поэт передает особенности законов диалектики, которые выработаны чувашским миром. Они демонстрируются через изображение национального быта, фольклора, философии. Отображаемый художественный мир исходит из национального своеобразия, он близок к восточному миру. Лирический герой своим поведением, речью, мышлением напоминает лирического героя О. Хайяма и героя Тилли из цикла «Песни Тилли» П. Хузангая. Он оптимистично смотрит на мир, призывает дорожить каждым мгновением, но в то же время видит несправедливость в обустройстве мира, человеческой жизни, критикует недостатки. Однако герой Н. Исмукова винит не только Создателя, он упрекает и самого человека, который занят разрушением устоев, лжесвидетельством, распространением сплетен. Он обвиняет человека и в том, что он не идеален и не стремится улучшить свой мир:

Хут пӑлекен сынна сума сӑвас
 Йӑла-йӑрке те пӑтрӑ – мӑн тӑвас?
 О, Диоген! Ан хӑтӑр ухмаха эс:
 Ҫурт-йӑрӑпе халь мухтанать чӑваш.

Нет обычаев нынче таких,
 Чтоб почитать людей образованных.
 О, Диоген! Зачем ругать глупца,
 Своим домом гордится ныне чуваш. [1, с. 7].

Лирический герой переживает о том, что в настоящее время образованность и духовные богатства не ценятся в обществе. На первое место выходит материальная обеспеченность.

Движение жизни в стихотворениях представляется согласно законам диалектики: отрицание предыдущего, единство противоположностей, переход одного качества в другое. В западной философии противоположные явления противостоят друг другу, у Н. Исмукова же размышление о жизненных процессах происходит согласно законам народной философии. В силу этого он не спешит показать контраст между противоположными явлениями, для него важно увидеть единство и гармонию между ними. Упоминание в одном стихотворении двух противоположных понятий

уже свидетельствует о наличии между ними общего, о том, что невозможно оценить одно без другого. Так, в рубаи часты такие бинарные понятия, как жизнь и смерть, образованность и невежество, добро и зло, молодость и старость, доброе имя и сплетни, друг и враг, быстротечность человеческой жизни и вечная вселенная:

Сынна сұлтан мёскер аташтарать?
Кўлешўрен, ав, килёшў тарать.
Телей этемсене кёвёстерет те
Инкек вара каллех танлаштарать.

Что сбивает с пути человека?
От спора сторонится согласие.
Если счастьем люди завидуют
То несчастье их сближает [1, с. 7].

Согласно законам диалектики, на земле происходят постоянные изменения. Исход и у человека, и у всего живого один – это смерть. Смерть, по сравнению с человеческой жизнью, бесконечна. Однако есть способы, которые дают возможность увековечить имя простого человека. Это не слава и не богатство, а доброе имя. Однако на протяжении всей жизни люди стараются осквернить честное имя друг друга злословиями, лживыми словами.

Для чувашского мировоззрения характерно не только видеть единство двух противоположных явлений, но и нахождение центра между ними. Человек чувствует себя в центре вселенной. Находясь между двумя полюсами, он гармонизирует их, обустроивает свою жизнь. Неслучайно чувашская поговорка гласит, что жизнь проходит между добром и злом.

Изображение следующего закона диалектики, отрицание предыдущего, в поэзии Н. Исмукова имеет восточные оттенки. Переход от прошедшего к настоящему, будущему происходит согласно законам гармонии. Каждое явление, переходя в другое, сохраняет свою первоначальную сущность. Дальше он начинает существовать в новом облике. Так человек, сотворенный из земли, обратно превращается в прах. Из него впоследствии вырастает трава:

Шухăш пулать теççё ашă сил,
Курăк пулать теççё вилнё сын.
Асаннесемёр мар-и – курăр-ха
Хёвел патне кармашнă курăка?

Мысль, говорят, превращается в теплый ветер,
Трава, говорят, прорастает из праха.
Не наша ли бабушка, посмотрите-ка
Эта тянущаяся к солнцу трава? [1, с. 9].

Образ зеленой травы часто встречается в поэзии О. Хайяма, чувашских поэтов Ю. Сементера и Н. Исмукова. У всех троих авторов он имеет близкое значение: пока не выросла трава на нашей могиле надо наслаждаться жизнью. Зеленый луг также является местом встречи с возлюбленной.

В рубаи Н. Исмуков затрагивает проблему исторической судьбы чувашского народа. Он размышляет о прошлом и будущем родного языка, нации. Вспоминает названия древних городов, царей, народных богатырей. В стихотворениях описывается определенное событие, важный момент из жизни народа. В национальной философии подчеркивается, что идеальное время существовало когда-то в далеком прошлом. В настоящем времени нам приходится преодолевать трудности, лишения. Если идеальное время существовало один раз когда-то, то оно в будущем когда-нибудь непременно должно еще раз повториться. Прошлое лирический герой вспоминает добрыми словами. В молодости он был полон сил, счастлив. В данный момент его беспокоит приближение старости. Он переживает, но в то же время знает, что за старостью последует вечная жизнь.

Изображая чувашский мир, Н. Исмуков подчеркивает, что такие качества как порядочность, аккуратность, бережливость являются основными чертами характера народа. Он демонстрирует особенности четырехугольного мироздания. Центром этого мира для лирического героя является малая родина. Он приходит на берег Булы, чтобы набраться духовных сил, очистить душу. Образ Волги, а также времена года, аргамак, белое облако, ветер в рубаи символизируют быстротечность жизни.

Для восточных авторов мотивы застолья, любви к женщине считаются традиционными. Н. Исмуков в своем творчестве их видоизменяет. В его четверостишиях мотивы вина, пирушек заменены на изображение национальных традиций, этикета застолья. Описывается обряд проведения ковша любви, преподношения ковша в дорогу. Поэт предупреждает о вреде возлияний. Периоды опьянения Н. Исмуков в качестве символа использует для изображения жизненных ситуаций. Похмелье пугает лирического героя, он старается совершать свои поступки обдуманно. В то же время застолье символизирует связь поколений, скорые перемены в жизни:

Ёненёр сұтсанталăк саккунне,
Хĕл вĕçленмесĕр пулмĕ суркунне.
Йўҫси ёҫсен те тутлăн калаҫмашкăн
Кĕтсе илетпĕрех уяв кунне.
[1, с. 85].

Верьте законам природы:
Пока зима не пройдет, лето не наступит.
Все равно дождемся праздника,
когда запивая горьким,
будем вести сладкие речи.
(Перевод А. Дмитриева).

Поэт размышляет о роли случайности в жизни человека. Он использует описание случайности в качестве символа. Через него он демонстрирует кратковременность человеческой жизни, несовершенство мироустройства. Согласно философии чувашского народа все изменения происходят по воле Бога.

Н. Исмуков, имеющий определенные достижения в науке, как и О. Хайям, в рубаи использует мотив отрицания пользы от получения образования. Нередко в стихотворениях мудрец поучает лирического героя жить в веселье, быть хитрее, не тратить попусту время на обучение. Лирический герой знает, что в жизни невозможно все постичь и лучше не тратить время попусту.

В отношении к религиям лирический герой Н. Исмукова близок к О. Хайяму. Он такой же скептик, как и его лирический герой. Сравняются постулаты мировых религий и традиционные обряды чувашей. Лирический герой отдает выбор чувашским богам, отзывается о них с почтением. Они обитают не где-то в небесах или в каких-то храмах, а в душе каждого человека.

Выводы

Таким образом, Н. Исмуков является мастером рубаи. Он творчески использует традиции О. Хайяма и идеи народной философии. Поэта волнуют актуальные вопросы современности, он размышляет о значении Бога, чести, пользе образования, месте человека на земле, злословии, старается, чтобы и читатель обратил внимание на эти проблемы. В его четверостишиях передаются суждения чувашского народа о законах развития жизни, представление о земном и небесном времени, связи между противоположными понятиями, стремление к гармонии. Некоторые мотивы и образы находят созвучие в творчестве других чувашских поэтов, которые также почтительно относятся к наследию О. Хайяма. Использование знаний из области восточной литературы, народного поэтического творчества способствует раскрытию художественного смысла четверостиший Н. Исмукова.

Литература

1. Исмуков Н. Четверостишия: стихотворения. Чебоксары: Салика, 1997. 57 с.
2. Владимирова О.Г. Хальхи чгваш поэзийӗнчи наци тӗнче кургмӗн хгй еврӗлӗхӗ (хгш-пӗр сгнав) // Ашмаринские чтения. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 289–292.
3. Скворцова О.В. Философские искания в поэзии Н. Исмукова // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. статей / отв. ред. А.Д. Ахвандерова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та, 2016. С. 189–197.
4. Софронова И.В. Традиции восточной поэзии в чувашской лирике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 180 с.
5. Якимова Е.Р. Жанр исторической трагедии в драматургии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №6 (60). Ч. 1. С. 62–64.

References

1. Ismukov N. *Chetverostishiia: stihotvoreniia* [Quatrains: poems]. Cheboksary, 1997. 57 p.
2. Vladimirova O.G. Hal'hi chrvash poezijӗnchi naci tӗnche kurgmӗn hrj evӗrlӗhӗ (hrsh-pӗr srnav) [The uniqueness of the national vision of the world in the modern Chuvash poetry (Some observations)]. *Ashmarinskie chteniia. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. [Ashmarin Readings. Collection of materials IX International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, 2014, pp. 289–292.
3. Skvorcova O.V. Filosofskie iskaniiia v poiezii N. Ismukova [The philosophical quest in the poetry of N. Isakova]. *Chuvashskij iazyk i literatura: teoriia i metodika: sb. statej* [Chuvash language and literature: theory and methodology: Sat. articles]. Cheboksary, 2016, pp. 189–197.
4. Sofronova I.V. *Tradicii vostochnoi poezii v chuvashskoi lirike* [The traditions of Oriental poetry in the Chuvash lyrics]. Cheboksary, 2008. 180 p.
5. Iakimova E.R. Zhanr Istoricheskoi tragedii v dramaturgii Povolzh'ia [The genre of historical tragedy in the dramatic art of the Volga region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2016, no. 6 (60), vol. 1, pp. 62–64.

Софронова И.В., Якимова Е.Р. Синтез восточного и чувашского в рубаях Н. Исмукова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 137–142.

For citation: Sofronova I.V., Yakimova E.R. The synthesis of eastern and chuvash in rubah by N. Ismukov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 137–142.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-21
УДК 800.8

© Федорова А.В., 2017

Федорова Анна Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: canelloni@mail.ru

Fedorova Anna Viacheslavovna

PhD in Philology Sciences, Associate
Professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: canelloni@mail.ru

**ДЕТСКАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ
ГЕНДЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА
«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹**

**CHILDREN'S ROLE-PLAYING GAME
AS THE METHOD OF GENDER
MODELING IN THE STORY OF V.I.
BELOV "AN ORDINARY AFFAIR"**

Аннотация. В статье на материале повести В. И. Белова «Привычное дело» рассматривается детская ролевая игра как прием гендерного моделирования, выделяются «мужской» и «женский» игровые сюжеты в контексте социокультурных традиций.

Abstract. The article based on the material of the story by V. I. Belov "An Ordinary Affair", ("Privychnoe delo") is considered children's role-playing game as the method of gender modeling. "Men" and "female" game plots in the context of cultural traditions are allocated.

Ключевые слова: В.И. Белов, «Привычное дело», детская игра, игрушка, гендерное моделирование, аллюзия

Keywords: V.I. Belov, "An Ordinary Affair" ("Privychnoe delo"), children's game, toy, gender modeling, allusion

Введение

В современной культуре закреплено толкование игры, восходящее к книге нидерландского культуролога Й. Хейзинги "Homo ludens" («Человек играющий», 1938), отмечавшего, что игра должна трактоваться «как форма деятельности, как содержательная форма, несущая смысл, как социальная функция» [5, с. 13].

Детская игра выступает как способ познания мира и позволяет ребенку получить необходимый для дальнейшей жизни социокультурный опыт. Особое значение в развитии детей имеют ролевые игры. Их сюжеты позволяют играющему визуализировать социальную роль («дочки-матери»), примерить на себя ту или иную профессию (игра «в больницу», «в магазин», «в школу»), разыграть ситуацию, по какой-то причине оставившую яркое воспоминание. Кроме того, игра может быть тренингом, в ходе которого ребенок решает психологические проблемы (бежит от них или компенсирует). В игре ребенок учится выражать эмоциональное отношение к окружающему миру. Игра и используемые в ней предметы, как только ребенок выходит из младенческого возраста, становятся приемом гендерного моделирования, одним из наиболее продуктивных способов получения необходимых в будущем знаний и практических навыков, помогающих человеку реализовать социальную роль, определяемую принадлежностью к мужскому или женскому полу.

В.И. Белов пояснял деятельностьную сущность игры крестьянских детей в книге очерков по народной эстетике «Лад» следующим образом: «Элемент игры в трудо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

вом акте, впервые испытанный в детстве, во многих видах обязательного труда сохранился если не на всю жизнь, то очень надолго» [1, с. 101]. Писатель рассуждает о детстве как о важном этапе формирования трудовых навыков человека, определения его нравственных ориентиров, о том, как в процессе взросления растет «степень ответственности перед окружающим миром» [1, с. 99].

В деревне старшие родственники, используя игровой элемент, сознательно привлекают ребенка к разным видам трудовой деятельности уже на раннем этапе его жизни, демонстрируя те качества характера и умения, которым дети захотят соответствовать: «В хорошей семье ничего не заставляют делать, ребенку самому хочется делать. <...> Обычная детская жажда подражания действует в воспитании трудовых навыков неизмеримо благотворнее, чем принуждение. Личный пример жизненного поведения взрослого (деда, отца, брата) неотступно стоял перед детским внутренним оком, не поэтому ли в хороших семьях редко, чрезвычайно редко вырастали дурные люди?» [1, с. 99–100]. Важно, что такое приобщение к взрослой жизни происходит не от случая к случаю, а является постоянной основой воспитания в крестьянской семье.

Основная часть

В повести «Привычное дело» ситуация детской игры воспроизводится всего два раза. Об игре четырехлетней Маруси в «дочки-матери», остающейся как бы «за кадром», сообщает повествователь. За шестилетним Васькой, бегающим по деревне с патачиной в руках, наблюдает старик Куров. Поведенческие модели, предполагаемые в каждом случае, с точки зрения гендерных стереотипов представляют выразительную антитезу.

Марусина игра – женская, в ней имитируются отношения матери и ребенка. Введение этой игровой ситуации в повествование имеет два значения. Во-первых, она дает необходимый социальный, семейный опыт (по общепринятому сюжету игры девочка по отношению к кукле выступает в роли матери). В этой функции Маруся показана и за пределами игровой ситуации, когда бабка Евстоля просит внучку понычаться с Володькой и Ванюшкой, лежащими в одной люльке: «Покачай ты их, Маруся, <...> покачай, хорошая девушка. Вот, вот, за веревочку» [2, с. 26]. Люлька – главный элемент домашнего пространства Дрыновых – образ, символизирующий идею рода. Маруся еще достаточно мала, чтобы помнить себя находящейся внутри колыбели, ей знаком в люльке каждый сучок. Тем не менее, по меркам крестьянской семьи, она уже способна справляться с работой няньки. Ситуация, в которой ребенок выступает в роли функционального двойника собственной матери, обретает особый психологический драматизм, поскольку качая братиков, Маруся думает об отсутствующих родителях: «За окошком белел снег и светилося солнышко. Мама ушла по этому снегу. Маруся еще спала, а мама ушла. И папы нет» [2, с. 26]. В роли «матери» выступают и две другие дочери в семье: старшая, Танюшка, живет в Мурманске («в няньках»); средняя, Катюшка, практикуется на Гришке, заставляя его делать уроки. После смерти Катерины Катюшку отправят в Мурманск в ту же семью, где работала сестра.

Во-вторых, в процессе игры в «дочки-матери» ребенок обычно реконструирует систему отношений в семье, воссоздает общую домашнюю атмосферу. Такая игра может быть рассмотрена и с точки зрения заложенных в ней компенсаторных механизмов. В этом случае ребенок проецирует на куклу собственные психологические комплексы, обычно связанные с недостатком материнского внимания. Эта проблема в повести поставлена предельно остро: Катерина почти не бывает дома, и для Маруси постоянное отсутствие матери, являющейся смыслом всей ее маленькой жизни, –

трагедия. Младшая дочь Дрыновых отличается от остальных детей в семье глубокими недетскими переживаниями, которые тем драматичнее, что девочка не может их выговорить: «Маруся все время молчала, и никто не знал, что она думает» [2, с. 26]. На протяжении всей повести она произносит только две реплики, и обе они связаны с образом матери. Первая – с ее вечным мучительным ожиданием:

«Бабка Евстоля поставила самовар.

– Вот мама сейчас придет, будем чай пить <...>.

Упоминание о матери отразилось на Марусином личике долгой изумленно-тревожной улыбкой. Она словно бы вспомнила, что у нее есть мама, и вся засветилась от радости, восхищенно выдохнула:

– Мамушка?

– Мамушка и придет, – подтвердила бабка Евстоля. <...>.

Девочка снова задумчиво и отрешенно поглядела на улицу» [2, с. 26].

Во второй раз Маруся заговорит только после смерти Катерины, еще не понимая происходящего. Ее вопрос передан Евстолей в диалоге со Степановной: «Баба, баба, а мама-то почему не встает, она спит, наверно» [2, с. 111].

Неизвестно, находит ли Маруся нужные слова в игре, проговаривая кукле свои чувства и мысли, которыми в неигровой ситуации еще не умеет поделиться, или их взаимодействие остается безмолвным. В любом случае игра наполнена, скорее всего, «взаимными» эмоциями, которых не хватает ребенку. С одной стороны, примеряя на себя в процессе игры роль матери, с другой, – Маруся выступает и в амплу ребенка (по сюжету игры в «дочки-матери» девочка подает реплики и совершает действия за обеих персонажей). Происходит своеобразное психологическое «раздвоение» личности играющего на мать и дитя, в Марусином случае болезненно-трагическое.

Детские игрушки в повести упоминаются лишь два раза и вводятся номинативно: называются, но не описываются, не детализуются с точки зрения их структурных особенностей. Погремушка, с помощью которой Евстоля потешает младшего внука, и Марусина тряпичная кукла, скорее всего, являются в семье «наследуемыми», они переходят от старших детей к младшим, поэтому должны быть лишены индивидуализирующих признаков, соотносящих предмет с владельцем.

Однако в случае с куклой это не совсем так. Данный образ, несмотря на единичность упоминания, является важной характерологической деталью. Маруся играла с ней перед возвращением матери из больницы:

«...вдруг Катерина почувяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди, оглянулась сама не своя, кинулась к тому концу бревен:

– Марусенька, милая...

Девочка не двигаясь стояла за бревнами и глядела на мать голубыми немигающими глазами. И столько детской тоски по ласке, столько одиночества было в этих глазенках, что Катерина сама заплакала, бросилась к ней, прижала девочку к себе.

– Марусенька, Марусенька, ну что ты, вот мама пришла к тебе, ну милая ты моя... О Господи...

Маруся вздрагивала крохотными плечиками. Большая тряпичная кукла лежала на траве, девочка играла, когда увидела мать» [2, с. 46].

В эмоционально окрашенной речи Катерины в этом эпизоде используется уменьшительно-ласкательная форма имени дочери и сделан акцент на словах, указывающих на родство, семью, дом, на совместное или направленное действие: «*Марусенька, Марусенька*, ну что ты, вот *мама* пришла к тебе, ну милая *ты* моя... О Господи... <...> Вот, Маруся, я тебе и пряничков принесла, и *домой-то* мы <...> с тобой пойдем, доченька, есть кто *дома-то?*» (курсив мой – А.Ф.) [2, с. 46].

С возвращением матери связано преодоление мучительного раздвоения: Марусин мир возвращается в привычные границы, она снова становится ребенком. Обретение этой относительной гармонии сопровождается говорящим жестом: девочка бросает куклу, выступавшую в игре в качестве ее «вещного» двойника.

Контакт литературного персонажа с вещами является продуктивным принципом изображения человека, поскольку вещь – элемент не только материальной, но и духовной парадигмы сознания автора, повествователя и персонажа. Вещь формирует представление о специфике социального и национального быта и бытия, «вписывает» персонажа в историко-культурный процесс: «Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным» [4, с. 3].

Марусина кукла безмянна и, скорее всего, безлика: в традиционной народной культуре, как правило, использовались куклы «без лица», чтобы ребенок в процессе игры мог представлять себе любую эмоцию, а не только «нарисованную». Отсутствие какого-то определенного выражения на кукольном лице становится важным изобразительным приемом по отношению к маленькой хозяйке игрушки: младшая дочь Ивана Африкановича, в отличие от остальных детей в семье, не имеет ярких черт характера. По-видимому, в ее случае можно говорить о проявлениях детского аутизма, о чем свидетельствует и ее бессловесность, и абсолютная сосредоточенность на матери. Тряпичная кукла без лица становится своеобразным зеркалом, в котором в процессе игры Маруся видит свое отражение.

Васькина игра – мужская, и хотя драматургия действия остается неизвестной, очевидно, что мальчишка поглощен каким-то героическим сюжетом.

Интересно, что играет Васька без Мишки, хотя в главе «Детки» братья-«двойники» представляют парный образ, все их чувства и желания одинаковы, действия синхронны: «Мишка с Васькой <...> пробудились оба сразу и устроили возню. Потом долго надевали тоже одинаковые свои штаны. <...>. Утренний необъяснимый восторг насквозь пронизывал их обоих. <...> Им хотелось то ли завизжать, то ли полететь, однако холод заставил быстро убраться в избу. <...>. Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец и Васька подул. <...> Ваське и Мишке торчать у люльки не было никакого интереса <...>. Мишка с Васькой убежали опять гулять по деревне» [2, с. 27–28].

Но уже в конце главки Васька выступает как самостоятельный персонаж. Бабка сначала называет пошехонцами обоих внуков-близнецов, а потом сравнит с ними именно Ваську, отличая по одежде: «Вот и ты, Васька как тот пошехонец, вишь опять штани-ти не так одел» [2, с. 30]. И сама сказка о пошехонцах рассказана с Васькиной подачи. Он более чем другие дети, внимателен к ворчанию Евстоля: «Ой беда, однако! <...> – Хоть бы один умер, дак ведь нет, не умрет ни который. Где погостили-то? Как пошехонцы, как пошехонцы! Вот пошехонцы-ти раньше тоже были растрепы. Кушати кушали, а жить-то не умели» [2, с. 28]. Васька вычленяет из бормотания старухи сказочный зачин и требует продолжения истории, сопровождая слова активными действиями: «Баба, сказку, баба, сказку! – Васька запрыгал на одной ноге, задергал бабкин подол» [2, с. 28].

Васька энергичнее брата, у него развитая фантазия, он смел и настойчив. Игра позволяет ему индивидуализироваться, осознать свое «Я» отделенным от «Другого», определить пространство собственной личности, что является необходимым условием взросления ребенка.

В то же время используемый в игре подручный предмет (патачина – рогатина, хворостина, палка) акцентирует принадлежность Васьки к роду Дрыновых. Значение общерусского диалектного существительного «дрын» зафиксировано и в «Словаре

вологодских говоров» – «палка с заостренным концом» [3, с. 61]. В «Привычном деле» предметное значение фамилии героя становится характерологическим приемом. Фамилия соотнесена с устойчивыми поведенческими моделями сельского жителя, отраженными в сюжете произведения. Деревенские парни часто использовали такие палки как оружие в драке, и Иван Африканович дважды появляется с «дрыном» в руках, один раз в комической, другой – в драматической ситуации: с еловым колом гоняется за «обидчиками», усомнившимися в его плясовом таланте, кочергой угрожает председателю, не отпускающему его из колхоза. В рамках игрового сюжета патачина в мальчишеских руках становится оружием: Васька воплощает в игре фронтное прошлое Ивана Африкановича, о котором в его присутствии, вероятно, не в первый раз идет разговор между мужиками.

Отцовский орден Славы, прицепленный «на пузе», завершает образ «воина», сокрушающего невидимого врага, персонификацией которого станут заросли крапивы.

Игровое действие повторяемо, о чем свидетельствует сам Васька, путая в речи временные планы: «Я иссо и завтла буду бегать, и вчела буду бегать, и...» [2, с. 49]. Оно динамично и длительно: Васька трижды появится около бревен, пробегая в промежутке, большое расстояние, так что мужики (показательно, что фон его игры сугубо мужской) успевают обсудить и деревенские дела, и вспомнить войну, и поговорить о политике.

Старик Куров, участвовавший в Первой мировой, точно считывает игровой код: «Ну-ну, бегай ежели. Медаль-ту за какие тебе позиции выдали? Больно хорошая медаль-то, носи, батюшко, не теряй» [2, с. 49].

Одним из устойчивых типов детских ролевых игр является игра, основанная на книжных сюжетах («Доктор Айболит», «Буратино», «Золушка» и другие). Можно предположить, что у Васькиной игры тоже есть литературная основа. В середине 1960-х гг. поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин» уже входила в школьную программу. Все дети Дрынова живут в общем пространстве избы: старшие учат уроки, младшие невольно оказываются сопричастными этой «науке». Васька – чуткий слушатель, о чем уже шла речь выше, и в силу особенностей характера ребенок вряд ли мог остаться безучастным к событиям, составляющим сюжетную канву «Книги про бойца» и образу ее главного героя, тем более, что Васька (Василий Иванович Дрынов) оказывается тезкой и автора повести, вводящего в текст ряд соответствующих аллюзий, и Василия Ивановича Теркина, полное имя которого единственный раз в поэме Твардовского названо во второй части («На привале»):

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.
В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.
И несмело у него
Просят: – Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч... (курсив мой – А.Ф.)

Возможность идентифицировать себя с литературным персонажем на основе совпадения имен дает дополнительный импульс к развитию игрового сюжета, во-

площающего солдатскую доблесть и отвагу, знаком которых становится орден Ивана Африкановича.

Еще одна параллель с «Василием Теркиным» может быть обнаружена в разных определениях статуса отцовской фронтовой награды: в речи повествователя она названа орденом, в речи персонажа (старика Курова) – медалью. Напомним ставшую афоризмом цитату из поэмы А.Т. Твардовского:

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
(О награде)

Орден станет предметом обсуждения и в разговоре взрослых, напоминанием о Великой Отечественной войне. С него начинается рассказ Дрынова о прошлом: «Славу мне за переправу благословили» [2, с. 55]. Вероятно, В.И. Белов использует здесь отсылку к четвертой части поэмы Твардовского – «Переправе». Имя Теркина введено в диалог о войне и звучит в непосредственной связи с очередным появлением Васьки: «Васька, опять блеснув пузом с орденом Славы, побежал домой, разговор продолжался своим чередом:

– А вот, мужики, – говорит Федор, – вот, мужики, в этой войне было, значит, сперва только два героя, это Матросов Олександр, да Теркин, ну, а уж после их дело скорее пошло.

Мишка не стал доказывать Федору, кто такой был Теркин <...>. Иван Африканович тоже промолчал» [2, с. 55]. Литературный образ воспринимается стариком в качестве реально существовавшего человека, а событие из его фронтовой «биографии» соотнесено с настоящей историей Дрынова-старшего.

Сам Иван Африканович о войне вспоминает обыденно, как о трудной работе. И одна из высших фронтовых наград, говорящая о его героическом прошлом (ордена Славы солдат мог быть удостоен только за личное мужество), не осознается им как нечто ценное и становится то ли игрушкой, то ли частью неряшливого костюма шестилетнего сына.

Такая профанация ордена объясняется отчасти изменившимися обстоятельствами жизни бывшего разведчика: в основном сюжетном действии он мало зарабатывает, его штрафуют, вычитают из пособия на девятого ребенка деньги за сломанные самовары, попрекают, когда Дрынов косит сено для своей коровы, грозят неприятностями, требуют донести на соседей.

Но главное – в другом. Для Дрынова по-настоящему важны «невещественные» вещи, имеющие отношение не к материальному, а к духовному плану существования. Мужество, смелость, самопожертвование, проявленные тысячами солдат, подобных Ивану Африкановичу, во время Великой Отечественной войны, не могут быть опредмечены. Люди шли в бой «не ради славы // – Ради жизни на земле» («Василий Теркин», «Переправа»). Послевоенная судьба Дрынова, отца девятерых детей, и воплощает эту идею торжества жизни, лишённую всякого пафоса: «Дело привычное. Жись. Везде жись. Под перьями жись. Под фуфайкой жись. <...> И все добро, все ладно. Ладно, что и родился, ладно, что детей народил. Жись, она и есть жись» [2, с. 35].

Выводы

Смысл заглавия повести «Привычное дело» проецируется не только на взрослых персонажей, но и на детей. Включенные в общий ритм быта и бытия семьи, рода, деревни, они так же как и взрослые изображены в привычном сельском пространстве, заняты соответствующими их возрасту делами.

Не случайно, по-видимому, оба игровых сюжета представлены в главе «На бревнах», которую можно считать идейным центром произведения. В ней сделан главный смысловой акцент всей повести: нерасторжимая связь человеческой жизни с природным круговоротом. Детская игра – органичная часть ритма всей народной жизни. Играя, младшие Дрыновы осваивают социальный, природный и культурный контекст своей судьбы. Дочь Ивана Африкановича и Катерины получает навыки будущего материнства, сын примеряет на себя роль воина, защитника. Это позволяет рассматривать детскую игру в качестве необходимой составляющей «привычного дела» – человеческого существования.

Литература

1. Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Классика, 2012. 510 с.
2. Белов В.И. Привычное дело // Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 2. М.: Классика, 2011. 600 с.
3. Словарь вологодских говоров. Д-З. Вологда, 1985. 184 с.
4. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе. URL: <http://ec-dejavu.ru>
5. Хейзинга Й. “Homo ludens”. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

References

1. Belov V.I. Lad. Ocherki o narodnoi ehstetike [Lad. Essays on folk aesthetics]. *Sobranie sochinenii: v 7 tomah* [Collected works: in 7 volumes]. Vol. 5. Moscow, 2012. 510 p.
2. Belov V.I. Privychnoie delo [An Ordinary Affair]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 volumes], vol. 2. Moscow, 2011. 600 p.
3. *Slovar' vologodskih govorov. D-Z* [Dictionary Vologda dialects]. Vologda, 1985. 184 p.
4. Toporov V.N. *Veshch' v antropocentricheskoi perspektive* [Thing in the anthropocentric perspective]. Available at: <http://ec-dejavu.ru>
5. Hazing J. “Homo ludens”. *V teni zavtrashnego dnia* [«Homo ludens». In the shadow of tomorrow]. Moscow, 1992. 464 p.

Федорова А.В. Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В.И. Белова «Привычное дело» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 143–149.

For citation: Fedorova A.V. Children's role-playing game as the method of gender modeling in the story of V.I. Belov “An ordinary affair”. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 143–149.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-22
УДК 378.147.88

© Алексеенко А.Е., 2017

Алексеенко Алена Евгеньевна
Аспирант, Череповецкий государственный
университет
(Череповец, Россия)
E-mail: alcharm@mail.ru

Alekseenko Alyona Evgenyevna
Post-graduate student.
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: alcharm@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В
УСЛОВИЯХ ЛАБОРАТОРНОГО
ПРАКТИКУМА ПО ФИЗИКЕ**

**FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF TECHNICAL
EXPERTS WITHIN LABORATORY
SESSION ON PHYSICS**

Аннотация. В статье анализируется проблема подготовки специалиста инженерно-технического профиля, обладающего высоким уровнем компетентности. Автором уточнены структура и содержание профессиональной компетентности будущего инженера. Обоснована и разработана модель процесса формирования профессиональной компетентности специалиста радиотехнического профиля в рамках лабораторного практикума по физике на основе выявления организационно-педагогических условий, способствующих ее реализации.

Abstract. The article analyzes the problem of training technical with a high level of competence. The author has refined the structure and content of professional competence of future engineer. The author has developed a model of formation of professional competence for specialist of radio engineering profile in terms of laboratory session on physics. The model is based on organizational and pedagogical conditions conducive to its implementation.

Ключевые слова: формирование профессиональной компетентности, лабораторный практикум по физике, компетентностная модель выпускника высшей школы

Keywords: formation of professional competence, laboratory session on physics, competence model of the graduate of the high school

Введение

Основная проблема системы высшего образования – повышение качества подготовки будущих специалистов инженерно-технического профиля, которым отводится ключевая роль в модернизации национальной экономики и повышении ее инновационного потенциала.

Перед вузами стоит цель изменить подходы к организации образовательного процесса, к содержанию и методам обучения, которые были бы основаны на современных технологических укладах, массовом использовании информационно-коммуникационных технологий и связаны с реализацией компетентностно-деятельностного подхода.

Профессиональная сфера, четко обозначая требования к инженерам, ведет их отбор по результатам сформированности у них в процессе деятельности тех или иных компетентностей и компетенций, позволяющих им оперативно осваивать новое, быстро адаптироваться к возрастающему уровню науки, техники и технологии, самостоятельно решать актуальные практические задачи в широком контексте профессиональных ситуаций, уверенно действовать в различных проблемных ситуациях.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) [4], регламентирующие реализацию основных профессиональных образовательных программ высшего образования (далее – ОПОП), акцентируют требования к результатам их освоения в виде определенной совокупности компетенций, эффективности формирования которых должны содействовать формы организации учебного процесса и методы обучения, обеспечивающие максимальную активность самих учащихся, активизацию их познавательной, мыслительной деятельности. При изучении дисциплин естественнонаучного и профессионального циклов значимой формой работы является лабораторный практикум.

Цель настоящей работы состоит в разработке модели процесса формирования профессиональной компетентности специалистов радиотехнического профиля в рамках лабораторного практикума по физике.

Основная часть

Задача современной высшей школы – не дать готовые знания, а научить учиться. Именно на этом условии построен реализуемый в настоящее время интегрированный подход, получивший название компетентностно-деятельностного (далее – КДП).

КДП предполагает заменить систему обязательного усвоения знаний, развития умений и навыков комплексом компетенций (набором компетентностей), которые будут формироваться у обучающихся на основе обновленного содержания образования и в процессе их деятельности по овладению таким содержанием, т.е. процесс освоения отобранного содержания будет носить деятельностный характер. В условиях реализации КДП в центре обучения оказывается сам учащийся как субъект учебной деятельности, при этом учитываются его индивидуально-психологические особенности, личностно-деятельностные качества и т.д. [2].

Придерживаясь определения, данного Д. Равеном, под компетентностью будем понимать специфическую способность личности, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающую узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, понимание ответственности за свои действия; а под компетенциями – совокупность взаимозависимых качеств личности, необходимых для качественной производственной деятельности в той или иной сфере [6].

Исследователи, изучающие природу компетенций (В.И. Байденко, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и другие), ставят перед собой задачу классифицировать и выявить их компоненты; определить набор компетенций, которыми должен обладать выпускник высшей школы по той или иной специальности (направлению подготовки), а также какими методами и на каких этапах обучения могут быть сформированы те или иные компетенции, какими средствами и технологиями можно оценить уровни их сформированности.

Проведем анализ сущности компетенций обучающегося инженерно-технического вуза на примере специальности 11.05.02 Специальные радиотехнические системы (далее – СРС).

Согласно ФГОС ВО по данной специальности выпускник, освоивший программу специалитета, должен обладать совокупностью общекультурных (ОК) и профессио-

нальных (ПК) компетенций (подразумеваем общепрофессиональные (ОПК), профессиональные и профессионально-специализированные компетенции (ПСК)).

Общекультурные компетенции инвариантны к направлению подготовки и отражают общее, характерное требование к выпускнику высшей школы, независимо от области его профессиональной деятельности, но вместе с тем имеют важное значение, поскольку являются базой для формирования профессиональных компетенций.

Профессиональные компетенции являются основами овладения обучающимся профессионально значимыми видами деятельности, непосредственно связанными с его будущей профессией, в нашем случае – производственно-технологической, организационно-управленческой, проектно-конструкторской, научно-исследовательской и эксплуатационной.

При этом компетентностная модель выпускника будет представлять собой систему общекультурных и профессиональных компетенций, подлежащих освоению для достижения профессиональной компетентности. Профессиональную компетентность будущего специалиста СРС будут составлять, с одной стороны, интегрированная система знаний, умений, навыков и способностей, позволяющая решать разного рода задачи в области профессиональной деятельности, опирающейся на классическую радиотехнику, аккумулирующей современные достижения лазерной техники, волоконной связи, нанотехнологий, включающей исследования и разработки, направленные на создание и обеспечение функционирования устройств, систем и комплексов и т.п., с другой – те личностные качества, которые имеют в основном вне-профессиональный характер, но в то же время необходимы, поскольку способствуют становлению компетентного специалиста в условиях современного рынка труда.

Принимая за основу исследования И.А. Зимней, П.И. Пидкасистого, А.В. Хуторского в структуре профессиональной компетентности инженера СРС можно выделить следующие компоненты:

1) мотивационно-ценностный – проявляется в виде стремления и потребности обучающегося овладевать определенными знаниями, проявлять познавательную активность в процессе обучения, саморазвиваться; характеризует отношение последнего к будущей профессиональной деятельности и т.п.;

2) личностный – обозначает совокупность индивидуально-психологических качеств (особенности психики, гибкость мышления, убеждения и другие) и способностей будущего специалиста, необходимых ему для успешной инженерной деятельности: умение учиться и пополнять свои знания, умение работать в коллективе, владение различными социальными ролями, способность принимать ответственные решения, искать и находить компромиссы, готовность прийти на помощь и другие;

3) когнитивный – характеризует собой систему знаний, которая обеспечивает успешность решения обучающимся различных практических задач в инженерной деятельности;

4) деятельностный – представляет собой способность обучающегося применять полученные знания в своей профессиональной области; ориентироваться в различных видах деятельности, осуществлять их на основе целостной совокупности качеств личности, таких как: самостоятельность, творческий подход к любому делу и умение довести его до конца, способность увидеть проблемную ситуацию, предложить (найти) способы ее решения, выдвинуть или опровергнуть гипотезу, стремление быть конкурентоспособным и другие;

5) рефлексивно-оценочный – представляет способность обучающегося осмысливать, оценивать результаты, в том числе и ошибки, собственной деятельности и деятельности других обучаемых и другие.

Сформированность той или иной компетенции и, соответственно, профессиональной компетентности определяется уровнем развития вышеназванных компонентов и обеспечивается освоением циклов и разделов ОПОП: дисциплин, модулей, практик, каждый из которых вносит определенный вклад в их поэтапное формирование.

Авторы, занимающиеся этими вопросами (В.В. Костыгина, Г.В. Прозорова, Т.И. Радионовская, С.Г. Рекунов и другие), акцентируют внимание главным образом на формировании профессиональных компетенций инженера в процессе учебно-производственных практик или изучения дисциплин профессионального блока, в то время как процессу обучения дисциплинам математического и естественнонаучного блока, в том числе курсу физики, не уделяется должного внимания, потенциал этих дисциплин не используется в должной мере для формирования профессиональной компетентности будущих специалистов.

Значение курса физики в высшем образовании определено ролью науки в жизни современного общества. Наряду с освоением знаний о конкретных экспериментальных фактах, законах, теориях учебная дисциплина «Физика» имеет исключительное гносеологическое значение. Именно она позволяет познакомить обучающихся с научными методами познания, научить их отличать гипотезу от теории, теорию от эксперимента.

Цель дисциплины «Физика» в рамках ОПОП по специальности 11.05.02 СРС:

- сформировать у обучающихся основы научного мышления, умение ориентироваться в потоке научной и технической информации;
- создать базу для изучения последующих профессиональных и специальных дисциплин учебного плана (таких как «Электродинамика и распространение радиоволн», «Оптика», «Электроника», «Радиотехнические цепи и сигналы», «Основы теории цепей»);
- обеспечить применение положений фундаментальной физики при создании и реализации новых технологий в области радиотехнических устройств и систем;
- привить навыки экспериментальных методов исследования и умение применять их в инженерной практике.

Изучением данной дисциплины в соответствии с ФГОС ВО по данной специальности обеспечивается формирование как ОК, так и ПК (или их элементов), важными из которых являются: способность к логическому мышлению, обобщению, анализу, критическому осмыслению, систематизации, прогнозированию, постановке исследовательских задач и выбору путей их достижения (ОК-9); способность использовать в профессиональной деятельности основные законы естественнонаучных дисциплин, применять методы математического анализа и моделирования, теоретических и экспериментальных исследований, приобретать новые математические и естественнонаучные знания, используя современные образовательные и информационные технологии (ОПК-2); способность осваивать работу на современном измерительном, диагностическом и технологическом оборудовании, используемом для решения научно-технических задач в области радиотехники, владение основными приемами обработки и представления экспериментальных данных (ОПК-9); способность составлять обзоры результатов проводимых исследований (ПК-16).

Для того чтобы ориентироваться на привитие конкретных компетенций необходимо тщательный отбор содержания каждого учебного занятия дисциплины, продуктивный характер используемых образовательных технологий и методов обучения.

Повысить эффективность процесса развития профессиональной компетентности обучающихся становится возможным, если использовать средства педагогической коммуникации (формы, методы, технологии обучения), направленные на включение

слушателей в активную деятельность, развитие у них эрудиции, логического и критического мышления, самостоятельности, творческой активности и поисковых способностей. Перечисленным условиям в процессе изучения физики удовлетворяет лабораторный практикум.

Под лабораторным практикумом будем понимать систему специально разработанных, содержательно и методически объединенных лабораторных занятий по большому разделам или темам учебного курса [8, с. 10–11]. Работы практикума интегрируют полученные обучающимися во время лекционных (или практических) занятий теоретические знания и их практические навыки в едином процессе учебно-исследовательского характера.

Во время практикума учащимся предлагаются работы, выполнение которых требует от последних творческой инициативы, самостоятельности в принятии решений, глубокого знания и понимания учебного материала; им предоставляется возможность стать «открывателем истины», что положительно влияет на развитие их познавательных интересов и способностей.

В научно-педагогической литературе физическому эксперименту и его роли в обучении физике посвящено множество работ (О.Л. Алексеева, Д.В. Ананьев, М.О. Верховцева, Т.Н. Шамало, Т.Н. Шаронова и другие). Еще Д.И. Менделеев отмечал, что в преддверии науки красуется надпись: «Наблюдение, предположение, опыт», указывая тем самым на важное значение опытных (лабораторных) методов познания.

Немало значимых исследований проведено для решения задач, связанных с подготовкой обучающихся по физике в техническом вузе, в том числе отражающих междисциплинарные связи в процессе обучения физике (А.Е. Айзензон, М.В. Ларионов, А.В. Рогалев, А.В. Шаранов и другие), посвященных проблеме модернизации практикума посредством использования новых методик проведения и организационных форм занятий (Е.В. Ермакова, О.В. Заковряшина, О.С. Зорина, А.Г. Ряхова, Е.А. Семенюк и другие), применению компетентного подхода к обучению физике на основе лабораторного практикума (Ю.В. Маслова, О.В. Федина и др.).

Проведенный анализ работ в этой области позволил выявить следующие проблемы в практике высших учебных заведений: во-первых, разработка и построение целостной последовательной системы взаимозависимых лабораторных работ по физике, которая учитывала бы особенности и специфику будущей профессиональной деятельности выпускников, межпредметные связи, предусматривала бы индивидуально-психологические особенности учебной группы (отдельных обучаемых), и в которой каждая работа вносила бы свой вклад в развитие необходимых обучающимся компетенций (и компетентностей) – это скорее исключение, чем закономерность.

Во-вторых, наиболее распространенными подходами к организации и методике проведения лабораторных работ по физике остаются два: традиционный и подход, базирующийся на информационных технологиях.

Первый из обозначенных подходов заключается в проведении обучающимися натурального эксперимента в учебной лаборатории на реальных объектах при конкретных заданных параметрах, руководствуясь жестко регламентированным порядком выполнения работы [5]. Как показывает практика проведения такого вида работ, строгое следование инструкции по выполнению «рутинных» действий в ходе эксперимента мало способствует осознанию учащимися сути самого опыта, не способствует в полной мере раскрытию их творческого потенциала, не мотивирует последних на самостоятельный поиск информации. Второй же тип работы, так называемый виртуальный лабораторный практикум [7], в основе которого лежит имитационное компьютерное моделирование реальных процессов и явлений, не заменяет по своему

обучающему воздействию работу с реальным оборудованием. При выполнении виртуальных лабораторных работ у обучающихся нет возможности увидеть моделируемую установку в действии, у них теряется связь с реальным объектом, а это в свою очередь приводит к недопониманию хода процесса измерений и устройства установки в целом. Кроме того, ни один из представленных подходов не обеспечивает условий развития профессионально-важных качеств личности обучающихся, слабо развивает их физическое мышление (в силу отсутствия элементов проблемности в материале лабораторных работ), не предоставляет возможность им активно участвовать в учебном эксперименте, поэтому снижает их уровень компетентности в научно-технических вопросах.

В-третьих, существующий критериально-оценочный аппарат, отслеживающий сформированность профессиональной компетентности будущих инженеров в процессе выполнения работ практикума по физике по таким параметрам как знания, умения, навыки, не позволяет в полной мере оценить личностные качества специалиста.

Таким образом на сегодняшний день методология и теоретические основы разработки лабораторного практикума по физике, ориентированные на эффективное формирование профессиональной компетентности специалистов технического профиля, еще не могут считаться всесторонне изученными. Существуют противоречия между:

- современными требованиями к подготовке высококвалифицированных специалистов СПС в условиях реализации КДП и существующей педагогической практикой, ориентированной в большей степени на формирование знаний и умений;

- потенциалом дисциплин естественнонаучного цикла (в нашем случае – курса физики) по становлению компетентного инженера технического вуза и существующей системой его подготовки в процессе обучения физике, осуществляющейся в рамках традиционных технологий обучения, не позволяющих в полной мере сформировать необходимые компетенции (или их части) у обучающихся на должном уровне;

- содержанием учебного материала, структурой лабораторных работ и целями (задачами) программы подготовки специалистов в условиях реализации КДП.

Для анализа процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов СПС в рамках лабораторного практикума по физике целесообразно построить его педагогическую модель, которая должна быть четко структурирована и содержать взаимосвязанные элементы, ориентированные на конечный результат – достижение более высокого уровня сформированности профессиональной компетентности будущего инженера. Структура модели построена на основе научного подхода к организации образовательного процесса и требований к подготовке специалиста со стороны ФГОС ВО, преследует цель как осознанный образ планируемого результата, содержит педагогические технологии и методическое обеспечение процесса формирования компетентности.

В условиях лабораторного практикума по физике данная модель предполагает:

- построение системы взаимосвязанных лабораторных работ развивающего характера, каждая из которых вносит вклад в поэтапное формирование компонентов профессиональной компетентности специалиста СПС;

- изменение и расширение содержания работ, включение в него такого материала, который будет обладать мотивационным эффектом, будет ориентирован на практическую значимость в будущей профессии (развитие инженерных навыков и умений), на формирование не только профессиональных, но и личностных качеств обучающихся. Целесообразно сделать акцент на таких разделах курса физики как «Основы электродинамики», «Физика колебаний и волн», «Элементы физики твердого тела».

Наряду с ознакомительными, предусматривающими формирование умений и навыков пользования приборами, устройствами, необходимыми обучающимся в дальнейшей учебной (профессиональной) инженерной деятельности, подтверждающими, выполнение которых имеет целью подтверждение правильности полученных теоретических теорий, типами лабораторных работ использование частично-поисковых, включив в их содержание проблемную ситуацию, тем самым управляя познавательной и поисковой деятельностью обучающихся, развивая их эрудицию, ориентируя на самостоятельный поиск путей решения проблем. Установление взаимосвязи конкретных компонентов формируемой компетентности с содержанием лабораторных работ;

– реализацию методики проведения лабораторного практикума по физике на основе использования в учебном процессе «натурно-виртуальных» лабораторий, включающих в себя информационно-измерительные системы с интегрированными в них программно-аппаратными компонентами, т.е. сочетающих преимущества натурального и виртуального практикумов. С одной стороны, это позволит обучающимся непосредственно контактировать с измерительной установкой и средствами управления, с другой, проводить «автоматизированные» измерения на высоком технологическом уровне [1];

– создание механизма оценивания уровня сформированности компетентности инженера, который будет включать критерии, показатели оценивания, а также оценочные средства.

На примере лабораторной работы «Исследование электростатических полей» рассмотрим вклад курса физики в формирование профессиональной компетентности будущего инженера СРС. Целью работы является экспериментальное исследование характеристик электрического поля.

На основе поставленной задачи и предварительной теоретической подготовки экспериментальная часть работы обучающихся включает:

1. Исследование реального распределения потенциала и напряженности поля между электродами различной геометрической формы в автоматизированном и/или ручном режиме (выполняется в составе группы).

2. Определение эквипотенциальных поверхностей, построение графического изображения электростатического поля (выполняется в индивидуальном порядке).

Проведение экспериментального исследования направлено на то, что обучающиеся будут:

– готовы при работе в команде принимать ответственные решения, проявлять лидерские качества;

– знать принцип работы и устройство лабораторной установки для исследования электростатического поля; уметь пользоваться техническими средствами измерений;

– знать теоретический материал в области электростатики (распределение электрического поля в пространстве, заключенном между электродами различной конфигурации); владеть методикой измерения потенциала в полях, создаваемых различными комбинациями электродов;

– уметь самостоятельно организовывать эксперимент, проводить сбор, обработку, анализ информации, наглядно представлять результаты исследования (по известному распределению эквипотенциальных поверхностей строить силовые линии электрического поля); делать выводы, строить умозаключения по результатам проведенного исследования, защищать работу;

– адекватно оценивать результаты проделанной работы (своей или группы).

Успешное выполнение работы обеспечит целостное развитие личности обучающегося, включая привитие и развитие у него набора компетенций (или их частей) в

процессе деятельности (ОПК-1, ОПК-2, ОПК-9 в соответствии с ФГОС ВО по данной специальности), т.е. не только знаний, умений и навыков, но и опыта самостоятельной практической деятельности, а также личностных, социально-коммуникативных качеств.

Для выявления степени сформированности выделенных в профессиональной компетентности будущего инженера СРС компонентов (или их частей) в процессе выполнения работы, целесообразно придерживаться уровневой системы оценки (см. табл. 1), где максимальный уровень означает, что компетенции (их часть) сформированы на «отлично», средний – на «хорошо», минимальный – на «удовлетворительно», ниже минимального уровня – компетенции не сформированы.

Таблица 1

Критерии и показатели уровня сформированности профессиональной компетентности инженера в процессе выполнения работ лабораторного практикума по физике

Максимальный уровень	Средний уровень	Минимальный уровень
<i>Мотивационно-ценностный:</i>		
<ul style="list-style-type: none"> – стремление овладеть и применять знания; – позитивная направленность, любознательность, проявление интереса к исследовательской деятельности, уверенность в себе 		
<ul style="list-style-type: none"> – ярко выраженная внутренняя мотивация к исследовательской деятельности, положительные эмоции, связанные с ее реализацией – устойчивый поисково-познавательный интерес; высокая степень уверенности в собственных силах при выполнении исследования 	<ul style="list-style-type: none"> – внешняя мотивация к исследовательской деятельности; нейтральные эмоции – охотно включается в поисковую – исследовательскую деятельность, но не выходит за ее рамки; достаточная степень уверенности в собственных силах 	<ul style="list-style-type: none"> – слабо выраженная мотивация к исследовательской деятельности – слабый интерес к работе, отрицательные эмоции при ее выполнении; неуверенность в себе и в получении положительных результатов
<i>Личностный:</i>		
<ul style="list-style-type: none"> – готовность к взаимодействию, диалогу – способность проявить лидерские качества, повлиять на других 		
<ul style="list-style-type: none"> – высокий уровень лидерства, обладание эталонными для данной группы личными качествами – умение работать в команде, высокая активность и инициативность при решении группой основных задач; установление и поддержание настроения группы; принятие ответственности за результаты работы группы 	<ul style="list-style-type: none"> – при отсутствии альтернативы готовность принять роль лидера на себя – умение работать в команде по необходимости, достаточный уровень активности при решении группой основных задач 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие лидерских качеств – негативные эмоции при групповой работе
<i>Когнитивный:</i>		
<ul style="list-style-type: none"> – уровень полученных теоретических знаний (в нашем случае – в области электростатики; знание основных понятий и законов электростатики, основных характеристик электростатического поля, способов и методов измерения распределения электрического поля) – способность понимать освоенную информацию, готовность опираться на знания – знание требований к выполнению эксперимента 		

Максимальный уровень	Средний уровень	Минимальный уровень
<ul style="list-style-type: none"> – владение глубокими, полными, систематизированными знаниями в данной области – знание правил ТБ при проведении эксперимента, осознание опасности (угрозы) при проведении эксперимента и знание мер по ее предотвращению 	<ul style="list-style-type: none"> – владение достаточным уровнем знаний в области электростатики – достаточный уровень знаний по ТБ, осознание опасности 	<ul style="list-style-type: none"> – обрывочный, поверхностный уровень знаний – недостаточный уровень знаний по ТБ
<p><i>Деятельностный:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – активность при поиске и решении поставленных исследовательских задач – способность и готовность реализовать все этапы исследовательской деятельности, включая планирование и организацию эксперимента, прогнозирование результатов, обработку полученных данных, анализ результатов исследования, грамотное и логичное представление, защиту результатов – способность эксплуатировать технические средства измерений 		
<ul style="list-style-type: none"> – проявление творческой активности в процессе исследования; способность выбирать и готовность осуществлять собственные пути решения поставленных задач – высокий уровень сформированности профессиональных умений и навыков в проведении всех этапов исследования 	<ul style="list-style-type: none"> – присутствует интерес к выполнению исследования – достаточный уровень сформированности профессиональных умений и навыков в проведении эксперимента; умение организовывать эксперимент по намеченному плану, обрабатывать результаты эксперимента, делать выводы 	<ul style="list-style-type: none"> – отсутствие интереса к выполнению исследования – недостаточный уровень сформированности профессиональных умений и навыков в проведении эксперимента; выполнение этапов эксперимента только под руководством преподавателя (подражательный характер)
<p><i>Рефлексивно-оценочный:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – адекватная оценка достигнутых результатов 		
<ul style="list-style-type: none"> – высокая степень объективности при оценке собственных достигнутых результатов; способность увидеть собственные ошибки, предложить пути их исправления, уверенность в своих способностях 	<ul style="list-style-type: none"> – слегка завышенная или заниженная самооценка; слабо выраженная способность к рефлексии 	<ul style="list-style-type: none"> – неадекватная самооценка, отсутствие объективности в самоанализе деятельности

В качестве комплекса оценочных средств могут выступать: педагогическое наблюдение – в целях выявления уровня сформированности мотивационного компонента компетенции, устный опрос и система тестовых заданий (или контрольных вопросов) многоуровневой сложности – для выявления уровня сформированности когнитивного компонента компетенции, отчет по лабораторной работе (в письменном виде), обсуждение результатов работы (устная защита) – для выявления деятельностного и рефлексивного компонентов [3]. Для повышения уровня мотивации, активного участия обучающихся в исследовательской работе целесообразно использовать балльно-рейтинговую систему. Поскольку каждый обучаемый оценивается как за результат выполнения работы, так и за теоретическую подготовку к нему, а также самостоятельность при выполнении индивидуальных заданий, активность и

инициативность, за проявленные лидерские качества (принцип состязательности), то они будут иметь возможность повысить свой рейтинг.

Дальнейшее последовательное освоение всей системы взаимосвязанных лабораторных работ обеспечит обобщение и объединение уже имеющихся знаний, умений, навыков, способностей с новыми, перенос их в иные нестандартные ситуации, дальнейшее осмысление и применение их в практической инженерной деятельности.

Выводы

В современных условиях подготовка квалифицированного специалиста, обладающего высоким уровнем компетентности – главная цель высшего технического образования. Будущие инженеры должны быстро осваивать все новое, активно вести познавательную деятельность, иметь внутреннюю мотивацию, эффективно справляться с проблемными ситуациями, постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться. Обладание вышеуказанными качествами возможно при сформированной профессиональной компетентности будущего инженера.

Повысить уровень сформированности профессиональной компетентности специалиста СРС в рамках лабораторного практикума по физике представляется возможным через современные принципы организации практикума, обновленное содержание и методы обучения при созданных специальных условиях. Предложенная педагогическая технология направлена на вовлечение обучающихся в активную работу поисково-исследовательского характера, на развитие их внимания, воображения, логического и технического мышления, на формирование способности решать нестандартные задачи, выдвигать гипотезы, искать их подтверждение или опровержение и другие.

Достижение профессиональной компетентности позволит будущему специалисту в своей дальнейшей инженерной деятельности проявлять не только высокое профессиональное мастерство, но и личностную зрелость.

Литература

1. Алексеенко А.Е., Алексеенко А.В. «Натурно-виртуальная» лаборатория по физике для инженерно-технических специальностей // Наука сегодня: реальность и перспективы: Материалы межд. научно-практич. конф. 2017. С. 115–118.
2. Галиахметова А.Т., Андреева Е.А. Компетентностно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам в вузе // Инновационная наука. 2016. № 9 (21). С. 304–306.
3. Гусейнова Е.Л. Компоненты эффективности сформированности профессиональных компетенций у студентов вузов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 50–58.
4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 11.08.2016 № 1019 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 11.05.02 Специальные радиотехнические системы (уровень специалитета)».
5. Прокопенко В.С. Альтернативная концепция физического лабораторного практикума и ее реализация в педагогическом вузе // Электронный научный журнал. 2016. № 4 (7). С. 341–355.
6. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002. 396 с.
7. Ранних В.Н. Роль виртуального лабораторного практикума в улучшении когнитивных и мотивационных показателей обучения в вузе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4–2. С. 205–210.
8. Старикова Л.Д., Касьянова Ю.С. Методика профессионального обучения: Практикум. Екатеринбург, 2013. 131 с.

References

1. Alekseenko A.E., Alekseenko A.V. "Naturally-virtual" laboratory on physics for engineering specialty. *Nauka segodnia: real'nost' i perspektivy: materialy mezhd. nauchno-practich. konf.* [Science today: reality and prospects], 2017, pp. 115–118.
2. Galiahetova A.T., Andreeva E.A. Competence-activity approach to the teaching of foreign languages in University. *Innovacionnaia nauka* [Innovative science], 2016, no. 9 (21), pp. 304–306.
3. Guseinova E.L. Components of effectiveness of student's competence generation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2014, no. 5, pp. 50–58.
4. *Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 11.08.2016 № 1019 "Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniia po special'nosti 11.05.02 Special'nye radiotekhnicheskie sistemy (uroven' specialiteta)"* [The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 8/11/2016 no. 1019 "About the approval of the federal state educational standard of the higher education in 11.05.02 Special radio engineering systems"].
5. Prokopenko V.S. Alternative concept of physical laboratory practical work and its realization in a pedagogical University. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Online scientific magazine], 2016, no. 4 (7), pp. 341–355.
6. Raven Dzh. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyivlenie, razvitie i realizaciia* [Competence in modern society: its identification, development and release]. Moscow, 2002. 396 p.
7. Rannih V.N. Role of virtual laboratory workshops in improving cognitive and motivational training in high school indicators. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Tula state University. Humanities], 2014, no. 4–2, pp. 205–210.
8. Starikova L.D., Kas'ianova Iu.S. *Metodika professional'nogo obucheniia: praktikum* [Methodology of professional training: practical course]. Yekaterinburg, 2013. 131 p.

Примечание: работа выполнена под руководством кандидата физико-математических наук, доцента И.В. Костина.

Алексеенко А.Е. Формирование профессиональной компетентности специалистов инженерно-технического профиля в условиях лабораторного практикума по физике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 150–160.

For citation: Alekseenko A.E. Formation of professional competence of technical experts within laboratory session on physics. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 150–160.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-23
УДК 372.881.111.1

© Вепрева Т.Б., 2017

Вепрева Татьяна Борисовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Северный Арктический федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)
E-mail: vepreva.t.b@mail.ru

Vepreva Tatiana Borisovna

PhD in Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Northern (Arctic) Federal
University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
E-mail: vepreva.t.b@mail.ru

**РАСШИРЕНИЕ ВОКАБУЛЯРА
МАГИСТРАНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ
ПРИ ПОМОЩИ ОНЛАЙН
РЕСУРСОВ**

**VOCABULARY GROWTH OF
MASTER STUDENTS OF NON-
LINGUISTIC AREAS USING
ONLINE RESOURCES**

Аннотация. В статье рассматривается процесс обучения магистрантов английскому языку, описываются противоречия, снижающие результаты обучения. Автор проводит тесную связь между уровнем коммуникативной компетенции магистрантов и ограниченным объемом их словарного запаса, а также демонстрирует онлайн ресурсы, позволяющие его увеличивать и совершенствовать.

Abstract. The article discusses the process of teaching English to Master students and highlights some contradictions reducing good progress. The author makes close connection between communicative competence and limited vocabulary and provides online resources for enlarging and mastering lexis.

Ключевые слова: словарный запас, английский язык, магистранты, онлайн ресурсы

Keywords: vocabulary, English, Master students, online resources

Введение

Переход России на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат – магистратура) призван, главным образом, повысить конкурентоспособность и востребованность российского образования на мировом уровне, увеличить мобильность студентов, преподавателей и исследователей, а также развить сотрудничество в области науки.

Вместе с тем данный процесс выявил недостатки в организации преподавания некоторых дисциплин. Так, например, бакалавры неязыковых направлений подготовки Северного Арктического Федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) занимаются иностранным языком на 1 и 2 году обучения. В течение двух последующих лет занятия иностранным языком в учебном плане не предусмотрены. В магистратуре изучение иностранного языка возобновляется и проводится в 1 и 2 семестрах. Преподаватели, таким образом, сталкиваются с проблемой остаточных знаний магистрантов 1 курса, поскольку в течение так называемого «gap периода» языком занимаются лишь единицы. Анализ современного состояния обучения иностранным языкам студентов неязыковых направлений подготовки показал, что имеющийся уровень владения языком не позволяет многим магистрантам осуществлять полноценную коммуникацию.

Основной целью освоения дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» в магистратуре является повышение исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования и формирование у магистрантов иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык в процессе устного и письменного межкультурного общения для решения профессиональных задач. Для изучения дисциплины необходим уровень коммуникативной компетенции не ниже А2. Конечной целью курса предполагается овладение иностранным языком на уровне В1–В2 (по Общеввропейской шкале уровней владения иностранными языками).

Понятно, что во время аудиторных занятий сложно достичь цели освоения дисциплины, что определяет поиск приемов и средств обучения, позволяющих преодолеть связанные с этим трудности.

Итак, наблюдается ряд противоречий, снижающих результаты обучения магистрантов иностранным языкам:

- противоречие между постоянно возрастающим спросом на профессионалов, свободно владеющих иностранными языками, со стороны общества и работодателей и качеством их подготовки;
- противоречие между требованиями ФГОС ВО и малым количеством аудиторных часов, отводимых на изучение иностранного языка в магистратуре (из 216 часов на курс 64 часа аудиторных занятий);
- противоречие между желанием коммуникации в профессиональной сфере и ограниченным объемом словарного запаса.

Одним из решений вышеназванных противоречий является выявление и презентация магистрантам онлайн ресурсов, позволяющих автономно формировать, расширять и актуализировать свой словарный запас.

В обучении студентов неязыковых направлений подготовки иностранным языкам существенная роль принадлежит лексике. Даже зная основные правила грамматики или структуру предложения, невозможно выразить свою мысль и заполнить эту структуру без знания слов. Поэтому для поддержания коммуникативных навыков на должном уровне необходимо постоянно совершенствоваться и накапливать свой словарный запас.

Обучение магистрантов лексике имеет свои особенности:

- данная категория обучаемых уже знакома с языком, обладает определенными базовыми знаниями, полученными в школе или вузе;
- магистранты, как правило, работают. Из-за этого они более заняты, имеют меньше свободного времени и могут пропускать занятия;
- при недостатке лексики они четко осознают необходимость пополнения своего словарного запаса, что служит отличной мотивацией для обучения.

Задачей преподавателя, таким образом, будет являться актуализация и расширение имеющихся лексических умений и навыков путем более широкого применения в обучении современных средств мультимедиа.

Основная часть

Мир сегодня немыслим без использования новейших технологий, которые ежедневно меняются и совершенствуются. Современный преподаватель иностранного языка должен быть в курсе происходящих изменений и меняться вместе с ними. Он должен использовать в обучении все имеющиеся передовые технологии, внедрять их в процесс обучения, тестировать и отбирать лучшие. Преподаватель по-прежнему

должен объединять в себе пять ключевых ролей: учитель, создатель курса и поставщик материалов, соавтор, исследователь и эксперт [2, p.13].

Среди наиболее значимых преимуществ мультимедиа для увеличения вокабуляра можно выделить следующие:

- автономность;
- обучение в любое время и с любой скоростью;
- обучение в комфортной для себя среде;
- отсутствие боязни неправильного ответа (совершения ошибки);
- задействование как слухового, так и зрительного каналов восприятия информации;
- поддержание интереса;
- отсутствие монотонности;
- разнообразие заданий;
- вовлечение магистрантов в процесс обучения.

К счастью, в распоряжении преподавателя находится огромное количество разнообразных мультимедийных программ для обучения лексике, позволяющих активизировать этот процесс и облегчить работу преподавателя. Перед тем как рекомендовать магистрантам те или иные ресурсы для самостоятельных занятий следовало изучить их и отобрать наиболее эффективные. При отборе использовались следующие критерии:

- аутентичность;
- автор контента;
- надежность информации;
- критерии отбора ресурсов;
- языковая сложность материала;
- актуальность информации;
- дизайн.

В результате отбора был сформирован список онлайн ресурсов, отвечающих вышеуказанным требованиям.

1. BBC Learning English

BBC Learning English [1] является подразделением службы BBC и, начиная с 1943 года, предоставляет свободный доступ к аудио-, видео- и текстовым материалам желающим изучать и совершенствовать английский язык во всем мире. В настоящее время представлена бета версия сайта, это означает, что работа над ним продолжается и материалы постоянно обновляются и дополняются. Ресурс предлагает целый ряд курсов, дифференцированных по уровню сложности. Обучаемый имеет возможность выбрать курс или часть его по своему усмотрению или следовать рекомендациям разработчиков. Все курсы содержат аутентичные, современные медиа тексты, помогающие совершенствовать английский язык. Имеется возможность работать с материалом не только с компьютера, но и планшета и мобильного телефона.

Для актуализации своих знаний можно порекомендовать курс English You Need, состоящий из 5 разделов:

- 1) предлагает советы для изучения языка и сдачи экзаменов;
- 2) демонстрирует возможности использования языка новостных заголовков в повседневной жизни;
- 3) дает ответы на вопросы обучаемых об английском языке;
- 4) приводит интересные методы и приемы обучения языку;
- 5) отрабатывает произношение ключевого слова из раздела News.

Если магистранты готовы заниматься вместе с друзьями или членами своей семьи, то курс *The Learning Circles* – это самый подходящий вариант. Курс состоит из двенадцати занятий, в течение которых обучаемые знакомятся с новыми словами при помощи флеш карт, смотрят и обсуждают видео о повседневной жизни, обсуждают решение проблем, запоминают полезные фразы и закрепляют изученное в виде игр. Важным моментом является тот факт, что один из участников принимает на себя роль лидера группы и, получив соответствующие инструкции от разработчиков, организует учебу своей группы.

Программа *The English We Speak* за 3 минуты предлагает знакомство с самыми свежими английскими словами и фразами.

Программа *Lingohack* предназначена для тех, кто следит за новостями и желает пополнить свой словарный запас в этой области. 1 раз в неделю разработчики дают видеосводку новостей BBC и предлагают три ключевых слова или фразы. Данные слова объясняются и отрабатываются в упражнении. Для полного понимания приводится расшифровка новостей.

6 Minute English представляет собой аудиозапись актуальной дискуссии, исполненной дикторами BBC. В начале передачи перед слушателями ставится вопрос на какую-либо актуальную тему и приводятся варианты ответов. После прослушивания предлагается дать правильный ответ. В конце передачи демонстрируются 6 новых слов или фраз с дефинициями.

При наличии у магистрантов определенного количества свободного времени им можно порекомендовать выполнение полного курса по уровню языковой подготовки, например, для среднего уровня *Lower Intermediate/ Intermediate Course*. Он состоит из 30 юнитов, каждый из которых имеет определенную тему. В этой же тематике отрабатывается не только лексика, но и грамматика и произношение. Совершенствование языковых навыков происходит при помощи таких рубрик как *6 Minute Grammar*, *6 Minute Vocabulary*, *News Report* and большого количества интерактивных заданий.

2. Macmillan Dictionary

Macmillan является признанным международным издательством, выпускающим энциклопедии, словари и справочники. *Macmillan English Dictionary* [3] был впервые опубликован в 2002 году. Настоящая версия словаря, размещенная в свободном доступе онлайн, содержит огромное количество информации о словах: британский и американский варианты произношения, полные дефиниции, примеры употребления, происхождение, коллокации, а также словарь синонимов и родственных слов согласно разным значениям. Помимо этого сайт предлагает дополнительные информационные ресурсы, связанные с вокабуляром: *BuzzWords* – слова и фразы, появившиеся за последнее время; *Word of the Day* – слово дня; *Phrase of the Week* – фраза недели; *Words in the News* – слова в новостях; *Play* – игры на закрепление лексики; *Video* – объяснение лексики.

3. Thesaurus.com

Thesaurus.com [6] является одним из лидеров цифровых словарей в мире, он был основан в 1995 году. Информация, представленная на сайте, основывается на *Random House Unabridged Dictionary*. Словарь дает произношение, написание, дефиниции слова, позволяет отфильтровать слово по его релевантности или алфавиту, сложности, количеству букв, стилю. Приводит антонимы, слова, тематически связанные с искомым словом, коллокации, происхождение слова, его историю развития, примеры употребления в предложениях. Данный ресурс также предлагает переводчик, рубрику *a Word of the Day* – слово дня, решатель кроссвордов и другие мате-

риалы, способные заинтересовать человека, стремящегося расширить свой вокабуляр.

4. OneLook

OneLook® Dictionary Search [4] – это бесплатный сервис, созданный и поддерживаемый Datamuse с 1996 года. Дефиниции слов находящиеся в словаре получены главным образом из базы Принстонского университета WordNet, данных американского статистического бюро и Википедии.

Словарь содержит 18955870 слов в 1061 словарях. Дружественный интерфейс, быстрая навигация по сайту. Для нахождения дефиниции слова следует ввести его в поисковой строке, выбрав вкладку Find definitions. Поисковый сервер мгновенно дает ссылки на словари, где есть определение искомого слова. На главной странице можно прослушать варианты произношения, узнать краткое значение и происхождение слова. Приводятся синонимы, примеры употребления, коллокации, рифмующиеся слова.

5. Visuwords

Visuwords™ [7] использует базу WordNet Принстонского университета в комбинации с инструментом визуализации и пользовательским интерфейсом. Современный графический он-лайн-словарь визуализирует слова в виде связей, напоминающих нейронную сеть; определяет части речи и их сочетаемость, дает дефиницию; указывает гиперонимы – слова с более широким значением, и гипонимы – слова с более узким значением; помогает представить все связи слова при помощи цвета и графиков.

6. Ozdic.com

Ozdic.com [4] – онлайн-словарь коллокаций английского языка. Главная страница сайта представляет собой строку ввода слова. После ввода требуемого слова на экране появляются сочетания слова с разными частями речи. Для многозначных слов приводятся дефиниции. Интерфейс дружественный, выполнен в цвете. К сожалению, отсутствует информация о владельце данного ресурса, однако есть вкладка Donate, где команда разработчиков делится своими планами о совершенствовании сайта и приветствует любые пожертвования. В целом ресурс достаточно удобен для расширения знаний о конкретном слове и его окружении.

7. Vocabulary.co.il

Vocabulary.co.il [8] – это игровой сайт, посвященный лексике. Разработчик сайта – небольшая семейная компания Vkidz, которая ведет его с 2006 года. В настоящее время на сайте представлено более 100 различных игр на формирование лексических навыков, таких как игры на аналогию, части речи, суффиксы, приставки, антонимы, синонимы, корни, слоги, идиомы и прочее. Более того, некоторые игры предваряют описание лексического термина и видеоролик с его объяснением. Данный способ расширения словарного запаса отлично мотивирует не только детей, но и взрослых и позволяет легко и непринужденно совершенствовать языковые навыки.

Выводы

Таким образом мы видим, что в настоящее время имеется большое количество онлайн ресурсов, способных вызвать интерес к изучению слов и делать это систематически и планомерно. Представленные ресурсы позволяют магистрантам неязыковых направлений подготовки быстро восполнить и увеличить свой словарный запас, что в свою очередь повысит уровень владения иностранным языком и облегчит коммуникацию в профессиональной сфере.

Литература

1. BBC Learning English. URL: <http://www.bbc.co.uk/learningenglish/english>
2. Dudley-Evans T., St John M.J. *Developments in English for Specific Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
3. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
4. OneLook. URL: <http://onelook.com/>
5. Ozdic.com. URL: <http://www.ozdic.com/>
6. Thesaurus.com. URL: <http://www.thesaurus.com/>
7. Visuwords. URL: <https://visuwords.com/>
8. Vocabulary.co.il. URL: <http://www.vocabulary.co.il/>

References

1. *BBC Learning English*. Available at: <http://www.bbc.co.uk/learningenglish/english>
2. Dudley-Evans T., St John M.J. *Developments in English for Specific Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
3. *Macmillan Dictionary*. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
4. *OneLook*. Available at: <http://onelook.com/>
5. *Ozdic.com*. Available at: <http://www.ozdic.com/>
6. *Thesaurus.com*. Available at: <http://www.thesaurus.com/>
7. *Visuwords*. Available at: <https://visuwords.com/>
8. *Vocabulary.co.il*. Available at: <http://www.vocabulary.co.il/>

Вепрева Т.Б. Расширение вокабуляра магистрантов неязыковых направлений подготовки при помощи онлайн ресурсов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 161–166.

For citation: Vepreva T.B. Vocabulary growth of master students of non-linguistic areas using online resources. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 161–166.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-24
УДК 37.013.42

© Гуцинская М.В., 2017

Гуцинская Марианна Вячеславовна
Логопед,
Государственное бюджетное учреждение
Центр досуга и спорта «СОЦ-ИН»
(Москва, Россия)
E-mail: maridnp@mail.ru

Gushchinskaya Marianna Vyachaslavovna
Speech therapist,
State budgetary institution Center
of sports and leisure time "SOC-IN"
(Moscow, Russia)
E-mail: maridnp@mail.ru

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ
ШКОЛЬНИКОВ С
ПРЕДИКТОРАМИ
РЕГУЛЯТОРНОЙ И ЗРИТЕЛЬНО-
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ДИСГРАФИИ**

**PREVENTIVE SYSTEM
OF TEACHING WRITING
TO STUDENTS WITH PREDICTORS
OF REGULATORY
AND VISUAL-SPATIAL
DYSGRAPHIA**

Аннотация. В данной статье автор рассматривает вопрос профилактики дисграфических расстройств у школьников, имеющих неярко выраженные отклонения в развитии. Приводятся результаты апробации профилактической системы обучения письму детей младшего школьного возраста, имеющих предикторы зрительно-пространственной и регуляторной дисграфии.

Abstract. This article discusses the prevention of dysgraphics disorders in students with softly pronounced abnormalities. The results of testing the preventive system of teaching writing to children of primary school age with predictors of visual-spatial and regulatory dysgraphia are provided.

Ключевые слова: графо-моторный навык письма, педагогические условия, формирование графо-моторного навыка письма, регуляторная дисграфия, зрительно-пространственная дисграфия, предикторы дисграфии, базовые функциональные компоненты письма, неярко выраженные отклонения в развитии

Keywords: grafo-motor skill of writing, pedagogical conditions, the formation of grafo-motor skill of writing, regulatory dysgraphia, visual-spatial dysgraphia, dysgraphia predictors, the basic functional components letters, softly expressed deviations in development

Введение

Нарушения письма являются наиболее распространенной формой речевой патологии у учащихся начальных классов общеобразовательной школы и, по данным разных авторов, становятся причиной неуспеваемости у 10–30 % младших школьников, что создает существенные препятствия в освоении учебной программы по родному языку и приводят к стойким трудностям обучения и специфическим расстройствам письма [2], [8], [9], [13].

Неравномерность развития отдельных областей мозга и индивидуальные особенности развития ребенка очевидно влияют на процесс становления операций по переработке слуховой, кинестетической, зрительной и зрительно-пространственной информации, серийной организации движений. Ряд авторов отмечают, что каждый из перечисленных составляющих входит в состав системы письма, поэтому нарушение

любого из них сказывается не только на данном процессе, но и на ряде других высших психических функций [11], [15], [16].

Однако в рамках этого направления недостаточно четко обозначен основной компонент: произвольная регуляция деятельности, при несформированности которой, как следствие, нарушаются все звенья: восприятие, создание стратегии и выполнение сложных программ; при графомоторной реализации возникает инертность действий, трудности самоконтроля и самокоррекции [1], [10], [15]. Это позволяет с большой степенью вероятности прогнозировать у современного контингента детей формирование дисграфических нарушений регуляторного характера. Другой не менее значимой операциональной частью при освоении графомоторного навыка, является *зрительно-пространственная* [8]. Уровень развития пространственно-временных модусов – один из важнейших показателей готовности ребенка к школьному обучению. В случае недоразвития возникают трудности восприятия и актуализации образа букв, имеющих пространственно-ориентированную конфигурацию [17, р. 64]. Таким образом, в настоящее время с одной стороны отмечается тенденция к увеличению числа детей, чье развитие не укладывается в среднестатистические возрастные показатели, с другой – недостаточно разработан междисциплинарный подход в системе построения дидактического материала для обучения письму с учетом имеющейся внутригрупповой дисперсии. Таким образом, предупреждение нарушений на начальном этапе обучения является одним из актуальных вопросов теоретической и практической логопедии.

Основная часть

В процессе формирования первоначального графо-моторного навыка целесообразно использование методических приемов, педагогических условий, учитывающих особенности базовых функциональных предпосылок регуляторного и зрительно-пространственного характера у современного контингента школьников.

Целью нашего исследования была разработка и апробация профилактической системы обучения письму (далее – ПСОП) для детей младшего школьного возраста, имеющих неярко выраженные отклонения в развитии, имеющих предикторы регуляторной и зрительно-пространственной дисграфии.

Предмет: профилактика и коррекция зрительно-пространственной и регуляторной дисграфии на уроках грамоты.

Гипотеза: мы полагаем, что использование ПСОП позволит предупредить и скорректировать дисграфические нарушения, связанные с нестабильностью базовых функциональных компонентов письма и заложить основы грамотной письменной речи.

В соответствии с целью, предметом и гипотезой были поставлены задачи:

1. Создать педагогические условия освоения графомоторного навыка письма, позволяющие учесть недостаточную сформированность произвольной регуляции действий и пространственных трудностей.

2. На основании формулы, выведенной в ходе пилотного этапа констатирующего эксперимента [5], [6], проверить эффективность применения авторской системы с детьми, имеющими предикторы изучаемых видов дисграфий. С нашей точки зрения, решение этой проблемы имеет не только прикладное, но и большое теоретическое значение, позволяя изучить становление данного процесса при разных вариантах отработки графомоторного умения.

3. Применяя статистические методы обработки полученных данных, выявить отличия частоты появления дисграфических ошибок у учеников, обучающихся по профилактической и по традиционной методике.

В исследовании участвовало 60 детей первых классов. Для сопоставительного анализа школьники были разделены на две группы. Первая контрольная (К-1) включала 30 учеников, обучавшихся по предложенной авторами программе, вторая экспериментальная (Э-2) – 30 человек – по стандартным прописям [4].

На начальном этапе дети не обладали умениями письма. Сходство групп определялась по их готовности к усвоению этих навыков с помощью батареи тестов: «Корректурная проба», «Графические заборы» и «Копирование фигуры» [6], [7].

Для экспериментального класса в разработке методических рекомендаций и дидактического материала учитывались следующие педагогические условия:

- использование нами буквенного конструктора, состоящего из **двух** базовых линий [14]. Детям со снижением регуляторных и зрительно-пространственных функций минимальное количество структурных компонентов букв в значительной степени упрощает процесс анализа и синтеза;

- применение простой схемы построения символа и речевой регуляции действия. Формируется межсенсорная интеграция слухового, зрительного, двигательного и речедвигательного компонентов графомоторной деятельности, что облегчает управление и контроль движениями, как при написании отдельной буквы, так и в сочетании (слоги, слова, словосочетания, предложения);

- реализация ритмизации за счет равных соотношений между пространственными (элементарная линия) и временными (проговаривание этих отрезков). Организуется плавность, равномерность письма в соответствии с этапом формирования;

- минимизация количества заданных опорных точек (**от**) и простота определения проектируемых (**пот**) (середина отрезка). Тем самым для ребенка создается условие для облегченного варианта зрительно-пространственной координации действия, упрощается топологическая схема буквы;

- усвоение интервальной (горизонтальной с последующим переносом руки в вертикальную плоскость: с отрывом пера от листа бумаги) траектории движений при письме с четкой фиксацией точек ее начала и конца. Формируется более экономичный тип соединений буквоэлементов, букв, четкость образов букв и, в дальнейшем, разборчивость почерка [3];

- применение приема масштабирования. Облегчает зрительно-двигательный коррекционный контроль при построении буквы на начальных этапах.

Для проведения процедуры сравнения результатов исследования были построены гистограммы плотности распределения количества дисграфических нарушений обеих групп (карман равен «7») в конце 1-го года обучения (рис. 1) и в начале 2-го года обучения (рис. 2).

Также определялись значения статистических параметров: среднее, стандартное отклонение, минимальное и максимальное значения дисграфических нарушений (ДН) на 1000 знаков (букв) по классам и эмпирическое значение параметра Вилкоксона-Манна-Уитни ($W_{эмп}$) (см. таблицу).

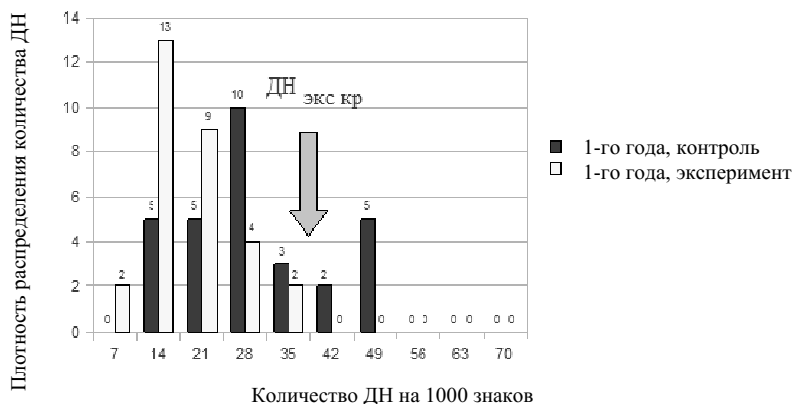

Рис. 1. Гистограммы плотности распределения количества ДН (карман равен 7)

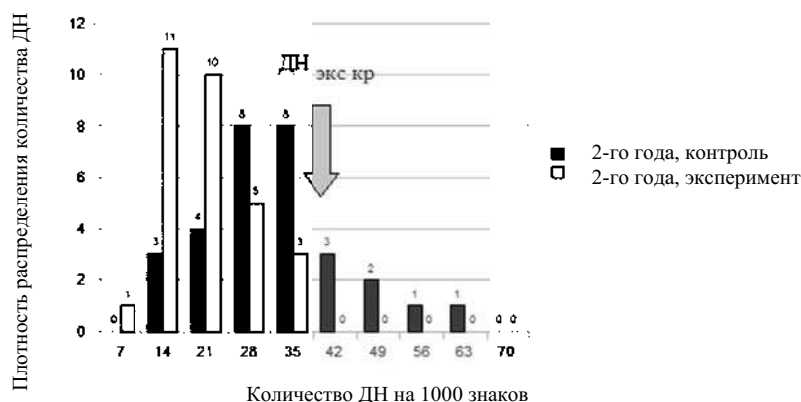

Рис. 2. Гистограммы плотности распределения количества ДН (карман равен 7)

Таблица

Результаты статистической обработки ДН контрольного и экспериментального классов для всех участников, количество ошибок на 1000 знаков *

	Конец 1-го года обучения	
	Группа К-1	Группа Э-2
1	2	3
Среднее ($ДН_{ср}$)	26,5	16,4
СТО	11,2	7,3
Максимальное значение ($ДН_{max}$)	48	33
Минимальное значение ($ДН_{min}$)	11	6
Критерий В-М-У ($W_{экс}$)	3,5	

* 1000 знаков – опорная величина, которая используется при подсчете зрительно-пространственных и регуляторных нарушений при анализе текстов учащихся контрольной и экспериментальной групп.

1	2	3
	Начало 2-го года обучения	
Среднее ($ДН_{ср}$)	29	16,8
СТО	11,5	6,8
Максимальное значение ($ДН_{max}$)	58	33
Минимальное значение ($ДН_{min}$)	12	7
Критерий В-М-У ($W_{экс}$)	4,12	

Так как все эмпирические $W_{эмп}$ существенно больше критического значения ($W_{0,05} = 1,96$), то средние значения всех параметров прогностической батареи тестов [6] в соответствии с отрицанием нулевой гипотезой сравниваемых классов отличаются с уровнем значимости 0,95 [12]. Поэтому можно утверждать, что в конце 1-го года обучения $ДН_{ср}$ экспериментального класса в 1,6 раза меньше, чем $ДН_{ср}$ контрольного класса, а в начале 2-го года обучения $ДН_{ср}$ экспериментального класса в 1,7 раза меньше, чем $ДН_{ср}$ контрольного класса.

Выводы

Таким образом основная цель была успешно достигнута и высокая эффективность предложенной профилактической системы доказана. Более того – даже наилучший случай в экспериментальном классе (Э-2) имеет $ДН_{экс} = 33$, что меньше критического значения по стандартной методике, которое равно «35». Уже этот результат позволяет сделать обоснованный вывод, что количество дисграфических ошибок изучаемых типов всех учащихся Э-2 (в том числе и детей «группы риска») соответствуют «условной норме» контрольной группы (К-1).

Все вышесказанное дает возможность резюмировать: применение в процессе первоначального формирования графо-моторного навыка письма авторской программы в значительной степени обеспечивает профилактику зрительно-пространственной и регуляторной дисграфии детей с предикторами этих нарушений.

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Трудности письма и их нейропсихологическая диагностика // Письмо и чтение: трудности обучения и коррекция. М., 2001. С. 7–20.
2. Безруких М.М. Здоровьесберегающая школа. М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. 240 с.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. С. 373–392.
4. Горецкий В.Г. Дидактический материал к урокам обучения грамоте. М.: Просвещение, 1984. 63 с.
5. Гуцинская М.В. Профилактика дисграфии у учащихся начальных классов общеобразовательных школ // Педагогика: научно-методический журнал РАО, доп. вып., сентябрь, 2012. С. 71–77.
6. Гуцинская М.В., Екжанова Е.А. Экспериментальное изучение предикторов регуляторных и зрительно-пространственных дисграфических нарушений у младших школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №1. С. 50–59.
7. Екжанова Е.А. Диагностико-прогностический скрининг на начальных этапах обучения. М.: Дейтон, 2000. 60 с.
8. Иншакова О.Б. Отражение зрительно-пространственных трудностей в письме первоклассников // Ранняя диагностика, профилактика и коррекция нарушений письма и чтения. М.: МГСИ, 2006. с.44–49.

9. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб.: МиМ, 1997. 286 с.
10. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Педагогическое общество России, 2002. 160 с.
11. Лурия А.Р. Письмо и речь: нейропсихологические исследования. М.: Академия, 2002. 352 с.
12. Минзов А.С. Эконометрика. М.: МФА, 2001. 54 с.
13. Прищепова И.В. Речевое развитие младших школьников. СПб.: КАРО, 2008. 160 с.
14. Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ № 2007614465 «Текстовый редактор, моделирующий кириллический рукописный текст (Программа Hwriter)». Автор(ы): Андреев Александр Ярославич(RU), Гушинская Марианна Вячеславовна(RU).
15. Семенова О. В., Мачинская Р. И., Ахутина Т. В., Крупская Е. В. Мозговые механизмы произвольной регуляции деятельности и формирование навыка письма у детей 7–8 лет // Физиология человека. 2001. Т. 27. №4. С. 23–30.
16. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. М., 2000. 299 с.
17. Graham S., Harris K.R. Preventing Writing Difficulties: Providing Additional Handwriting and Spelling Instruction to At Risk Children in First Grade // Teaching Exceptional Children. May/June. 2006. Vol. 38. Issue 5.

References

1. Ahutina T.V., Pylaeva N.M. Trudnosti pis'ma i ih neiropsihologicheskaja diagnostika [Difficulties of writing and their neuropsychological diagnostics]. *Pis'mo i chtenie: trudnosti obucheniia i korrekciia* [Letter and reading: learning difficulties and correction]. Moscow, 2001, pp.7–20.
2. Bezrukih M.M. *Zdorov'esberegaiushhaia shkola* [Health-saving school]. Moscow, 2004. 240 p.
3. Bernshtein N.A. *Fiziologija dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow, 1990, pp. 373–392.
4. Goreckii V.G. *Didakticheskii material k urokam obucheniia gramote: Posobie dlia uchashhihsia* [Didactic material for literacy lessons: a manual for students]. Moscow, 1984. 63 p.
5. Gushhinskaia M.V. Profilaktika disgrafii u uchashhihsia nachal'nyh shkol'nikov [Prophylaxis of dysgraphia in primary school pupils]. *Pedagogika: nauchno-metodicheskii zhurnal RAO* [Pedagogy: Scientific and Methodical Journal of the Russian Academy of Sciences], 2012, add. issue, September, pp. 71–77.
6. Gushhinskaia M.V., Ekzhanova E.A. Eksperimental'noe izuchenie prediktorov reguliruyemykh i zritel'no-prostranstvennykh disgraficheskikh narushenii u mladshih shkol'nikov [Experimental study of predictors of regulatory and visual-spatial dysgraphic disorders in younger schoolchildren]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2016, no. 1, pp. 50–59.
7. Ekzhanova E.A. *Diagnostiko-prognosticheskii skrining na nachal'nyh etapah obucheniia: Metodicheskoe posobie* [Diagnostic-prognostic screening at the initial stages of training: Methodical manual]. Moscow, 2000. 60 p.
8. Inshakova O.B. Otrazhenie zritel'no-prostranstvennykh trudnostei v pis'me pervoklassnikov [Reflection of visual and spatial difficulties in the letter of first-graders]. *Ranniaia diagnostika, profilaktika i korrekciia narushenii pis'ma i chteniia* [Early diagnosis, prevention and correction of violations of writing and reading]. Moscow, 2006, pp. 44–49.
9. Kornev A.N. *Narusheniia chteniia i pis'ma u detei* [Violations of reading and writing in children]. St Petersburg, 1997. 286 p.
10. Korsakova N.K., Mikadze Iu.V., Balashova E.Iu. *Neuspevaiushhie deti: neuropsihologicheskaja diagnostika trudnostei v obuchenii mladshih shkol'nikov* [Unsuccessful children: neuropsychological diagnosis of difficulties in teaching younger schoolchildren]. Moscow, 2002. 160 p.

11. Luriiia A.R. *Pis'mo i rech': Neiropsihologicheskie issledovaniia* [Writing and Speech: Neuropsychological Studies]. Moscow, 2002. 352 p.
12. Minzov A.S. *Ekonometrika* [Econometrics]. Moscow, 2001. 54 p.
13. Prishhepova I.V. *Rechevoe razvitie mladshih shkol'nikov* [Speech development of junior schoolchildren]. St Petersburg, 2008. 160 p.
14. *Svidetel'stvo ob oficial'noi registracii programmy dlia JeVM no 2007614465 «Tekstovyi redaktor, modeliruiushhii kirillicheskie rukopisnyi tekst (Programma Hwriter)»*. Avtor(y): Andreev Aleksandr Iaroslavich(RU), Gushhinskaia Marianna Viacheslavovna(RU) [Certificate of official registration of the computer program No. 2007614465 "Text editor modeling Cyrillic handwritten text (Hwriter program)". Author (s): Andreev Alexander Yaroslavich (RU), Guschinskaya Marianna Vyacheslavovna (RU)].
15. Semenova O.V., Machinskaia R.I., Ahutina T.V., Krupskaia E.V. *Mozgovyie mehanizmy proizvol'noi reguliacii deiatel'nosti i formirovanie navyka pis'ma u detei 7–8 let* [Brain Mechanisms of Arbitrary Regulation of Activity and Formation of a Writing Skill in Children 7-8 Years]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 2001, vol. 27, no. 4, pp. 23–30.
16. Cvetkova L.S. *Neiropsihologiya scheta, pis'ma i chteniia: narushenie i vosstanovlenie* [Neuropsychology accounts, letters and readings: violation and recovery]. Moscow, 2000. 299 p.
17. Graham S., Harris K.R. Preventing Writing Difficulties: Providing Additional Handwriting and Spelling Instruction to At Risk Children in First Grade. *Teaching Exceptional Children*, 2006, May/Jun, Vol. 38, Issue 5.

Гущинская М.В. Профилактическая система обучения письму школьников с предикторами регуляторной и зрительно-пространственной дисграфии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 167–173.

For citation: Gushchinskaya M.V. Preventive system of teaching writing to students with predictors of regulatory and visual-spatial dysgraphia. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 167–173.

Карпенко Анна Владимировна

Кандидат философских наук, доцент
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)
E-mail: annka1@list.ru

Karpenko Anna Vladimirovna

PhD in Philosophy Sciences,
Associate Professor,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University
(Simferopol, Russia)
E-mail: annka1@list.ru

**РОЛЬ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В
ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ
КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕ-
ТЕНЦИЙ**

**THE ROLE OF LINGVODIDACTICS
IN LANGUAGE COMMUNICATIVE
COMPETENCIES FORMATION**

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема межкультурной коммуникации, а именно: ее роль в формировании языковых коммуникативных компетенций на основе межкультурных знаний в контексте наиболее важных аспектов данной науки в ее связи с лингводидактикой. Исторический метод исследования позволил осуществить исторический анализ феномена межкультурной коммуникации, а также показать роль лингводидактики, сопоставляя наиболее актуальные аспекты прошлого и современности. Автор подчеркивает тот факт, что сегодня в обучении иностранным языкам языковая компонента доминирует над другими компонентами, в частности, культурной составляющей, и что, несмотря на ее важность в мультикультурном мире, ею пренебрегают. Этот факт побуждает к рассмотрению культурной компоненты и определению ее роли в процессе обучения.

Abstract. This article considers the problem of intercultural communication and its role in the formation of language communicative competences based on intercultural knowledge in the context of the most important aspects of this science and its interrelation with linguodidactics. The historical method of research has made it possible to carry out a historical analysis of the phenomenon of intercultural communication, and has demonstrated the role of linguodidactics, comparing the most topical aspects of the past and current studies. The author emphasizes the fact that today, in teaching foreign languages, the language component dominates over other components, in particular, the cultural one, and that, despite its importance in the multicultural world, the cultural component is unfortunately neglected. This fact has encouraged the consideration of the cultural component and the definition of its role in the learning process, taking into consideration the fact that today active and voluntary "interculturality" has become a source of mutual cultural enrichment, and involves the extraction of benefits from cultural differences.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, транскультурная и метакультурная компетенции, культурный код, культурное разнообразие, коммуникативные и межкультурные компетенции

Keywords: intercultural communication, transcultural and metacultural competence, cultural code, cultural diversity, communicative and intercultural competencies

Введение

На сегодняшний день наблюдается тенденция к расширению и углублению экономических, культурных и языковых контактов, что в свою очередь остро ставит вопрос об осознанном и активном развитии процессов межкультурной коммуникации и интегрировании культурной компоненты в лингводидактику. Происходящая сегодня смена парадигмы лингвистических исследований, которые приобретают все

более антропоцентрический и, в связи с этим, междисциплинарный характер, приводит к качественному изменению методики изучения иностранных языков [12, с. 2–5]. Во-первых, методика становится более содержательной и емкой. Во-вторых, она начинает вбирать в себя знания, связанные не только со структурными и функциональными особенностями изучаемых языков, но и с обширным кругом представлений о «человеческом факторе» в речевой коммуникации, о различных сферах и ситуациях общения, а также о социальных, социокультурных, межкультурных и прочих явлениях, отображающихся в коммуникативном поведении человека [13, с. 64–68], что, естественно, ставит данную проблему в ряд наиболее актуальных.

Кроме того, актуальность проблемы обуславливается необходимостью разработки и внедрения в учебный процесс различных стратегий и тактик межкультурного языкового обучения; отсутствием у преподавателей иностранного языка профессиональной подготовки для осуществления межкультурного языкового обучения; а также необходимостью переориентации языкового образования на образование межкультурное, которое основано на воспитании человека как субъекта национальной культуры и участника международного взаимодействия культур.

Характеризуя степень научной разработанности проблемы, следует отметить, что зарубежные и отечественные ученые в своих исследованиях также подчеркивают актуальность и приоритетность межкультурной компоненты языкового образования. Базовой наукой для лингводидактики является лингвистика, так как возникновение и эволюция новых методик непосредственно сопряжены с развитием и описанием языка [2, с. 23–41]. Как результат, лингвистическая наука имеет четко направленную стратегию исследований в области межкультурной коммуникации. Так, по мнению В. фон Гумбольдта, через многообразие языков нам открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем [5, с. 95–103].

С.Г. Тер-Минасова подробно разрабатывает проблемы международной, межкультурной коммуникации как аспекта науки о языке и культуре [14]. Другие российские ученые рассматривают проблемы межкультурной коммуникации сквозь призму лингвострановедения (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [1]) и лингвокультурологии (В.А. Маслова [10]). Ряд исследователей исследуют вопросы межкультурной коммуникации с точки зрения этнолингвистики (А.А. Леонтьев [8]) и психологии (Л.С. Выготский [3], А.А. Потебня [11], И.А. Зимняя [7]). Между тем, проблемы межкультурной лингводидактики исследованы, на наш взгляд, недостаточно глубоко и требуют дальнейшей разработки.

Объектом исследования является процесс обучения иностранному языку с опорой на межкультурную лингводидактику. Предметом – основы межкультурной лингводидактики.

Цель статьи – провести анализ лингводидактических принципов, опирающихся на межкультурную составляющую, обеспечивающую процесс формирования межкультурных коммуникативных компетенций обучающихся, в рамках межкультурного подхода.

Основная часть

Итак, лингводидактика развивалась, проходила различные этапы, начиная с традиционной классической методики (ее еще называют методикой грамматики и перевода), целью которой было научить читать и переводить литературные тексты, где устная составляющая отодвигалась на второй план, заканчивая так называемой «естественной методикой» конца XIX века, где обучение иностранным языкам проводилось так же, как и обучение родному языку. Обучающийся слушал устную речь, изучал не отдельные слова, вырванные из контекста, а слова, объединенные в тек-

сты, отображающие его обычную жизнь. Несмотря на определенные «революционные» идеи, эта методика и предшествовавшие ей, например так называемая «прямая методика», которая не основывалась ни на переводе, ни на заучивании, не получили дальнейшего развития. Их целью было поместить обучаемого в условия, схожие с обстоятельствами страны изучаемого языка. Активная методика была лишь компромиссом между прямыми и традиционными методиками.

Аудиооральная методика, а затем и аудиовизуальная были построены на принципе одновременного подключения зрительного и слухового каналов для восприятия языковой информации. Все они уступили место коммуникативному подходу, который развивается с 70-х годов прошлого века [19]. Сегодня, в зависимости от потребностей обучающихся, мы развиваем языковые коммуникативные компетенции, включающие лингвистические и экстралингвистические навыки, как вербальные, так и невербальные, практические знания кода и правил, психологические, социологические и культурные, дающие возможность их использования в соответствующих ситуациях.

Каждый раз перед началом процесса межкультурной коммуникации необходимо адаптировать языковые знания к конкретной ситуации, а именно: возраст собеседника, его социальный или религиозный статус, намерения, место коммуникации и т.д. Лингводидактики сравнивают процесс обучения иностранному языку с бегом через барьеры, которые нужно преодолеть, где главным является собственно сам язык как лингвистический конструкт и культура [9, с. 51–77]. Обучение языку сквозь призму культуры подразумевает усвоение определенных аспектов культуры, которые влияют на язык и поведение. Если язык оказывает влияние на наше поведение и восприятие вещей, то культура также неотделима от языка, его структуры, словаря, выражений и должна преподаваться одновременно с обучением языку.

Нас интересуют два главных направления: а) культурная и б) коммуникативная компетенции в обучении иностранному языку. Культурная компетенция – изучение культуры и цивилизации – приобретает сегодня различные наименования: культурные аспекты преподавания иностранных языков (Ж. Беакко [17]), кросс-культурные компетенции (Г. Баумграц-Гангл [15]), межкультурное образование (М. Претсей [16]).

Вторая ось – коммуникативная компетенция – остается фундаментальной в обучении иностранному языку специальности. В настоящее время можно утверждать, что мы не можем отделить язык от культуры; обучение культуре должно быть интегрировано в обучение языку и превзойдя ее уровень выйти за пределы культуры. Часто в обучении иностранным языкам языковая компонента остается доминирующей, тогда как другими компонентами культурной составляющей, несмотря на их важность в мультикультурном мире, по-прежнему пренебрегают. Эта проблема побуждает нас к рассмотрению культурной компоненты и определению ее роли в процессе обучения.

Французский лингвокультуролог К. Пюрен предлагает следующие компоненты культурной компетенции в хронологическом порядке их привилегированного статуса в истории развития лингводидактики [18, с. 55–71]:

- транскультурные – это универсальные ценности, общие для всего человечества;
- метакультурные – это знания, которые обучающийся должен приобрести в ходе обучения иностранному языку;
- межкультурными являются представления, знания, жизненные навыки, ноу-хау;
- мультикультурные обозначают способность жить гармонично в поликультурном обществе;

– со-культурные – это знания-концепты, которые помогают людям, принадлежащим к различным культурным кодам, жить и действовать сообща в долгосрочной перспективе.

Межкультурная компонента ведет обучающихся к обогащению знаний о повседневной жизни, получению межличностных навыков, приобретенных обучающимися в ходе их общения с представителями других культур, а также овладению навыками культурного посредничества. Чтобы лучше понять проблемы, связанные с межкультурной компонентой, мы проанализировали книги, предназначенные для постижения культуры страны изучаемого языка. Это позволяет утверждать, что до 1975 года при создании подобных учебников авторы руководствовались следующими подходами [6, с. 213–215]:

а) географический и исторический, который представляет частичную, искусственную и очень упрощенную информацию из-за ограниченных возможностей издательских домов;

б) сравнительный подход, который анализирует различие и сходство между культурой обучающегося и иной культурой;

в) социологическое описание, базирующееся на статистических данных, описывающих феномены экономической, политической, социальной жизни, очень часто необъективные;

г) антропологический подход, сконцентрированный на отношениях и поведении человека в обществе.

Следует отметить, что на сегодняшний день главные принципы составления учебников по изучению иностранных языков аналогичны принципам составления учебников, которые были актуальны еще двадцать лет назад. Так, в большинстве учебников и методик предлагаются сокращенные, стереотипные знания о культуре и обществе страны изучаемого языка.

Что же касается культурных знаний, то в современных учебниках можно выделить следующие категории [4, с. 2–7]:

а) коммуникация в культурном контексте: знания и умения того, что сказать и как сказать в различных социальных ситуациях, знание стилей, категорий, культурных кодов, их эквивалентность. Это относится как к вербальной, так и к невербальной коммуникации: жесты, мимика, язык тела и т.д.;

б) система ценностей: знать, что они думают и считают, каковы их ценности, как общие для всех народов, так и отличительные (например, выражение гостеприимства, доброты, уважения индивида и общества и т.д.);

в) социальные обычаи: знание закономерностей, отражающих поведение членов данной культуры, такие как ритуалы, традиции, социальная иерархия, отношения по признаку пола, возраста, группы, этнической принадлежности, способы написания различных типов текстов и т.д.;

г) социальные нормы: социальные механизмы, которые регулируются государством: институты религии, образования, организации науки и искусства и т.д.;

д) география и окружающая среда: географический подход к изучению регионов и территорий, отправная точка для изучения окружающей среды, экономики;

е) история: популяризация и осознание культурного наследия и цивилизации общества посредством исторической перспективы;

ж) искусство и литература: изучать и популяризировать художественное и литературное наследие и через его обретение развивать языковые навыки.

Так или иначе, преподавание языка сегодня включает в себя культурный компонент – «культурная компетентность» стала частью соответствующих языковых методик и учебных программ.

Выводы

Таким образом, глобализация и процессы межкультурной коммуникации выдвигают проблемы, решение которых может послужить источником взаимного культурного обогащения. Изначально на первое место лингводидактики выдвигали лингвистическую составляющую и пренебрегали другими компонентами культурного аспекта. В методиках преподавания культуры имелся социологический, географический, исторический, сравнительный и антропологический подходы, которые часто имели частичную информацию, были очень упрощены и не всегда объективны.

Уровень информированности о культурном разнообразии определил возможность приобщения к другим культурам, что является самой важной задачей в подготовке будущих специалистов, особенно учителей, которые в большинстве случаев не являются носителями языка и находятся со студентами в одном и том же культурном контексте.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров Е.М. Язык и культура. М.: Русский язык, 1983. 320 с.
2. Ворожцова И.Б. Основы лингводидактики. Ижевск: УГУ, 2007. 113 с.
3. Выготский Л.С. Мысль и слово. М.: Лабиринт, 1996. 362 с.
4. Гальскова Н.Д. Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты // ИЯШ, 2008. №5. С. 2–7.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
6. Дармилова С.В. Культурологические аспекты дидактической адаптации наглядности в процессе формирования языковой и межкультурной компетенции. Пятигорск, 2008. С. 213–215.
7. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 218 с.
8. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М: Красанд, 2010. 216 с.
9. Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология // Учеб. пособие для студентов ВУЗов. М.: Академия, 2001. 208 с.
11. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
12. Серебрякова Ю.А. Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры // Вестник БГУ. 2012. Вып. 6. С.217–222.
13. Суворова С.Л. Современное языковое образование с позиций межкультурной лингводидактики // Вестник ЮУГУ. 2014. Т.6. № 3. С. 64–68.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Московский университет, 2004. 352 с.
15. Трифонова С.А. Кросс-культурная психология: социальное поведение и рекламные коммуникации. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 116 с.
16. Abdallah-Preteuille M. Apprendre une langue, apprendre une culture // Cultures pédagogiques. №360. Paris, Janvier 1998. P. 48–50.
17. Beacco J.C. Qu'est-ce que l'éducation plurilingue? // Le français dans le monde. Janvier-fevrier. 2008. №355. P. 40–41.
18. Puren C. Perspectives actionnelles et perspectives culturelles en Didactique des Langues-Cultures: vers une perspective co-actionnelle co-culturelle. Les Langues Modernes. Paris, Nathan. 2002. №3. P. 55–71.
19. Seara A.R. L'évolution des méthodologies dans l'enseignement du français langue étrangère depuis la méthodologie traditionnelle jusqu'à nos jours. Source électronique // URL: http://www.uned.es/catudela/revista/n001/art_8.htm.

References

1. Vereshhagin E.M., Kostomarov E.M. *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow, 1983. 320 p.
2. Vorozhzcova I.B. *Osnovy lingvodidaktiki* [Basics of Linguodidactics]. Izhevsk, 2007. 113 p.
3. Vygotskii L.S. *Mysl' i slovo* [Thought and Word]. Moscow, 1996. 362 p.
4. Gal'skova N.D. *Obrazovanie v oblasti inostrannyh iazykov: novyye vyzovy i priorityty* [Education in the field of foreign languages: new challenges and priorities]. *Inostrannyye iazyki v shkole* [Foreign language at school], 2008, no. 5, pp. 2–7.
5. Gumbol'dt V. fon. *Iazyk i filosofiia kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, 1985. 448 p.
6. Darmilova S.V. *Kul'turologicheskie aspekty didakticheskoi adaptatsii nagliadnosti v processe formirovaniia iazykovoi i mezhkul'turnoi kompetentsii* [Cultural aspects of the didactic adaptation of visualization in the process of the formation of linguistic and intercultural competence]. Pyatigorsk, 2008, pp. 213–215.
7. Zimniaia I.A. *Psihologiia obucheniia nerodnomu iazyku* [Foreign Language learning Psychology]. Moscow, 1989. 218 p.
8. Leont'ev A.A. *Iazyk, rech', rechevaia deiatel'nost'* [Language, Speech, Speech activity]. Moscow, 2010. 216 p.
9. Makovskii M.M. *Lingvisticheskaiia kombinatorika. Opyt topologicheskoi stratifikatsii iazykovykh struktur* [Linguistic combinatorics. Experience of topological stratification of language structure]. Moscow, 2006. 232 p.
10. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiia* [Cultural Linguistics]. Moscow, 2001. 208 p.
11. Potebnia A.A. *Mysl' i iazyk* [Thought and Language]. Moscow, 1999. 300 p.
12. Serebriakova Ju.A. *Vzaimodeistvie nacional'nogo samosoznaniia i nacional'noi kul'tury* [Interaction of national Identity and national Culture]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 6, pp. 217–222.
13. Suvorova S.L. *Sovremennoe iazykovoe obrazovanie s pozitsii mezhkul'turnoi lingvodidaktiki* [Modern language education from the perspective of intercultural didactics]. *Vestnik Yuzhno Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2014, vol. 6, no. 3, pp. 64–68.
14. Ter-Minasova S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikaciia* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2004. 352 p.
15. Trifonova S.A. *Kross-kul'turnaia psihologiia: social'noe povedenie i reklamnyie kommunikatsii* [Cross-cultural psychology: social behavior and advertising communications]. Yaroslavl, 2010. 116 p.
16. Abdallah-Preteille M. *Apprendre une langue, apprendre une culture. Cultures pédagogiques*. no. 360, Paris, Janvier 1998, pp.48–50.
17. Beacco J.C. *Qu'est-ce que l'éducation plurilingue? Le français dans le monde*. Janvier-fevrier, 2008, no. 355, pp. 40–41.
18. Puren C. *Perspectives actionnelles et perspectives culturelles en Didactique des Langues-Cultures: vers une perspective co-actionnelle co-culturelle. Les Langues Modernes*. Paris, Nathan, 2002, no. 3, pp. 55–71.
19. Seara A.R. *L'évolution des méthodologies dans l'enseignement du français langue étrangère depuis la méthodologie traditionnelle jusqu'à nos jours. Source électronique*. Available at: http://www.uned.es/catudela/revista/n001/art_8.htm.

Karpenko A.V. Роль лингводидактики в формировании языковых коммуникативных компетенций // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 174–179.

For citation: Karpenko A.V. The role of lingvodidactics in language communicative competencies formation. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 174–179.

Малышев Константин Борисович

Доктор психологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: konbormal@mail.ru

Malyshv Konstantin Borisovich

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: konbormal@mail.ru

Неволина Ольга Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: olga - jurievna@list.ru

Nevolina Olga Yurevna

PhD in Philology Sciences, Associate
Professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: olga - jurievna@list.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ТИПОЛОГИЙ В АНАЛИЗЕ
ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ НА
УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ**

**THE USE OF PSYCHOLOGICAL
TYPOLOGIES FOR THE ANALYSIS
OF BOOK CHARACTERS AT
SCHOOL LITERATURE CLASSES**

Аннотация. Учителю литературы в школе очень важно найти методологический путь для анализа и понимания учениками формирования образов в литературном произведении. В данной работе рассмотрен один из таких путей на основе многомерного типологического анализа образов литературных персонажей в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души», что в свою очередь может быть использовано для исследования в целом теоретических проблем типологизации в литературе.

Abstract. It is very important for school teacher of literature to find a methodological way to analyze and help their students understand images formation in a literary work. In this article we consider such technique built up on the basis of a multidimensional typological analysis of a single literary characters in the piece by N.V. Gogol's "Dead souls". This technique in turn can be used for theoretical problems of typology in the literature studies.

Ключевые слова: многомерный типологический подход, системность, базисность, одномерный базис, трехмерный базис, типы личности, принцип семантической близости

Keywords: multidimensional typological approach, consistency, basis property, a one-dimensional basis, the three-dimensional basis of personality types, the principle of semantic proximity

Введение

Известные литературоведы, такие как Г.Л. Абрамович, Г.А. Гуковский, Л.И. Тимофеев, О.Ю. Богданова, В.И. Сорокин, Л.В. Щепилова, В.Е. Хализев, И.Н. Сухих и другие показали в своих работах, каким путем необходимо проводить анализ литературных произведений в средней школе [2], [3], [4], [6], [7], [8], [9], [10]. Изучая произведение Н.В. Гоголя «Мертвые души», лучше всего идти путем анализа образов литературных персонажей [1]. Эта методология является важнейшей частью школьных занятий по изучению творчества писателя. Именно здесь закладывается прочная база для выводов об идейном содержании произведения, о значении творчества писателя. Учителю литературы в школе необходимо связать описание

образов с авторским замыслом, с «гоголевской эпохой», с нашей современностью, что в итоге формирует воспитательное и образовательное воздействие на учащихся. Образы «Мертвых душ» требуют истолкования, разъяснения, внимательного чтения, предварительной подготовки. Анализ произведения в школе – это сложный творческий процесс, к которому предъявляется много требований, идущих как от литературоведения, так и от педагогических дисциплин. Раскрывая основные вопросы методики анализа произведения, мы подчиняем их главному аспекту, а именно: задаче формирования у учащихся потребности прочесть или перечитать произведение, понять его основные проблемы, историческое и общечеловеческое значение. Во ФГО-Се по литературе для развития творческого потенциала учеников рекомендуется учителю проводить *интегрированные уроки*, которые связаны с *комплексным подходом* в методике преподавания [5]. Интегрированный урок – это учебное занятие, на котором обозначаемая тема рассматривается с различных точек зрения, средствами нескольких предметов. В нашем случае учителю литературы предлагается педагогическая технология на основе многомерного типологического подхода, которая дает *интеграцию* информации одновременно из педагогики, психологии и литературы. Актуальность данного исследования определяется значимостью разработки методологического аппарата, позволяющего рассматривать литературные типологии как многомерные явления, определять различные смысловые их составляющие. Учителю литературы в школе очень важно найти методологический путь для анализа и понимания учениками формирования образов в литературном произведении. В этой работе рассмотрен один из таких путей на основе многомерного типологического анализа образов литературных персонажей в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души», что в свою очередь может быть использовано для исследования в целом теоретических проблем типологизации в литературе. Цель исследования – выявление возможностей применения многомерного типологического подхода к описанию образов литературных персонажей на примере вышеуказанного произведения [1].

Учитывая базисное типологическое *многомерное* многообразие характеристик образов персонажей мы получаем более «богатые» сюжетные и содержательные возможности литературных текстов, что в свою очередь вызывает больший интерес у читателя.

Базис – это «полное» и «упорядоченное» множество элементов. «*Базисная дихотомическая*» типология – это «*полное*» «дихотомическое» множество элементов-характеристик, состоящее из «противоположных» подмножеств-типов с единой «симметрической» дихотомией, которая задает «*порядок*» в этом множестве типов. *Многомерный типологический подход* – это установление взаимно-однозначного соответствия *многомерных «дихотомических базисных»* типологий (или «типологический изоморфизм») из *одной* или из *разных областей* знания («*недихотомические базисные*» типологии в этой статье не рассматриваются).

Существует два вида базисного моделирования: «*внутреннее и внешнее*». «*Внутреннее* базисное моделирование», которое мы в этой статье не рассматриваем, – это умозаключение «от частного к частному», то есть, например, «от одного *частного* психологического базиса к другому *частному* психологическому базису при типологизации информации, взятой «*внутри*», из *одной области* психологического знания. В данной статье рассмотрено «*внешнее* базисное моделирование» (умозаключение «от общего к общему», т.е. «от одного *обобщенного* типологического базиса «личностей литературных персонажей» к другому *обобщенному* психологическому типологическому базису эго – состояний и типов личности при *многомерной типологизации* информации, взятой «*извне*», из *разных областей* знания – из *психологии и педагогики («психопедагогика»)*. *Многомерный типологический подход* строится на сле-

дующих *принципах*: индуктивно-дедуктивного исследования, «правильности» разбиения множества характеристик на подмножества, полярной дихотомии, единой полярной дихотомической симметрии, образования «мерности» в типологии, упорядоченности, типологической «всеохватности», использования эталонного типологического базиса, изоморфизма, семантической (смысловой) близости, гомоморфизма, операционализации понятий.

Основная часть

В филологии известно много художественных произведений, где авторами дается описание типов характеров литературных персонажей. Возьмем произведение Н.В. Гоголя «Мертвые души» и проверим на «базисность» типологию образов личностей персонажей, описание которой дается в этом произведении (характер входит в структуру личности) [1]. На основе «*принципа семантической близости*» (т.е. «семантического *изоморфного* отображения») сопоставим модифицированный «*эталонный типологический базис*» эго-состояний по Э. Берну, «*эталонный базис*» типов личности по Д. Голланду с множеством типов личностей литературных персонажей. В рамках этой статьи мы не будем рассматривать «*внутреннее базисное моделирование*» (умозаключение «от частного к частному», т.е. «от одного *частного* психологического базиса эго-состояний к другому *частному* психологическому базису типов личности»). На основе принципа семантической (смысловой) близости ранее Мальшевым К.Б. было установлено семантическое изоморфное отображение этих двух типологий [11], [12]. Кстати, семантическая близость психологических характеристик этих двух типологий отражена при сравнительном анализе множества характеристик из разных типологий (см. таблицу).

Таблица

Сравнительный анализ множества характеристик из разных типологий

Характеристики типов помещиков в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души»	Типология эго-состояний (по Э. Берну) и типов личности (по Д. Голланду) с единой дихотомией « <i>социальное-индивидуальное</i> »
1	2
<p>Ноздрев. Кутила, лгун и весельчак, прожигатель жизни. Смысл жизни – это развлечения. Он часто попадал в различные истории, но благодаря врожденному таланту находить выход из любой ситуации всегда выбирался «сухим из воды». С людьми он общался легко, даже с теми, с кем ему удалось рассориться, через некоторое время он общался как со старыми друзьями. «Панибратство». Он сотни раз придумывал различные небылицы о других, рассказывая их на балах и званых обедах. Он часто проигрывал свое имущество в карты. Ему непременно хотелось отыграться («эмоциональный азарт»). Своеволие («что хочу, то и ворочу»), импульсивный. Бойкий, веселый и шумный. Любил пьянствовать. Мало занимался своей усадьбой и крестьянами. Не занимался со своими двумя детьми.</p>	<p>Дитя свободное (ДС) (социальное) – это эго-состояние Дитя, показывающее как человек ведет себя при выражении своих внешних эмоций без всякой их цензуры и ссылок на правила и требования общества. Дитя свободное проявляет себя в спонтанном самостоятельном поведении (в непослушании, в «бунте»). Импульсивный, эмоционально неустойчивый, с богатой фантазией, смелый, демонстративный, показной тип поведения, допускающий «панибратство» в общении с людьми. Может бездумно и легко тратить деньги. Отсутствие экономной расчетливости. Артистический (А) (социальное) – независимый в решениях, своевольный, оригинальный, гибкий, маневренный, эмоциональный, заводной, активный, динамичный, демонстративный, склонен к импровизации в речи, предпочитает «азартные</p>

1	2
<p>Держал целую стаю собак и любил их больше, чем своих детей. «Разбитной малый», «эмоционально взъерошенный». На ярмарках покупает все, что в голову взбредет. Бездумно и легко тратит деньги на кутежи и карточные игры, любил приврать и без всякой причины мог «подгадить» человеку. Такие качества Ноздрева, как наглое вранье, хамское отношение к людям, нечестность, бездумье, отражаются в его отрывочной, быстрой речи, в том, что он постоянно перескакивает с одного предмета на другой, в его оскорбительных, бранных, циничных выражениях. Он постоянно ищет приключений. Он «витает в облаках»</p>	<p>занятия», «неэкономный» Этот тип личности имеет богатую фантазию, быструю речь, хороший рассказчик, бойкий, веселый, шумный, мало внимания уделяет своим детям. Любят приключения. Эмоционально неустойчивые люди</p>
<p><u>Собакевич.</u> Хозяйственность и расчетливость. Именно он первый предложил Чичикову купить документы на крестьян («предприимчивое организаторство»). Набивал цену крестьянам, несмотря на то, что последние были давно мертвы. Он рассказывал об их профессиональных навыках или личных качествах, пытаясь продать документы по более высокой цене («предприимчивое торгашество»). Неуклюжий, грубый и прямолинейный. Основательно занимается своим поместьем. У его крестьян избы крепкие и надежные. Зажиточный помещик. Злобный и жестокий крепостник, никогда не упускающий своей выгоды. Тело его было неспособно к выражению душевных движений. В торге с Чичиковым обнаруживается главная черта характера Собакевича – его неудержимое стремление к наживе. Он твердо стоит на земле, не тешит себя иллюзиями, трезво оценивает людей и жизнь, умеет действовать и добиваться того, чего хочет. Он лишен каких бы то ни было духовных запросов, далек от мечтательности, философствования и благородных порывов души. Смысл его жизни состоит в насыщении желудка. Сам он отрицательно относится ко всему, что связано с культурой и просвещением: «Просвещение – вредная выдумка». Главное – это накопительство. Собакевич – это хитрый пройдоха, наглый делец, которого трудно провести. Стремится к выгоде. Это «кулак», умеющий заставить крестьян трудиться на себя. Извлекает из этого максимальную выгоду. Он живет в определенном достатке, любит поесть. Выгодно продает Чичикову</p>	<p>Взрослый организующий (ВО) (социальное) – это эго-состояние Взросло-го, показывающее, как человек ведет себя с целью организации, координации, руководства и контроля за деятельностью других людей. Это позиция властного человека и он реализует себя в управлении людьми. Может проявлять словесную агрессивность к другим людям. Стремление быть начальником, менеджером и командовать людьми.</p> <p>Предприимчивый (П) (социальное) - хоро-ший организатор, предприимчив, энтузиаст, импульсивный, энергичный, доминантный, жесткий, решительный, любит признание, «волевой доминирующий руководитель», обдуманно решает задачи, связанные с руководством, статусом и властью, обладает опытом отношения к миру, к окружающим людям, использование опыта в управлении людьми. Это прирожденный менеджер, координатор и человек, умеющий заставить людей работать на себя и извлекающий из этого выгоду. Это хозяйственность, экономность и накопительство. Это приобретение капитала «любой ценой». Любит «хвалить и рекламировать» себя. Для него важно социальное признание и авторитаризм. Отрицательно относится ко всему, что связано с культурой и просвещением. Умелые торгаши</p>

1	2
<p>мертвые души, знает деловые и человеческие качества своих крестьян. «Кулак», «накопитель», нахваливает свой товар и требует «большие деньги» за «мертвые души»</p>	
<p>Манилов. Беспечный, его не заботят мирские, бытовые проблемы. Домом занимались слуги, а к двум их детям приходят учителя. Любит «абстрактно размышлять». Он с легкостью отдал Чичикову мертвые души, не спросив о юридических деталях. Он приятный, но «скучный и ленивый». Крестьяне Манилова ленивы, как и сам хозяин. Он любит сидеть в своем кабинете и мечтать целый день. Романтичный и чувствительный мужчина, любящий свою семью. Производит приятное впечатление культурного, деликатного человека. «Приторная слащавость». Под приятно-обходительным обхождением с людьми скрывается пустая душа. «Показная демонстрация» в речи. Хочет казаться просвещенным и высокообразованным человеком. Много несуществимых мечтаний. Он хозяйством не занимается, не ездит на поля. Светские мероприятия посещает потому, что их посещают другие помещики. Супруги любят целоваться, дарят чехольчики на зубочистку, и не проявляют заботы о благоустройстве дома. Странно, но Манилов не знающий, сколько крестьян у него умерло, не умеющий наладить свое собственное хозяйство, проявляет заботу о политике. Льстивый угодник. Говорит мало, а больше размышляет и думает. Он обходительный и учтивый. Занскивающая позиция для расположения и знакомства. В армии считался «скромным, деликатным и образованным» офицером. Приезжал в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми, чтобы «не одичать». Любил поговорить о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке. От чтения журнала «Сын отечества» получал духовное наслаждение. Хорошо обращается с учителем своих детей. Он не ведет учет умершим крестьянам. У него чистый и красивый почерк</p>	<p>Родитель воспитывающий (РВ) (социальное) – это эго-состояние Родителя, направленное на воспитание, заботу и помощь людям. Это опекающая, ласковая, «комплиментарная», «авансировано-одобрительная» позиция. Это направленность Родителя на формирование у людей гуманных взглядов на окружающий мир и общество, нравственных идеалов, норм, и отношений между людьми, развитие морально-политических, психологических, физических, поведенческих личностных качеств.</p> <p>Социальный (С) (социальное) коммуникабельный, любит обсуждать и принимать коллективные решения, не пренебрегает советом других людей, зависим от мнения группы, ставит перед собой такие цели и задачи, которые позволяют ему установить тесный контакт с окружающей социальной средой. Обладает социальными умениями, идет на социальный контакт. Чертами его характера является социальность, стремление поучать и воспитывать, гуманность, женственность. Старается держаться вдалеке от интеллектуальных проблем. Он зависим, ему присуще приспособленчество, умеет строить общение с любимыми типами личности. Обладает вербальными и относительно слабыми математическими способностями</p>
<p>Плюшкин. Богатый помещик. У него около 1000 душ. У него много мертвых и беглых душ. Плюшкин живет как нищий человек: ходит в обносках и питается сухарями. Он ничего не выбрасывает. Его крестьяне живут в старых, ветхих домах. Он завышает цены и не продает товары купцам, поэтому товары гниют в кладовых. «Прореха на человечестве». Знакомству с этим героем предшествует пейзаж, детали которого раскрывают душу</p>	<p>Родитель контролирующий (РК) (индивидуальное) – это эго-состояние Родителя, показывающее, как человек ведет себя с целью контроля, управления и критики. Стремление к запретам, ограничительным нормам в поведении людей и у себя, это «морализирование» поведения людей. «Всегда умен и прав», не терпит критики в</p>

Продолжение табл.

1	2
<p>героя. Ветхие деревянные строения, темные старые бревна на избах, крыши, напоминающие решето, окна без стекол, заткнутые тряпками, раскрывают Плюшкина как хозяина с омертвевшей душой. Душа Плюшкина «давно угасла», В его доме тоже все говорит о духовном распаде его личности: нагроможденная мебель, сломанный стул, высохший лимон, кусочек тряпки, зубочистка. Да и сам он похож на старую ключницу, лишь серенькие глазки, как мыши, бегают из-под высоко выросших бровей. Все умирает, гниет и рушится около Плюшкина. Чичиков быстро находит общий язык с Плюшкиным. Одно только заботит «заплатанного» барина: как бы при совершении купчей крепости не понести убытки. Экономит даже на себе и просто недоброжелательный человек. Его скупость доходит до крайности. В его амбарах хранится столько продуктов, что они портятся и пропадают. Жадный и экономный. У него крестьяне голодают. Он неряшлив и похож на нищего. Скряга и мошенник. В его доме вечный беспорядок, человек крайне небрежный. Плюшкин очень подозрительный</p>	<p>свой адрес, назидает, «дрессирует» и дисциплинирует людей. Работает по образцу, по эталону, по схеме, В поведении проявляют скупость, жадность, экономность, расчетливость. В общении с людьми проявляют к ним недоверие. Реалистический (Р) (индивидуальное) – волевой характер, экономный, расчетливый, запасливый человек, контролирует свои действия и действия других людей в соответствии с нормативами, предметная конкретная деятельность. Работа по образцу, по эталону, по определенной схеме. Хорошие ремесленники, любят что-то делать своими руками. Отсутствие чувства юмора при общении. Это скупые, жадные, экономные люди, проявляют безразличие к своей одежде, недоверчивость, не стремятся к наведению порядка в окружающей обстановке</p>
<p>Чичиков. Он авантюрист, «обдуманное» поведение. Интеллектуальная предприимчивость его проявилась в том, он покупал документы на умерших крестьян, которые по ревизорской книге все еще числились «живыми». Он – это независимый, рациональный, «творческий аналитик», обладающий социальным интеллектом, мог найти подход к любому человеку, без особых проблем добивался расположения, уважения и признания в любом обществе. Чичиков – это социально интеллектуальный предприниматель, обладающий умственной поисковой активностью. Он готов на все, чтобы достичь своей цели: он лжет, выдает себя за другого человека, льстит, пользуется другими людьми. Но при этом он кажется читателям совершенно «обаятельным» человеком! Многогранная, противоречивая личность, сочетающая в себе порочность и стремление к добротам, «социальную и индивидуальную» направленность в поведении. У Чичикова – одна цель обогащения ради достижения «комфорта, довольств, достатков, экипажей, отличного дома, вкусных обедов». Умеет ориентироваться в любой обстановке, гибкий, изворотливый. Изменял характер и тон разговора, смотря по обстоятельствам: в одном случае – сентиментален и льстит, в другом – почтительни угодлив, в третьем – сдержан и деловит, в четвертом – развязен и груб. Внешняя безликость,</p>	<p>Взрослый познающий (ВП) (индивидуальное) – это эго-состояние Взрослого, показывающее, как человек ведет себя самостоятельно в образовательной и исследовательско-творческой деятельности, стремление размышлять, рассуждать, «философствовать», отгадывать кроссворды и решать интеллектуальные задачи. Ориентирован на умственный труд, аналитичен, рационален, независим, оригинален. Склонен к абстрактным размышлениям и к исследовательскому поиску. Опирается на свое богатое воображение. В решении проблем проявляет гибкость, сообразительность и смекалку. Интеллектуальный (И) (индивидуальное) – аналитичен, рационален, оригинален, любит решать интеллектуальные задачи, получает удовлетворение от творческого умственного труда, стремится к поисково-исследовательской деятельности. Обладает как вербальными, так и математическими способностями, ориентирован на умственный труд. Из ценностей у него преобладают теоретические ценности. Размышления</p>

1	2
<p>хамелеонство, способность к перевоплощению. Он подлец. Мог говорить на любые темы. Мог произвести хорошее впечатление при общении. Торгаш. «Мерзавец». Угождение начальству. Бойкость, ловкость, осторожность, вкрадчивость. Безнравственный делец, приобретатель, энергичный, упорный</p>	<p>о проблеме он предпочитает занятиям по реализации связанных с ней решений. Ему нравится решать задачи, требующие абстрактного мышления</p>
<p>Коробочка. Внешние атрибуты являлись показателем внутреннего состояния помещицы: все у нее в доме было сделано толково, крепко. Коробочка была настоящей предпринимательницей, ведь в каждом человеке она привыкла видеть только лишь потенциального покупателя. Сначала никак не соглашалась на сделку. Она – хорошая хозяйка, бережливая и запасливая, глуповатая и подозрительная старуха. Крестьяне Коробочки работают исправно, а хозяйство хорошо отлажено. Избы и постройки в усадьбе Коробочки целые и крепкие. Коробочка торгует товарами, которые производят ее крестьяне. Она хозяйственна и практична, знает цену «копейке». Ничего не пропадает в ее хозяйстве. Она при сделке боится «продешевить». Ее характеризует бестолковость, скупость, упертость и желание повременить с продажей необычного товара. «Дубинноголовость» Коробочки выражается в том, что если она взяла себе что-то в голову, то ее никак не пересилишь, независимо от количества ясных доводов. Крестьянские избы в достатке. Хозяйство ее явно процветает, принося ей немалую прибыль. Она «жалуется на убытки и неурожай», хотя получает немалый доход от своего хозяйства. Она не претендует на культуру. За каждым из зеркал было заложено либо письмо, либо чулок, либо старая колода карт. Своеобразный "герб" Коробочки - это комод, в котором из приоткрытых ящиков высовывается индейка, свинья, петух. Второй ряд ящиков наполнен различным «хозяйственным овощем», а из нижних торчат множество мешочков (все разложено по полочкам, по «коробочкам»). Коробочка всех приучила к порядку. Она знает и помнит все о каждом крестьянине. Стремление получить наибольшую выгоду от сделки и «не продешевить». Главное – это упрочение личного богатства, безостановочное накопительство</p>	<p>Дитя адаптивное (ДА) (индивидуальное) – это эго-состояние Дитя, указывает на то, как человек ведет себя при взаимодействии с правилами и требованиями общества. Эмоциональная устойчивость, интроверсия, конформизм, зависимость поведения от желаний других людей, а может быть «не по годам» самостоятельным. Это дисциплинарный, нормативный, экономный, послушный, бережливый тип поведения. Каждый шаг обдуман. Нерешительность, неторопливость, все делают очень медленно, но аккуратно. «Тяжкодумство» в жизни. Недоверие и подозрительность к людям. Стремление к порядку, скупость, хорошая память.</p> <p>Конвенциональный (К) (индивидуальное) – предпочитает структурированную деятельность, консервативен, не любит смену деятельности. Арифметические способности, расчетливость, нормативная системно-упорядоченная деятельность, экономность, бережливость, скупость, аккуратность, запасливость. Любят все «раскладывать по полочкам» как в мыслях, так и в делах. Они хорошие «упаковщики». Делают все толково, крепко и надежно. Долго принимают решения. Нерасторопность в делах, неторопливость, все делают медленно, не торопясь, не идут на поводу эмоций при принятии решений. Прагматизм, практичность и проявление хозяйственности в жизни, стремление к материальным ценностям</p>

Рассмотрим «внешнее базисное моделирование» (умозаключение «от общего к общему»), т.е. «от одного *обобщенного* множества типов «литературных персонажей» к другому *обобщенному* психологическому базису типов эго-состояний», а также еще к другому *обобщенному* психологическому базису типов личности». Для

реализации «внешнего базисного моделирования» необходимо дать характеристику модифицированной типологии эго-состояний (по Э. Берну), которая является «базисной». Следует обратить внимание на механизм образования многомерности. Одномерные базисы строятся по единому полярному дихотомическому принципу «социальное – индивидуальное». Первый одномерный базис – это полярная дихотомическая пара «дитя свободное – дитя адаптивное». Второй одномерный базис – это другая полярная дихотомическая пара: «взрослый организующий – взрослый познающий». Третий одномерный базис – это еще одна полярная дихотомическая пара «родитель воспитывающий – родитель контролирующий». Объединение («связка») вышеуказанных трех одномерных базисов образует трехмерный базис эго-состояний личности с единой дихотомией «социальное – индивидуальное». Э. Берн определяет «эго-состояние» как сочетание «чувств», «мыслей» и «поведения» человека, которые проявляются в ситуации «здесь и теперь» [11]. В таблице есть определение всех шести типов эго-состояний. Типология личности по Д. Голланду является тоже трехмерным (трехфакторным) базисом, в котором выявляются три полярные дихотомические пары типов, являющиеся одномерными базисами: «артистический – конвенциональный», «предприимчивый – интеллектуальный», «социальный – реалистический» [11], [12]. Объединение («связка») этих трех одномерных базисов тоже образует трехмерный базис с единой дихотомией «социальное – индивидуальное». В таблице дано определение всех шести типов личности.

Использование «принципа семантической близости» позволяет осуществлять сопоставление множества характеристик объекта или понятия с характеристиками другого множества, являющегося эталонным типологическим семантическим базисом (см. таблицу) [11]. На основе «принципа семантической близости» (т.е. «семантического *изоморфного* отображения») сопоставим введенный первый «эталонный базис» доминирующих эго-состояний личности, базис личности по Д. Голланду (второй «эталонный базис») с множеством типов личности литературных персонажей из произведения «Мертвые души». В таблице семантически близкие *по смыслу* слова выделены *жирным шрифтом* во всех трех типологиях (см. таблицу). В результате применения *многомерного типологического подхода* показано, что типология образов личностей литературных персонажей в произведении «Мертвые души» является трехмерным базисом. На рисунке представлен трехмерный базис образов личностей литературных персонажей из вышеуказанного произведения (см. рисунок).

Конечно, Н.В. Гоголь, идя эмпирическим путем, дал описание «смешанных базисных типов». Так, например, Плюшкин имеет одновременно характеристики и «реалистического» и «предприимчивого» типов, но «реалистический» тип у его доминирует («преобладает»). У Собакевича есть одновременно черты и «предприимчивого», и «конвенционального», и «реалистического» типов, но «предприимчивый» тип доминирует. У Чичикова присутствуют черты одновременно «интеллектуального», «предприимчивого» и «социального» типов, но «интеллектуальный» тип доминирует. У Манилова присутствуют черты одновременно «социального», «артистического» и «интеллектуального» типов, но «социальный» тип доминирует и т.д. Поэтому, точнее говоря, построена «смешанная» трехмерная базисная типология личностей литературных персонажей, но на основе «доминирующих базисных характеристик».

На основе «доминирующих базисных характеристик» удастся отобразить «гоголевские типы личностей персонажей» одновременно и на типы «эго-состояний» и на «типы личности», и тем самым определить *порядок* (хотя и «смешанный») в этой

авторской типологии [1]. В итоге автор дает «эмпирическое описание» трехмерной измеримой базисной типологии образов персонажей в произведении.

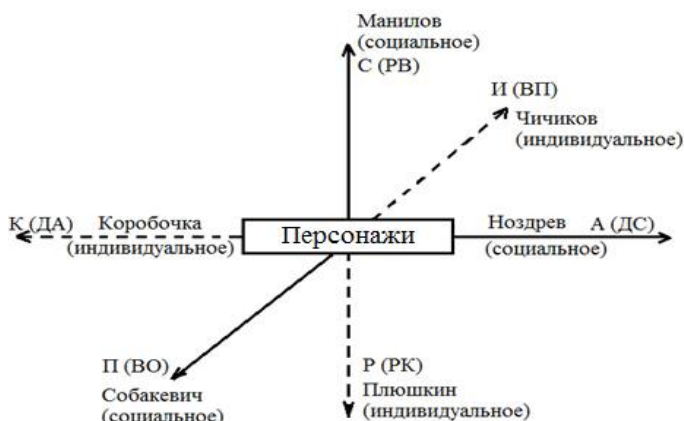

Рисунок. Трехмерный типологический базис образов персонажей в произведении «Мертвые души»

Словесные описания – это «диагностические суждения» в тексте произведения, из которых можно составить тест на «измерение» уровня выраженности образов персонажей. Предварительный теоретический анализ на основе многомерного типологического подхода позволяет осуществить базисную измеримую типологизацию образов персонажей.

В статье предлагается «многомерный типологический подход», который позволяет писателям при написании литературных произведений и учителям литературы в школе использовать системно-базисную методологию при многомерной типологизации образов литературных персонажей, т.е. идти дедуктивным путем: от общего к частному. *Общая* многомерная психологическая базисная типология личности, а *частная* многомерная литературная базисная типология образов личностей персонажей на примере конкретного произведения.

Выводы

Разработан методологический аппарат, позволяющий рассматривать литературные типологии как многомерные явления, определять различные смысловые их составляющие. Цель исследования состояла в выявлении возможностей применения многомерного типологического подхода к системно-базисному описанию литературных персонажей на примере произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души». Эта цель была достигнута. При создании писателями своих произведений и при анализе образов персонажей учителями литературы в школе важно учитывать *базисное* типологическое *многомерное* многообразие характеристик литературных персонажей, что в свою очередь дает более «богатые» сюжетные и содержательные возможности литературных текстов и вызывает большой интерес у учащихся. Результаты этой статьи также могут быть использованы и для исследования теоретических проблем типологизации в литературе.

Литература

1. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. М., 1979. 352 с.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. Собр. соч. в 9 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1994. 496 с.
3. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе. М., Л., 1966. 266 с.
4. Изучение творчества Н.В. Гоголя в школе. М., 1954. 259 с.
5. Малышев К.Б. Многомерная типологизация психологической информации. Вологда: ВоГУ, 2016. 167 с.
6. Малышев К.Б. Многомерный типологический подход к получению информации о субъектах образовательной деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Самара, 2007. 40 с.
7. Методика преподавания литературы. М.: Академия, 1999. 400 с.
8. Программа по литературе ФГОС для использования в общеобразовательных школах. М., 2015.
9. Сорокин В.И. Анализ литературного произведения в средней школе. М., 1955. 335 с.
10. Сухих И.Н. Структура и смысл. Теория литературы для всех. СПб., 2016. 600 с.
11. Хализев В.Е. Персонаж и его ценностная ориентация. М., 1999. С. 159–169.
12. Щепилова Л.В. Введение в литературоведение. М., 1956. 368 с.

References

1. Abramovich G.L. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Moscow, 1979. 352 p.
2. Gogol N.V. *Mertyvye dushi. Sobranie sochinenii v 9 tomah*. [Dead Souls. Collected works in 9 volumes], vol. 5. Moscow, 1994. 496 p.
3. Gukovsky G.A. *Izuchenie literaturnogo proizvedeniia v shkole* [Studying a literary work in school]. Moscow, 1966. 266 p.
4. *Izucheniie tvorchestva N.V. Gogolia v shkole*. [Study of N.V. Gogol creativity at school]. Moscow, 1954. 259 p.
5. Malyshev K.B. *Mnogomernaia tipologizaciia psihologicheskoi informacii* [Multidimensional typology of psychological information]. Vologda: Vologda State University, 2016. 167 p.
6. Malyshev K.B. *Mnogomernyi tipologicheskii podhod k polucheniiu informacii o sub"ektah obrazovatel'noi deiatel'nosti* [The multidimensional typological approach to obtaining information about subjects of educational activity. Dr. dis.]. Samara, 2007. 40 p.
7. *Metodika prepodavaniia literatury*. [Methods of teaching literature]. Moscow, 1999. 400 p.
8. *Programma po literature FGOS dlya ispol'zovaniia v obshcheobrazovatel'nyh shkolah* [The GEF Literature Program for use in general schools]. Moscow, 2015.
9. Sorokin V.I. *Analiz literaturnogo proizvedeniia v srednei shkole* [Analysis of the literary work in the middle school]. Moscow, 1955. 335 p.
10. Sukhikh I.N. *Struktura i smysl. Teoriia literatury dl'a vsekh* [Structure and meaning. Literature theory for all]. St Petersburg, 2016. 600 p.
11. Khalizev V.E. *Personazh i ego cennostnaia orientaciia* [Character and its value orientation]. Moscow, 1999, pp. 159–169.
12. Schepilova L.V. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Moscow, 1956. 368 p.

Малышев К.Б., Неволина О.Ю. Применение психологических типологий в анализе образов персонажей на уроках литературы в школе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 180–189.

For citation: Malyshev K.B., Nevolina O.Y. The use of psychological typologies for the analysis of book characters at school literature classes. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 180–189.

Чарушина Елена Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственный университет
(Кострома, Россия)
E-mail: Vasilisa97@rambler.ru

Charushina Helena Ivanovna

PhD in Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Kostroma State University
(Kostroma, Russia)
E-mail: Vasilisa97@rambler.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ
РАБОТЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ**

**ORGANIZATION OF CAREER
GUIDANCE IN HIGHER
EDUCATION:
ASPECTS, PROBLEMS, SOLUTIONS**

Аннотация. В статье раскрыты основные подходы к трансформации понятия «профориентация». Определены главные проблемы и пути их решения при организации профориентационной работы в рамках новой полипрофессиональной модели профориентации. Проанализирован опыт привлечения абитуриентов в вузах-бенчмарках Костромского государственного университета и выявлены новые тенденции в организации профориентационной работы в вузах. Это прежде всего инициирование мероприятий, которые способны создать тесную эмоциональную связь между университетом и абитуриентами. Рассмотрены и другие аспекты организации профориентации в учреждениях высшего образования.

В статье представлены цели и задачи, обозначенные в Программе по привлечению абитуриентов в КГУ, выделены основные направления деятельности вуза, а также материалы исследования, связанные с изучением мнения абитуриентов о проводимой профориентационной работе с целью определения ее эффективности.

Ключевые слова: профориентация, абитуриент, эффективность, университет, поливариативность выбора, самоопределение, профпропаганда, программа профориентационной работы

Abstract. The article deals with the main approaches to the transformation of the concept of "career guidance". It identifies the main problems and their solutions in the organization of vocational guidance in the new Multiprofessional career counseling model. After analyzing the experience of attracting students to higher education benchmark Kostroma State University, new trends have been identified in the organization of such work in high schools. First of all that means appearance of events that are able to establish a close emotional bond between the University and students.

The article also presents the goals, objectives, identified in the Program for attracting applicants to KSU, outlines the main activities in the university, as well as research data related to the study of the opinion of prospective students about the career-guidance work (to estimate its effectiveness).

Keywords: career guidance, entrant, performance, University, poli- variability of choice, self-determination, preprepared, career guidance activities plan

Введение

В Постановлении Министерства труда и социального развития Российской Федерации № 1 от 27 сентября 1996 года профессиональная ориентация определена как обобщенное понятие одного из компонентов общечеловеческой культуры, прояв-

ляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда. В рамках профориентационной работы оказывается помощь в выборе не только будущей профессии, но и учебного заведения, где можно получить образование или повысить до необходимости уровня свою квалификацию.

В узком смысле «профориентация» – это агитация школьников за те или иные профессии. Такой подход ориентирован на выбор единственной массовой профессии на всю жизнь. Но в условиях непредсказуемости рыночных отношений, стремительно развивающегося информационного общества нужно ориентировать учащихся одновременно и на инвариантность, и на поливариативность выбора форм трудоустройства и образовательных траекторий. Преобразование модели профориентационной работы предусматривает принципиальное изменение ее целей, содержания, а также поиск новых форм работы и технологий [5].

При этом ведущими характеристиками трансформированной модели профориентационной работы становится ее полипрофессиональный и «опережающий» характер, позволяющий с учетом профориентационного партнерства поддерживать процесс взросления (индивидуализации и социализации) личности и моделировать процессы развития общества поли- и транспрофессионалов, в целом закладывая основы готовности старшеклассников к принятию ценностно-нравственных карьерных решений в типичных и непредсказуемых ситуациях выбора [6].

Исходя из этого посыла, при организации профориентационной работы необходимо учитывать следующие важные моменты: профориентация сегодня – это не образовательная ориентация, не ориентирование на профессию, не программирование будущего. Профориентация – это система сопровождения профессионального самоопределения, которая предполагает выбор из множества альтернатив, практикоориентированные пробы себя, подготовку к выбору.

Основная часть

Люди, занимающиеся профориентационной работой, неизбежно сталкиваются с рядом проблем. Одна из них – проблема борьбы интересов и «растаскивание» профориентации между вузами, СПО, школами, родителями, органами местного самоуправления. Вторая проблема заключается в выборе того, что нам важнее при постановке целей профориентационной работы: интересы экономики или интересы конкретного школьника. Здесь всегда возникает противоречие между активной профпропагандой с целью решить проблемы рынка труда конкретного региона и личным самоопределением человека. Следующая проблема состоит в том, где должна непосредственно локализоваться сама профориентационная работа. Долгое время этот приоритет отдавался школе. Но это не всегда правильно. Школа имеет ряд ограничений, которые не позволяют эффективно организовать профориентацию. Это и классно-урочная система, и предметно-дисциплинарный подход, кабинетная среда, и в большей степени «знаниевая парадигма». Решение всех этих проблем лежит в плоскости государственной координации профориентационной работы. В содержании этой работы необходимо расставить приоритеты: сначала сопровождение самоопределения, а потом профпропаганда. При этом эпицентр этой работы должен сосредоточиться во внешнем контуре: СПО, вузы, учреждения дополнительного образования.

В связи с последним положением встает вопрос об организации профориентационной работы в высших учебных заведениях. Совсем недавно вузы даже не задумывались о профориентационной работе: недостатка в абитуриентах не было, и даже существовал конкурс на бюджетные места. Но вот уже несколько лет подряд каждое лето перед многими вузами встает проблема привлечения абитуриентов. Это связано и с увеличением количества учреждений высшего образования, и, как следствие, усилением конкуренции на рынке образовательных услуг, и с объективным уменьшением количества выпускников школ. Для выпускников это означает, что выбор становится больше, а для вузов обостряется проблема набора. В программе развития опорного вуза Костромской области в числе других выделены следующие причины указанной проблемы:

- массовый отток социально активной молодежи в крупные города, вследствие ориентации на качество жизни, а не на качество образования;
- отсутствие видения лучшими абитуриентами в костромском высшем образовании возможностей «социального лифта»;
- низкая мотивация выпускников к поступлению на педагогические, естественнонаучные и технические направления подготовки всех уровней [4].

Проанализировав опыт организации взаимодействия с абитуриентами вузов-бенчмарков Костромского государственного университета (ЯрГУ, ВятГУ, ВоГУ, ЧГУ, ИвГУ) можно увидеть, что все эти университеты используют разнообразные формы профориентационной работы со школьниками. Наиболее интересным можно считать событийный портал для абитуриентов Череповецкого государственного университета. Пять ключевых событий, в которых могут участвовать абитуриенты, отражают пять основных направлений подготовки в ЧГУ: «Верещагинский проект» – гуманитарное направление, «Бизнес-среда» – экономическое направление, «Битва роботов» – инженерно-техническое направление, «Zdorovjечel: своя игра» – естественнонаучное направление, «Моя педагогическая перспектива» – педагогическое направление. Участвуя в любом из этих событий, при поступлении в ЧГУ абитуриент получает значительные преференции: от вручения планшета до полной оплаты обучения. Кроме этого есть еще серия событий, которые предполагают активное участие абитуриентов. Это и «Клуб молодых химиков», и «Школа психологии», и «Бизнес-форум» и другие. Также у абитуриентов есть возможность получить профессиональные пробы в стенах университета [3].

Вятский государственный университет проводит Межрегиональный лагерь выпускников школ «Абитура-фест». Два дня, насыщенные событиями, дарят участникам массу впечатлений, а для многих школьников этот лагерь помогает определить выбор учебного заведения. В рамках такого лагеря школьники могут непосредственно побеседовать со студентами ВятГУ, узнать полезную информацию. В лагерь приезжают и родители, которых интересуют аудитории, столовая, общежитие [2].

Вологодский государственный университет проводит серию Дней открытых дверей своих институтов. К основным мероприятиям профориентационной работы университета относятся:

- экскурсии по университету, лабораториям и учебным корпусам;
- выездные мероприятия (открытые лекции, практические занятия, семинары по различным направлениям);
- посещение Центра технического творчества с демонстрацией работы современных технологий 3D-печати и прототипирования;
- посещение лаборатории автомобильной диагностики;
- проведение профориентационного тестирования выпускников (платно);
- мастер-классы по профессии;

- открытые уроки с рассказами о профессиях;
- посещение лаборатории факультета прикладной математики, компьютерных технологий и физики (лаборатории оптики, квантовой физики, электродинамики);
- выступления представителей вуза на родительских собраниях и классных часах [1].

Ивановский государственный университет организует акции «День абитуриента ИвГУ», где школьники получают интересующую информацию «из первых уст», пообщавшись со студентами старших курсов. Именно от них ребята узнают не только об учебных моментах, но и о яркой, насыщенной жизни вуза.

Во всех университетах организованы курсы для подготовки к ЕГЭ, проводятся различного уровня олимпиады. Например, ВятГУ организует 63 Олимпиады.

Вышеописанный опыт позволяет сделать вывод об особенностях профориентационной работы в вузах. Сегодня задача заключается в том, чтобы не только прямо агитировать, организовывать дни открытых дверей, но и привлекать косвенно, через все возможные события в университете. На первое место в рекламе вуза выходят event-мероприятия, главной целью которых является качественное и результативное продвижение вуза путем систематической организации мероприятий, которые способны создать тесную эмоциональную связь между университетом и абитуриентами. Такие мероприятия представляют собой платформу для презентации актуальных предложений вуза, привлекая внимание целевой аудитории к определенным направлениям подготовки. Перечислим основные преимущества event-мероприятий:

- обеспечение широкого охвата целевой аудитории;
- создание положительной репутации, а также имиджа вуза, привлекая внимание новых абитуриентов;
- наличие долгосрочного эффекта;
- качественное продвижение направлений подготовки;
- наличие креативного и индивидуального подхода, позволяющего создавать положительный эмоциональный фон.

Сейчас в рамках проектов опорного вуза Костромской области разработана Программа по привлечению абитуриентов в КГУ. Цель программы – повышение лояльности абитуриентов за счет привлечения их в жизнь университета: получение информации о новостях вуза, студенческой жизни, участия в мероприятиях, конкурсах, олимпиадах и т.п.

Задачи программы:

1. Заблаговременное информирование абитуриентов об учебном заведении.
2. Повышение лояльности абитуриентов к вузу.
3. Формирование мотивации у абитуриентов для выбора учебного заведения.

Для повышения эффективности совершенствования системы профориентационной работы по привлечению абитуриентов в Программе предусмотрены следующие направления деятельности:

1. *Информационное* – для повышения информированности абитуриентов о вузе, специальностях, направлениях подготовки, условиях поступления.
2. *Профилирующее* – для получения более полного представления об учебных программах, процессе обучения, получаемой специальности и карьеры после вуза.
3. *Мотивирующее* – для повышения лояльности целевой группы абитуриентов к нашему вузу, повышению желания поступить в КГУ.
4. *Организационно-методическое направление, включающее:*
 - изучение и обобщение опыта работы структурных подразделений университета по привлечению абитуриентов;

- проведение заседаний ответственных по профориентации и подготовке набора абитуриентов, организация рабочих групп по ключевым направлениям;
- создание единой базы данных (учащихся средних классов и абитуриентов) и соответствующих баз данных в институтах;
- составление и утверждение планов профориентационной деятельности институтов;
- проведение анкетирования первокурсников по вопросам поступления в КГУ с целью определения наиболее эффективных форм профориентационной работы университета;
- оценка возможностей и определение форм индивидуального сопровождения школьник – абитуриент – студент (в первую очередь – участники олимпиад);
- разработка системы поощрения сотрудников и обучающихся университета, занимающихся профориентационной работой.

Важным моментом в довузовской подготовке является ее эффективность. Важно, чтобы абитуриенты не просто участвовали в наших мероприятиях, а поступали в наш университет. Поэтому одной из задач профориентационной работы является определение ее эффективности. Ежегодно в университете проводятся исследования с целью повышения эффективности проводимых мероприятий. В сентябре 2015 года проводилось исследование первокурсников всех направлений подготовки, а в период приемной кампании 2016 года было проведено исследование абитуриентов, подавших заявление в наш университет. Оба исследования показали прямую взаимосвязь влияния участия в мероприятиях довузовской подготовки на принятие решения выбора КГУ при поступлении. В последнем исследовании 40,9 % ответили, что именно это повлияло в конечном итоге на выбор нашего вуза.

В течение каждого учебного года в КГУ проводятся исследования абитуриентов, принимающих участие в одном из event-мероприятий. В 2016 году было проведено исследование участников образовательно-просветительского проекта «Университетские субботы». Всего в анкетирование приняло участие 138 человек. Нас интересовали причины выбора мероприятий и тот факт, как участие в них повлияло на решение абитуриентов. На вопрос «Почему Вы решили посетить именно эту “Университетскую субботу”?» большинство ответили, что им интересна тема конкретного мероприятия – 47 %. 28 % участников отметили, что собираются поступать в вуз по данному направлению. 8 % решили посетить по возможности все «Университетские субботы». Обо всех прошедших «Университетских субботах» абитуриенты отзывались положительно и отмечают высокую информативную роль этих мероприятий. Примечательно, что у 29 % участников после мероприятия возникло желание поступать в КГУ на определенное направление подготовки. 61 % участников посетили несколько «Университетских суббот», которые им наиболее интересны. В качестве наиболее привлекательного Костромской государственной университет отметили 83 абитуриента, что составляет 61 %.

Заключение

Таким образом можно утверждать, что сегодня государственные высшие учебные заведения совершенствуют работу с учащимися общеобразовательных школ, лицеев, колледжей и находят новые более эффективные методы работы с абитуриентами. Анализ состояния вопросов довузовской подготовки и профориентации школьников показывает, что лучше срабатывают новые приемы, формы и методы работы, которые затрагивают эмоциональную сферу личности абитуриентов.

Также большинство исследователей данной проблемы (Бондаренко В.И., Курчий О.В., Штерев В.А., Мутырова А.Л., Титова С.В.) сходятся во мнении, что основными направлениями профориентационной работы вуза являются следующие:

- конкретизация целевых аудиторий абитуриентов для оптимизации мер и технологий профориентационной работы;
- составление плана профориентационных мероприятий вуза;
- работа с абитуриентами должна осуществляться в деятельностно-ориентированном направлении, на основе использования интерактивных форм и методов;
- информационное сопровождение профориентационной деятельности.

Опыт организации работы с абитуриентами в КГУ подтверждает эти выводы.

В заключении отметим, что только систематизированная и безупречно организованная профориентационная работа высшего учебного заведения может помочь будущим абитуриентам в выборе вуза и направления подготовки.

Литература

1. Вологодский государственный университет. URL: <http://vogu35.ru/>
2. Вятский государственный университет. URL: <http://www.vyatsu.ru/abiturientu.html>
3. Череповецкий государственный университет. URL: <http://www.chsu.ru/#>
4. Программа развития опорного вуза Костромской области на 2016–2020 годы. URL: <http://www.kstu.edu.ru/univer/reor.php?id=6>
5. Профессиональное самоопределение учащихся. Мн.: Красико-Принт, 2011. 128 с.
6. Профориентация как социальная проблема. Сущность и функции профессиональной ориентации учащихся. URL: <http://oplib.ru/random/view/529132>

References

1. *Oficial'nyi sait Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Official website of the Vologda State University]. Available at: <http://vogu35.ru/>
2. *Oficial'nyi sait Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The official website of Vyatka State University]. Available at: <http://www.vyatsu.ru/abiturientu.html>
3. *Oficial'nyi sait Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Official site of the Cherepovets State University]. Available at: <http://www.chsu.ru/#>
4. *Programma razvitiya opornogo vuza Kostromskoi oblasti na 2016–2020 gody* [The program for the development of a basic university of the Kostroma region for 2016–2020]. Available at: <http://www.kstu.edu.ru/univer/reor.php?id=6>
5. *Professional'noe samoopredelenie uchashchih'sya* [Professional self-determination of students]. Minsk, 2011. 128 p.
6. *Proforientatsiya kak social'naiya problema. Sushchnost' i funktsii professional'noi orientatsii uchashchih'sya* [Vocational guidance as a social problem. Essence and functions of vocational guidance of students]. Available at: <http://oplib.ru/random/view/529132>

Чарушина Е.И. Организация профориентационной работы в высшей школе: аспекты, проблемы, решения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 190–195.

For citation: Charushina H.I. Organization of career guidance in higher education: aspects, problems, solutions. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 190–195.

Шарапов Александр Владимирович

Аспирант, Тверской государственный

университет

(Тверь, Россия)

E-mail: Sha-77@mail.ru

Sharapov Alexander Vladimirovich

Post-graduate student,

Tver State University

(Tver, Russia)

E-mail: Sha-77@mail.ru

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ПРИЗНАКИ И ТИПОЛОГИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ**

**PSYCHOLOGICAL AND
PEDAGOGICAL SIGNS AND
TYPOLOGY OF EXTREMIST
PERSONALITY**

Аннотация. В статье приведены признаки и типология экстремистской направленности личности. В качестве основы проявления экстремистской направленности анализируются деструктивные особенности ее развития. В работе представлена классификация характерных признаков проявления экстремистской направленности личности и предложены методики для их диагностики. В статье дано описание процесса формирования экстремистского сознания: от возникновения негативизма у индивида, до формирования деструктивной идеологии.

Abstract. The article presents the signs and typology of extremist orientation of the individual. As the basis of manifestation of extremist we analyze the destructive features of their development. The paper presents a classification of signs of extremist orientation of the individual and suggests methods for their diagnostics. In article the description of process of formation of extremist consciousness is provided: from the emergence of negativism in the individual, till the formation of the destructive ideology.

Ключевые слова: экстремизм, признаки экстремизма, типология экстремизма экстремистская идеология, негативизм, диагностика экстремистской направленности личности

Keywords: extremism, signs of extremism, typology of extremism, extremist ideology, negativism, diagnostics of personality direction

Введение

В настоящее время проблема экстремизма становится общемировой проблемой, что, к сожалению, для современной России принимает все более актуально острый характер. Мнения различных экспертов об истоках возникновения и проявления этой глубокой деформации личности имеют зачастую полярные представления: от социально-экономических проблем до духовной опустошенности общества. Не отрицая значимость иных исследований, в настоящей статье предпринята попытка рассмотреть данную проблематику в психолого-педагогическом контексте, проанализировав характерные особенности, свойственные личности экстремистской направленности и на основе этого предложить типологию становления деструктивного сознания человека. Это могло бы помочь педагогам-психологам в последующей разработке коррекционных и профилактических мероприятий упреждения негативистской направленности личности в условиях образовательной среды.

Основная часть

Анализ теоретических источников позволил нам выявить несколько психолого-педагогических признаков, характерных для носителей экстремистских наклонностей.

Первой особенностью, являющейся во многом источником для развития экстремистских наклонностей, является острое чувство неудовлетворения природосообразных потребностей индивида, проявляющееся как фрустрация [4], [5, с. 12]. Нервно-психическое напряжение ребенка способствует появлению у него уже на ранних этапах становления личности негативизма, проявляющегося в виде открытых протестных настроений: капризности и/или упрямства [8, с. 131–133]. Диссертационное исследование Т.П. Скворцовой доказывает логику появления устойчивых деструктивных форм поведения по отношению к окружающему миру в результате рассогласованного педагогического взаимодействия [12, с. 131]. Определяющее значение имеют особенности восприятия человеком окружающего мира: при экстрапунитивном (внешнем и обвиняющем) ответе человек будет искать препятствия в окружающем мире, а при интрапунитивном (самообвиняющем) отражении субъект будет испытывать чувство вины и угрызения совести, когда человек агрессию направляет по отношению к себе вплоть до аутоагрессии [13, с. 8–9]. Причем, как те, так и другие проявления будут носить разрушительный характер, поскольку связаны со следующим признаком – контрастно-категоричным мышлением. Ю.М. Антонян с этим связывает появление жесткой системы ценностных предпочтений, отрицающих широкий спектр чувственных переживаний и ведущих к формированию ригидных когнитивных установок: черное или белое, истина или ложь, свои или чужие [16, с. 99].

Характерная особенность экстремистской направленности личности проявляется в доминирующей стратегии общения человека с окружающими, что отнюдь не всегда включает в себя открытое противоборство. Так, К. Хорни отмечает, что иногда оно может быть в виде добрых советов или пробуждении инициативы в окружающих людях [14, с. 402]. Здесь важным фактором будет наличие эгоизма (нарциссизма) с признаками алекситимии как неспособности осознать свои эмоции, чувства, потребности, намерения [15, с. 23–52], [16, с. 146], [17]. Внутренние установки такого субъекта, его идеологическая направленность становятся первично ригидными: в случае если окружающие люди не разделяют такое видение, то они подвергаются презрению, преследованию и ненависти. Педагогическими же причинами этих негативных проявлений, по мнению ряда исследователей [3, с. 22], [6, с. 25], [9] становятся нарушения процесса воспитания: а) потеря родителями ценностно-смысловых ориентаций как конституирующего компонента личности, обеспечивающего единство и взаимосвязь внутриличностного и внешнего мира; б) субъективная неспособность значимых взрослых (педагогов и родителей) проявлять ответственность в конкретных жизненных ситуациях, влиять на конкретные события как собственной жизни, так и жизни своих детей; в) утрата способности быть примером для подражания в духовно-интеллектуальном развитии своих детей; г) увеличивающийся разрыв между возрастающей самостоятельностью детей на фоне угасающего эмоционального принятия и усиливающейся критичности к ним взрослых.

Таким образом, мы вычленили характерные психолого-педагогические особенности, свойственные личности экстремистской направленности. В приведенной ниже таблице мы попытались отобразить их признаки в соответствии с рекомендуемыми диагностическими методиками, которые могут быть применены для своевременного выявления искомого свойства личности (табл. 1).

Диагностические признаки экстремистской направленности индивида

Диагностический признак	Характеристика признака	Методики для диагностики признака
1. Чувство фрустрации (неудовлетворение)	Высокий уровень фрустрации	1) Тест фрустрационных реакций Розенцвейга. 2) Экспресс-диагностика уровня личностной фрустрации (В. В. Бойко)
2. Контрастно-категоричное мышление	Склонность к стереотипным иррациональным установкам мышления. Когнитивная ригидность восприятия (отсутствие гибкости восприятия)	1) Диагностика иррациональных установок Эллиса. 2) Методика диагностики ригидности (Г. Айзенк)
3. Неадекватная самооценка	Крайне завышенная с отрицанием критики, либо чрезмерно заниженная со склонностью думать о себе хуже, чем есть на самом деле	1) Тест Куна-Макпартленда («Кто я?»)
4. Признаки алекситимии и эгоизма (нарциссизма)	- слабая саморефлексия; - склонность (привычка) нарушать личные границы ближних; - эмоциональная «глухота» (бесплодность) к себе и окружающим; - высокомерие	1) Опросник патологического нарциссизма, PNI. 2) Торонтская алекситимическая шкала TAS-26
5. Деструктивная стратегия общения	- доминирование стратегии «соперничество» как навязывание своей точки зрения в виде прямого руководства либо запретов; - доминирование стратегии «избегание» как неспособность к эмоциональной отзывчивости и проявления конструктивной инициативы	1) Опросник К. Томаса «Стиль поведения в конфликте»
6. Негативизм, враждебность, агрессивность	На ранних возрастных этапах негативизм проявляется в виде упрямства или капризности. Позднее враждебность и агрессивность становятся ментальной ригидной установкой по отношению к окружающему миру. Контекст ситуации не влияет на привычные установки	1) Опросник-наблюдение за частотой проявления негативизма ребенка Скворцовой Т.П. 2) Опросник агрессивности Басса-Дарки
7. Разрушительный экстрапунитивный или интрапунитивный аспект личности	Склонность искать «виновных» во внешнем мире с проявлением агрессии или направлять агрессию на себя (аутоагрессия)	1) Исследование локуса контроля Дж. Роттера 2) Тест фрустрационных реакций Розенцвейга

Проанализируем далее логику возможного появления экстремистской направленности личности на основе выявленных диагностических признаков.

На начальном этапе экстремистская направленность индивида возникает как слабая форма сопротивления рассогласованному воздействию значимых для субъекта лиц и проявляется в форме негативизма как деструктивное проявление на фрустрирующие ситуации. В зависимости от экстрапунитивной или интрапунитивной направленности, реакции могут варьироваться от протестов, бунта и вербальной агрес-

сии до капризов и отчуждения. Поскольку чувство фрустрации имеет нерегулярный эпизодический характер, то вероятны переживания в виде аффектов, которые не влияют на формирование отрицательной картины мира в целом. Необходимо подчеркнуть актуальность проблемы формирования компетентности педагогов в сфере детско-родительских отношений, профилактические воздействия которых в педагогической среде могут направляться на признание и принятие самобытности личности, выстраивание на этой основе доброжелательных и конструктивных отношений.

Второй этап закрепления экстремистской направленности характеризуется продолжающимися (принимающими хроническую форму) переживаниями ситуаций рассогласования, связанными с чувством фрустрации. Причем субъективно негативное переживание усиливается по интенсивности и глубине, вовлекая личность выстраивать систему внутриличностной защиты, призванной оградить сознание от травмирующих внешних и внутренних факторов, приводящих к тревоге и дискомфорту [10, с. 14]. Так из природосообразной эмоциональной центрации – эгоцентризма ребенка возникает и укрепляется процесс эмоциональной ригидности (а затем и тупости) – эгоизм (нарциссизм). Так, хронически авторитарная (гиперопека) или либеральная (гипоопека) коммуникативная среда провоцирует закрепление реакции сопротивления и защитной агрессии, что способствует формированию свойственного таким натурам эгоизма и фиксирует внимание субъекта на удовлетворении собственных потребностей вне ориентации на потребности окружающих, обесценивая переживания и ценности других людей, нивелируя эмоциональную отзывчивость по отношению к ним. Происходит закрепление эмоционально ригидных шаблонов отношения, что и порождает эмпатическую глухоту будущего экстремиста, упрощая его картину мира до узко индивидуальных интересов, нарушая законы нравственности. Такие люди внешне (социально) могут выглядеть адекватными и даже дружелюбными (формально выполняющими правила этикета), за исключением тех случаев, когда затаенная ярость ожидает и находит неожиданный повод для выплеска накопившегося негативизма в крайней форме его проявления. Например, несущественная ссора с одноклассником может привести к его жестокому (несоразмерному «вине») избиению; или приветливый ребенок будет пойман за садистскими изощренными издевательствами над бездомными животными; или у спокойного подростка внезапно появятся характерные порезы на руках. Иными словами, внешняя вроде благополучная социальная маска будет диссонировать с деструктивным поведением – цинизмом, сарказмом, агрессивным или аутоагрессивным поведением, фиксацией на отдельных разрушительных постулатах и иных проявлениях. Внимательные к эмоциональной сфере воспитанника педагоги могут скорректировать подобные признаки. Для дальнейшей педагогической работы понадобятся довольно серьезные психолого-педагогические меры – индивидуальная и групповая работа, направленная на создание безопасных психологических условий для проявления подавленных чувств и мыслей, коррекцию мотивационной и когнитивной сферы, вовлечение в социальную одобряемую деятельность и др.

Сложным для диагностики и тем более для реабилитационных воздействий будет третий этап становления экстремисткой направленности личности, который характеризуется хроническим субъективным чувством фрустрации, идеализацией собственных представлений на фоне обесценивания ценностей окружающих людей, формирование контрастно-категоричного шаблонного мышления. Эти и другие факторы логично в своем закреплении приводят к появлению деструктивной идеологии индивида, об актуальности которой упоминает ряд авторов [2, с. 36], [7, с. 33]. Человек, измученный внутриличностными конфликтами и противоречиями, бессознательно ищет способ оправдания, «узаконивания» своего невыносимого состояния. Субъек-

тивная идеология позволяет индивиду не просто «получить высшие полномочия» на право собственного существования, что наделяет его правом осуждения и наказания людей, не разделяющих подобных взглядов. Структурированность и ясность верования имеет вторичную роль: главное, что ей отдаются все душевные силы индивида, вся его психоэмоциональная энергетика. Возможно для одного человека это будут догматы, основанные якобы на учении Ислама, призывающие мученическим путем «покарать неверных», для другого – вера в первичное признание какой-либо нации, ведущей к дискриминации остальных и так далее. Фиксированный идеологический фетишизм замыкает порочный ментальный круг экстремиста. Деструктивная, категоричная, подчиняющая все окружение субъективная «идеальная идеология» – ключевой признак третьего этапа. Третий уровень – это потенциальная готовность к переходу от экстремистских взглядов непосредственно к экстремистскому поведению вплоть до терроризма.

По мнению М.М. Решетникова, экстремистами в абсолютном большинстве становятся «молодые люди в возрасте около 20 лет — плюс-минус пять лет» [11, с. 341]. Нижняя граница данной возрастной периодизации – время закрепления характерологических акцентуаций личности, поиск социальной самоидентификации, проявляющийся как «нравственный вакуум», что неминуемо заполняется разрушительными тенденциями сложившегося деструктивно-деформированного опыта общения у индивида. Поскольку в нормы социальной действительности не вписываются негативные критерии, зачастую экстремист пребывает в двух реальностях: в первой он ведет обычную жизнь, может работать или учиться, общаться и встречаться с представителями противоположного пола, быть «интеллигентным и воспитанным», не ввязываться в бытовые конфликты; во второй реальности индивид ощущает себя причастным к великому и идеальному, где он себя чувствует носителем особенной идеи, которая может обсуждаться только с такими же приверженцами, испытывающими презрение и ненависть к остальным. Вероятно, именно по причине «двойственности жизни» люди, окружавшие экстремиста, часто описывали его как «нормального» человека, не подозревая за ним ничего разрушительного. Так отзывались о Варваре Карауловой, которая со студенческой скамьи устремилась в «прекрасное далеко» за своим возлюбленным в ИГИЛ, об отличнике и спортсмене Сергее Гордееве, который вернулся в школу с ружьем и убил педагога, о поваре Акбаржоне Джалилове, который совершил кровавый теракт в метро в Санкт-Петербурге.

Чтобы положительно воздействовать на личность, находящуюся на третьем этапе понадобятся значительные педагогические усилия, требующие творческого осмысления педагогической теории и практики. Таковой может быть арт-педагогическая концепция [1], позволяющая создать условия творческого прикосновения к истории преобразования человека, его системе ценностей, национальным и семейным устоям, фактам биографии, чувствам и эмоциям, обнаруживающим нравственно-ценностную «точку опоры» и сдвинуть раскаленный экзистенциальный пласт экстремистской действительности в сторону его критического рационального переосмотра, переоценки моральных и идеологических постулатов, принятия истинно гуманных ценностей и целей.

Учитывая последовательность становления экстремистской направленности личности, представим далее в таблице типологию экстремистской направленности личности на основе характерных особенностей ее проявления (табл. 2).

Типология экстремисткой направленности личности

Тип А (первично выраженная экстремистская направленность личности)	
Признаки	Особенности проявления
1. Фрустрация	Доминирующее чувство неудовлетворенности базовых потребностей индивида
2. Негативизм	Проявление открытых протестов и сопротивления в виде капризности, упрямства и отчужденности. Первичные признаки неспособности вербализовать свои эмоции и чувства (признаки алекситимии)
3. Защитная агрессивность	Проявление сопротивления эмоционально аффективного (защитного) характера
4. Эгоизм	Стремление к удовлетворению собственных потребностей в ущерб окружающим
Тип В (устойчиво выраженная экстремистская направленность личности)	
Признаки	Особенности проявления
1. Фрустрированное состояние	Чувство хронического неудовлетворения базовых потребностей личности
2. Агрессивность/враждебность	Демонстрация внешнего благополучия при неожиданном проявлении необоснованной ярости и жестокости к окружающим, актуализация «образа врага»
3. Деструктивная манера общения	Желание доминирования и/или подавления оппонента, отказ либо формализация эмоционально доброжелательных контактов (избегание)
4. Неадекватная самооценка	Крайние показатели (неадекватно завышенная, либо неадекватно заниженная)
5. Контрастно-категоричное мышление	Фрагментарные (дискретные) иррациональные установки идеологической направленности, категоричность суждений
6. Признаки эгоизма (нарциссизма)	Слабая саморефлексия, высокомерие, презрение и ненависть к оппонентам, поиск внешней опоры в сообщниках (принадлежность к деструктивной группе)
Тип С (крайне выраженная экстремистская направленность личности)	
Признаки	Особенности проявления
1. Хроническое чувство фрустрации	Акцентуировано острое чувство неудовлетворенности своих потребностей
2. Контрастно-категоричное мышление	Сложившаяся иррационально деструктивная картина мира. Четкая, непримиримая и категоричная приверженность разрушительной идеологической модели (от индивидуальной до групповой и глобальной)
3. Выраженные признаки алекситимии и эгоизма (нарциссизма)	Эмоциональная тупость. Эмпатическая глухота. Отсутствие сочувствия. При этом могут быть отличные манипулятивные навыки и внешняя харизма, как у человека крайне нарциссического склада
4. Деструктивная манера общения	Полностью отвергается равенство с оппонентом, зачастую без вхождения в открытое противостояние. Деление только на «своих и чужих». Властность как тупое подчинение и подчиненность
5. Агрессия/враждебность	Внешне может слабо проявляться, как стремление сохранить до удобного случая всю свою ненависть к миру или агрессию по отношению к себе (в зависимости от экстрапунитивной или интрапунитивной направленности личности)

Выводы

В заключение можно отметить, что выделение признаков, свойственных личности с экстремистскими наклонностями может иметь практическое значение в педагогическом процессе, что поможет идентифицировать ключевые деструктивные особенности индивида и моделировать арт-педагогические условия формирования согласованного субъект-субъектного взаимодействия (учитель – родитель – ученик). Заметим, что сами по себе признаки лишены важной составляющей: понимания логики развития экстремистских тенденций в динамике их становления. Типология экстремистской направленности включает лишь этапы становления экстремистских наклонностей и призвана привлечь внимание педагогического сообщества к прогнозированию ее возможных негативных последствий и разработке комплекса профилактических педагогических мер.

Литература

1. Анисимов В.П. Арт-педагогика нравственности. Тверь: ТвГУ, 2010. 320 с.
2. Аристархова Т.Е. Основные черты и особенности молодежного экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1–2. С. 32–37.
3. Беляева С.И. Клинико-психологические особенности матерей делинквентных подростков: автореф. дис... канд. психол. наук. СПб, 2015. 24 с.
4. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998. URL: <http://psychology.academic.ru/2793/%D1%84%D1%80%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>
5. Давыдов Д.Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. №10. С. 4–17.
6. Ермолаева Е.Г. Изменение ценностно-смысловых ориентаций родителей как фактор коррекции нарушений семейного воспитания подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.
7. Зеленев Ю.Н. Теория и практика педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования: автореф. дис... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2014. 39 с.
8. Клейникова Т.П. Детский негативизм: признаки и причины его проявления // Научный диалог. 2013. №8. С. 131–139.
9. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений: монография. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 91. URL: <http://disus.ru/knigi/5918-3-markovskaya-psihologiya-detsko-roditelskih-otnosheniy-monografiya-oglavlenie-vvedenie-glava-istoricheskie-kulturalnie-aspe.php>
10. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
11. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. 352 с.
12. Сковрцова Т.П. Арт-педагогические условия взаимодействия субъектов образовательного процесса в профилактике негативизма детей дошкольного возраста: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород: НовГУ, 2017. 172 с. URL: <http://www.novsu.ru/file/1265045> (Дата обращения 12.04.2017)
13. Фрустрация: Понятие и диагностика. Омск: ОмГУ, 2004. 68 с.
14. Хорни К. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Психология женщины. Невротическая личность нашего времени. М., 1997. 496 с.
15. Хотчикс С. Адская паутина: Как выжить в мире нарциссизма. М.: Класс, 2013. 248 с.
16. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2010. 288 с.
17. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/1497/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%8F

References

1. Anisimov V.P. *Art-pedagogika npravstvennosti* [Art pedagogy of morality: monograph]. Tver, 2010. 320 p.
2. Aristarkhova T.Ye. Osnovnyie cherty i osobennosti molodozhnogo ekstremizma [Main features and characteristics of youth extremism]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [News of Tula State University. Economic and legal sciences], 2014, no. 1–2, pp. 32–37.
3. Bel'aieva S.I. *Kliniko-psikhologicheskie osobennosti materei delinkventnykh podrostkov: avtoref. diss. ...kand. psikh. nauk* [Clinical and psychological characteristics of delinquent mothers. Dr. dis.]. St Petersburg, 2015. 24 p.
4. Golovin S.Iu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of applied psychologist], 1998. Available at: [http : //psychology.academic.ru/2793/%D1%84%D1%80%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F](http://psychology.academic.ru/2793/%D1%84%D1%80%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F)
5. Davydov D.G. Prichiny molodozhnogo ekstremizma i ego profilaktika v obrazovatel'noi srede [The causes of youth extremism and its prevention in the educational environment]. *Sotsiologiya obrazovaniia* [Sociology of Education], 2013, no.10, pp. 4–17.
6. Termolaieva Ie.G. *Izmeneniie tsemnostno-smyslovykh orientatsii roditeli kak faktor korrektsii narushenii semeynogo vospitaniia podrostkov: avtoref. diss. ...kand. psikh. nauk* [Change in the value-semantic orientations of parents as a factor in correcting violations of family upbringing of adolescents. Dr. dis.]. Ekaterinburg, 2008. 27 p.
7. Zelenov Iu.N. *Teoriia i praktika pedagogicheskoi profilaktiki ekstremistskikh proiavlenii v molodozhnoi srede v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniia: avtoref. Dis.... dok. ped. nauk* [Theory and practice of pedagogical prevention of extremist manifestations in the youth environment in the system of continuous vocational education. Dr. dis.]. Ekaterinburg, 2014. 39 p.
8. Kleynikova T. P. Detskii negativizm: priznaki i prichiny ego proiavleniia [Children's negativism: signs and causes of its manifestation]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2013, no. 8, pp. 131–139.
9. Markovskaia I.M. *Psikhologiya detsko-roditel'skikh otnoshenii: monografiia* [Psychology of child-parent relations: monograph]. Cheliabinsk. Available at: <http://disus.ru/knigi/5918-3-markovskaya-psihologiya-detsko-roditelskih-otnosheniy-monografiya-oglavlenie-vvedenie-glava-istoricheskie-kulturalnie-aspe.php>
10. Nikol'skaia I.M., Granovskaia R.M. *Psikhologicheskaiia zashchita u detei* [Psychological defense in children]. St Petersburg, 2010. 352 p.
11. *Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora* [Psychology and psychopathology of terrorism. Humanitarian strategy of anti-terror]. St Petersburg, 2004. 352 p.
12. Skvortsova T.P. *Art-pedagogicheskie uslovia vzaimodeystviia sub"iektov obrazovatel'nogo protsessa v profilaktike negativizma detey doshkol'nogo vozrasta. Dissert... kand ped. nauk* [Art-pedagogical conditions of interaction of subjects of the educational process in the prevention of negativism of preschool children. Dr. dis.]. Nizhny Novgorod, 2017. 172 p. Available at: <http://www.novsu.ru/file/1265045>
13. *Frustratsiia: Poniatie i diagnostika* [Frustration: concept and diagnostics]. Omsk, 2004. 68 p.
14. Khorni K. *Sobranie sochinenii. V 3 t. T. 1. Psikhologiya zhenshchiny; Nevroticheskaiia lichnost' nashego vremeni* [Collected works. In 3 volumes, vol. 1. Psychology of women. The neurotic personality of our time]. Moscow, 1997. 496 p.
15. Khotchkis S. *Adskaiia pautina: Kak vyzhit' v mire nartsissizma* [Infernal Cobweb: How to Survive in the World of Narcissism]. Moscow, 2013. 248 p.
16. *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. Moscow, 2010. 288 p.
17. *Entsiklopedicheskii slovar' po psikhologii i pedagogike*, 2013. Available at: http://psychology_pedagogy.academic.ru/1497/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%8F

Примечание: работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, доцента В.П. Анисимова.

Шарапов А.В. Психолого-педагогические признаки и типология экстремистской направленности личности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 196–204.

For citation: Sharapov A.V. Psychological and pedagogical signs and typology of extremist personality. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 196–204.

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-29
УДК 37.02

© Шонин М.Ю., 2017

Шонин Максим Юрьевич

Аспирант, Московский гуманитарный
университет
(Москва, Россия)
E-mail: st_max_92@mail.ru

Shonin Maxim Yurievich

Post-graduate student,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)
E-mail: st_max_92@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ
НА ОСНОВЕ СИСТЕМНОГО
ПОДХОДА**

**DEVELOPMENT OF STUDENTS'
COGNITIVE ACTIVITIES BASED
ON THE SYSTEM APPROACH**

Аннотация. В педагогической теории сложился определенный стереотип неоднозначного восприятия и, соответственно, употребления педагогических понятий, что нередко приводит к очевидной смысловой путанице, а в некоторых случаях – к прямой подмене понятий. Рассмотрение изучаемых понятий в рамках какого-либо методологического подхода позволит решить данную проблему.

В данной статье раскрывается сущность понятия «познавательная активность», а также логика ее развития на основе системного подхода.

Ключевые слова: гуманитарное знание, система, системный подход, методы системного подхода, познавательная активность и ее признаки, потребность, интерес, модель развития познавательной активности

Abstract. In the pedagogics there was a certain stereotype of ambiguous perception and, respectively, the use of pedagogical terms that quite often leads to obvious semantic confusion, and in certain cases to direct substitution of concepts. Reviewing the studied concepts within any methodological approach will allow to solve this problem.

In this article the entity of the concept «cognitive activity» and also the logic of its development on the basis of the systems concept is revealed.

Keywords: humanities knowledge, system, system approach, methods of the system approach, cognitive activity and its signs, requirement, interest, the model of development of cognitive activity

Введение

В процессе многовековой истории существования человечества удалось сформировать обширный набор знаний о природе, обществе, мышлении, технике, способах деятельности, системе умений и навыков, творческой деятельности, опыте и нормах эмоционально волевого отношения к миру, культуре и т.д. [6]. Эти знания условно можно поделить на гуманитарные и естественнонаучные.

Согласно В.В. Ильину, гуманитарное знание – это «знание о собственно человеческом в человеке, что сосуществует в нем вместе и наряду с его физическими, физиологическими и прочими натуралистическими определениями» [2, с. 24]. Носителями гуманитарного знания являются многие изучаемые науки – история, социология, политология и другие. К их числу относится и педагогика – наука о воспитании и обучении.

Подрастающая молодежь нашей страны приобретает в общеобразовательной школе систематические и глубокие знания основ наук. Однако это не легкая экскурсия в мир человеческой мудрости, а серьезный труд, требующий выполнения уча-

щимися сложных умственных операций. Результаты его в значительной степени зависят от активности в нем учащихся. Важнейшим компонентом активности личности является познавательная активность.

Познавательная активность направлена на приобретение определенного набора знаний, умений и навыков, необходимого для достижения личностью поставленных целей и реализуется как в учебном процессе, так и в процессе самостоятельной деятельности, направленной на получение знаний, умений и навыков.

В настоящей статье был сделан акцент на применение системного подхода в построении логики развития познавательной активности.

Основная часть

Вопрос определения и существования истины является одним из вечных вопросов гносеологии. Известный философ И.В. Гете указывал: «Мудрость лишь в истине». А значит, при построении какой-либо научной теории необходимо использовать понятийный аппарат, формирующий истину научного знания. В философии различают абсолютную и относительную истину.

Абсолютная истина есть такое знание, которое полностью исчерпывает предмет и не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания [8, с. 226]. Примером абсолютной истины могут послужить предложения, представляющие в себе констатацию факта, например: «число π есть отношение длины окружности к ее диаметру» или «Ю.А. Гагарин совершил полет в космос 12 апреля 1961 года».

Относительная истина – «это неполное, неточное знание, соответствующее определенному уровню развития общества, который обуславливает способы получения этого знания; это знание, зависящее от определенных условий, места и времени его получения» [8, с. 226]. В качестве примера рассмотрим атом. В древности считалось, что данный физический объект неделим. В начале XX в. было установлено, что он «состоит» из электронов. На сегодняшний день выясняется, что он уже «состоит» из огромного количества элементарных частиц, число которых постоянно растет.

Таким образом, если истинность естественнонаучного знания подтверждается теоретическим путем, то истинность гуманитарного знания (относительная истина) трудно доказуема, что приводит к сложности трактовки гуманитарных понятий. Например, существуют различные определения понятия «метод обучения»: это «орудие в руках учителя, способ его действия в отношении ученика и способы работы ученика под руководством учителя» (М.М. Пистрак); «путь, при помощи которого учитель организует, направляет и руководит работой учащихся по овладению ими основами наук» (П.Н. Шинбирев); «способ организации познавательной деятельности учащихся, обеспечивающий овладение знаниями, методами познания и практической деятельности» (М.Н. Скаткин); «форму теоретического и практического овладения учебным материалом, исходящего из задач образования, воспитания и развития личности школьника (С.П. Баранов)» и др. [5].

Однако, если даже такое достаточно наблюдаемое в реальной жизни понятие имеет множество определений, то существуют другие, более трудно диагностируемые и определяемые единицы гуманитарного знания, природа которых заложена глубоко в личности человека. К таким понятиям относится познавательная активность.

В современной педагогической науке доступны множества определений данного понятия. Вместе с тем следует отметить отсутствие в теории и практике педагогического знания единого подхода, направленного на определение «познавательной активности» и в дальнейшем ее формирования и развития. Это можно увидеть на примере некоторых определений познавательной активности, порой нерядоположенных.

Например, одни авторы рассматривают ее, с одной стороны, как личностную характеристику: познавательная активность – это «личностное новообразование, деятельное состояние, которое выражает интеллектуально-эмоциональный отклик ребенка на процесс познания» (Морозова И.С., Штепина И.С.); «ценное личностное образование, выражающее отношение человека к деятельности» (Щукина Г.И.); «общеличностная характеристика, выражающая отношение студента к содержанию и процессу учебно-познавательной деятельности, стремление производить профессионально значимые познавательные действия для получения, переработки и усвоения профессиональных знаний и способов деятельности в целях преобразования и совершенствования будущей профессиональной деятельности» (Осипова О.В.); «степень энергичности школьника в познании, характеризующаяся мерой усилия в участии обучаемого в процессе поиска неизвестного» (Богословский В.В.) и другие. С другой стороны, познавательная активность может быть рассмотрена как характеристика деятельности: «вид учебной деятельности, при котором предполагается определенный уровень самостоятельности во всех ее структурных компонентах – от постановки проблемы до осуществления контроля, самоконтроля и коррекции, с переходом от выполнения простейших видов работы к более сложным, носящим характер поисковой активности» (Мокшина Н.Г.); «качество деятельности ученика, которое проявляется в его отношении к содержанию и процессу учения, к стремлению к эффективному овладению знаниями и способами деятельности за оптимальное время, в мобилизации нравственных усилий на достижение учебно-познавательных целей» (Шамова Т.И.) и др.

Для понимания структуры данного понятия на основе изучения многих определений нами были выделены некоторые его существенные признаки: познавательный интерес, коммуникабельность, воля, целеустремленность, инициативность. Для дальнейшего оперирования с выделенными признаками необходимо решить вопрос о логике их отображения в единой структуре. В основу данной структуры нами были положены категории: «потребность», определяющаяся как «источник активности человека, которая побуждает его к деятельности по ее удовлетворению» и «интерес» – «потребность, оказывающая на человека достаточно сильные эмоциональные переживания» [7, с. 78–79]. Завершающим этапом структуры послужила категория «познавательная активность». Для более эффективного построения данного алгоритма нами был выбран системный подход.

В основе системного подхода лежит рассмотрение объектов как совокупности взаимосвязанных компонентов, при взаимодействии которых объект приобретает новые интегративные свойства (принцип системности).

Известные методологи И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин сформулировали системный подход как направление методологии научного познания, в котором объект рассматривается как система целостного комплекса взаимосвязанных элементов [1]. Системный подход, по их мнению, позволял и позволяет решать два рода задач: корректно ставить проблемы в конкретных науках и вырабатывать эффективную стратегию их изучения.

Методологическими предпосылками появления системного подхода, по мнению Э.Г. Юдина, явились рост роли синтеза и роли сравнительно-типологических исследований [10].

Позитивная роль данного направления методологии заключается в выявлении более широкой познавательной реальности, внедрении в практику новых схем объяснения, допуска нескольких вариантов расчленения объекта на составные части. Основными приемами исследования при данном подходе являются моделирование, системно-структурный и функциональный анализ, прием анализа и синтеза. В даль-

нейшем исследовании для нас ключевую роль будут иметь системно-структурный анализ и прием анализа и синтеза. Для рассмотрения познавательной активности с позиции системного подхода сформулируем понятие системы, ее особенности.

Система (от греч. «целое, составленное из частей, соединение») – это «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [8, с. 610]. В качестве составляющих системы выступают: элементы – компоненты системы, их связи – взаимодействие элемента системы с другими элементами или системой в целом [3].

Рассмотрение системы, как правило, происходит с позиций единого целого или совокупности ее частей (элементов). Как динамическая характеристика система должна быть наблюдаема в процессе ее развития, движения. С целью упрощения порядка рассмотрения и, как следствие, разработки систем необходимо введение иерархии частей и их ранжирования. Элемент системы выступает целым по отношению к окружающей среде, имеет свои специфические функции и развивается по свойственным ему законам, а их совокупность в определенной логике изложения, необходимой и достаточной для достижения цели самой системы. Одним из важных условий является то, что система, в принципе, является неделимой, так как любое ее членение приводит в качественно иное состояние, существенно отличающееся от исходной целостности. Так известный философ К. Маркс утверждал, что целое не равно сумме своих частей [4].

Следует отметить, что выделенные признаки познавательной активности представляют собой статичные понятия, обособленные динамической категорией «активность», устремляющей личность к процессу познания и тем самым развивающей в ней познавательную активность.

Таким образом, основой нашей модели, изображенной на рисунке, послужила совокупность психолого-педагогических категорий: «потребность», «интерес», «познавательный интерес», «коммуникабельность», «воля», «целеустремленность», «инициативность», «активность», «познавательная активность».

Данные категории расположены в определенной иерархии по степени их замкнутости, каждая из них способна к индивидуальному существованию и обоснованию [9]. Для достижения своей цели данная модель должна сохранять свойства целостности и динамичности. Например, ее существование будет невозможным без признаков познавательной активности или без активности.

Таким образом, можно судить, что данная модель является системой, которая образовалась на основе системного подхода: метода анализа и синтеза, а также системно-структурного анализа.

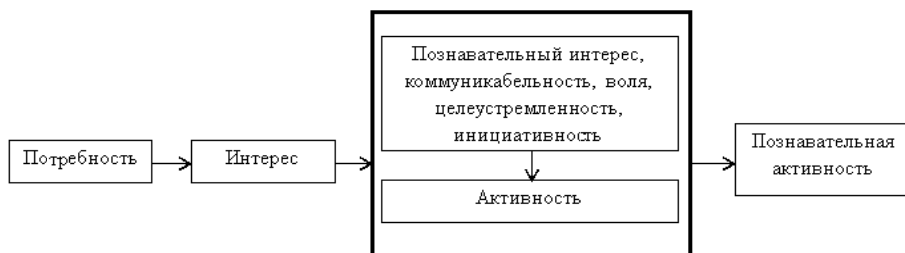

Рисунок. Модель развития познавательной активности

Выводы

Рассмотрение философии гуманитарного знания позволяет судить о неоднозначности входящих в него понятий. Анализ научно-методологической литературы выделяет различные подходы к проблеме построения гуманитарного знания. Одним из них является системный подход.

В рамках настоящей статьи мы выделили признаки познавательной активности (познавательный интерес, инициативность, воля, коммуникабельность, целеустремленность). На их основе, а также проведенном исследовании [7], попытались обосновать модель логики развития познавательной активности с позиции системы, с учетом системного подхода и его методов: анализа и синтеза, системно-структурного анализа.

Таким образом, нами была обоснована содержательная и структурная стороны модели развития познавательной активности.

Литература

1. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 274 с.
2. Ильин В.В. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
3. Ланге О. Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 181–251.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1959, Т. 46. Ч.1. 559 с.
5. Ситаров В.А. Концепты воспитания: доступность понимания ключевого понятия и стереотипность его оценивания // Знание. Понимание. Умение. 2016. №3. С. 32–39.
6. Ситаров В.А. Теория обучения. Теория и практика. М.: Юрайт, 2014. 447 с.
7. Ситаров В.А., Шонин М.Ю. Логика развития познавательной активности // Проблемы современного педагогического образования. Серия Педагогика и психология. Сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА, 2017. Вып. 55. Ч. 7. С. 77–86.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
9. Шонин М.Ю. О структурном анализе понятия «познавательный интерес» у школьников // Высшее образование для XXI в.: XIII Международная научная конференция. Доклады и материалы. Секция 1. Педагогика и образование / отв. ред. А.А. Фортунатов. М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2016. Ч. 3. С. 88–94.
10. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

References

1. Blauberger I.V., Iudin E.G. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda* [Formation and entity of the systems concept]. Moscow, 1973. 274 p.
2. Ilyin V.V. *Filosofia nauki: Slovar' osnovnykh terminov* [Science philosophy: Dictionary of the main terms]. Moscow, 2004. 320 p.
3. Lange O. Celoe i razvitie v svete kibernetiki [Whole and development in the light of cybernetics]. *Issledovaniia po obshchei teorii sistem* [Researches on the general systems theory]. Moscow, 1969, pp. 181–251.
4. Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engel's F. Sochineniia* [Compositions]. Moscow, 1973, vol. 46. 559 p.
5. Sitarov V.A. *Koncepty vospitaniia: dostupnost' ponimaniia klyuchevogo poniatii i stereotipnost' ego ocenivaniia* [Education concepts: accessibility of understanding of a key concept and stereotype of its estimation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 2016, no. 3, pp. 32–39.

6. Sitarov V.A. *Teoriia obucheniia. Teoriia i praktika: uchebnik dlia bakalavrov* [Didactics: Studies the manual for student]. Moscow, 2004. 368 p.

7. Sitarov V.A., Shonin M.Iu. Logika razvitiia poznavatel'noi aktivnosti [Logic of development of cognitive activity]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia. Seriia Pedagogika i psihologiya. Sbornik nauchnykh trudov* [Problem of the modern pedagogical education. Pedagogics and psychology. Collection of scientific works]. Ialta, 2017, Issue 55, vol. 7, pp. 77–86.

8. *Filosofskii ehnciklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1983. 836 p.

9. Shonin M. Iu. O strukturnom analize poniatii «poznavatel'nyi interes» u shkol'nikov [About the structural analysis of the concept «cognitive interest» at school students]. *Vysshee obrazovanie dlia XXI v.: XIII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia. Doklady i materialy. Sekciia 1. Pedagogika i obrazovanie* [The Higher education for XXI: XIII International scientific conference. Reports and materials. Section 1. Pedagogics and education]. Moscow, 2016, pp. 88–94.

10. Iudin E.G. *Sistemnyj podhod i princip deiatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [System approach and the principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow, 1978. 391 p.

Примечание: работа выполнена под руководством Заслуженного работника высшей школы РФ, доктора педагогических наук, профессора В.А. Ситарова.

Шонин М.Ю. Развитие познавательной активности учащихся на основе системного подхода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 205–210.

For citation: Shonin M.Y. Development of students' cognitive activities based on the system approach. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 205–210.

«Согреет всех мое бессмертье...»: научная конференция, посвященная 130-летию И. Северянина

16–17 мая 2017 г. в Череповецком государственном университете прошла Всероссийская научная конференция «Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX–XXI веков», посвященная 130-летию со дня рождения выдающегося русского поэта Серебряного века. Она была организована кафедрами связей с общественностью, журналистики и рекламы и отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института при содействии Северянинского общества Череповца (ДДиО «Дом знаний») и литературного музея И. Северянина (ЧерМО).

Перед началом конференции, пленарное заседание которой проходило в административном здании Череповецкого государственного университета (пр-т Луначарского, 5) (здесь до революции 1917 г. размещалось реальное училище, где 4 года проучился И. Северянин), состоялось возложение цветов к установленной на нем мемориальной доске поэта. С приветственным словом к участникам конференции обратились директор Гуманитарного института профессор А.В. Чернов, поэт и исследователь из Санкт-Петербурга Л.П. Федунова, представители Управления культуры города. Прозвучали стихи И. Северянина в исполнении учениц Женской гуманитарной гимназии.

Пленарное заседание конференции открыл проректор Череповецкого государственного университета по научной работе К.А. Харахнин. В докладе проф. ВоГУ Ю.В. Розанова были проанализированы обстоятельства поездки И. Северянина в Париж зимой 1931 г., где поэт выступил с двумя поэзоконцертами и встретился с представителями русской литературной эмиграции (А.М. Ремизовым, Н.А. Теффи, М.И. Цветаевой и др.). «Парижская» тема получила продолжение в выступлении проф. Череповецкого государственного университета С.Ю. Лавровой, обратившейся к рассмотрению неотправленного письма М.И. Цветаевой И. Северянину, написанного под впечатлением от парижских концертов поэта в феврале 1931 г. В своем письме Цветаева дает самую высокую оценку поэту, победившему время, доказавшему, по мнению Марины Ивановны, истинность своей поэзии. К неожиданной для творчества И. Северянина проблеме обратилась в своем докладе проф. Н.В. Володина, проанализировавшая поэтический и религиозный контексты стихотворения поэта «Канон Св. Иосафу», а проф. Р.Л. Смулаковская рассмотрела примеры использования И. Северяниным прецедентных феноменов в цикле «Медальо-

ны». Руководитель Рубцовского центра г. Санкт-Петербурга Л.П. Федунова обратилась к анализу художественного осмысления судьбы поэта Э.Т.А. Гофмана в сонетах-«медальонах» И. Северянина, доц. И.А. Птицын попытался разобраться в сложных перипетиях взаимоотношений И. Северянина и Б. Пастернака, доц. Е.Е. Соловьева обратила внимание на особенности музыкальной образности в поэзии И. Северянина, а доцент ВоГУ О.Ю. Неволina рассмотрела в своем докладе образы водной стихии в «поэтической вселенной» И. Северянина.

Украшением пленарного заседания конференции стал спектакль по стихам И. Северянина «Медальоны» в исполнении студентов ВоГУ (постановка Д. Заботина, руководитель – проф. Л.Ю. Зорина). Кроме того, в перерыве заседания в фойе административного корпуса состоялось открытие персональной выставки проф. Череповецкого государственного университета, члена СХ России В.И. Филипповой «Я вас пою, волшебные пейзажи».

После перерыва конференция продолжила работу в Северянинском центре Череповца (в здании ДДиЮ «Дом знаний»). На следующий день ее участники совершили поездку в литературный музей И. Северянина, расположенный в деревне Владимировка.

Всего на конференции было представлено 29 докладов исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Арзамаса, Вологды и Череповца. Прошедшая конференция стала фактически самым масштабным в России за последние годы научным мероприятием, посвященным наследию И. Северянина. Материалы конференции были опубликованы в сборнике научных работ, изданном Череповецким государственным университетом к началу ее работы.

А.Е. Новиков

Зотею Константиновичу Кабакову 75 лет!

24 октября исполнилось 75 лет известному ученому в области математического моделирования металлургических процессов, доктору технических наук, профессору Зотею Константиновичу Кабакову.

Зотей Константинович родился в г. Серове Свердловской области. В 1961 г. после окончания Серовского металлургического техникума по специальности «Электрометаллургия стали и ферросплавов» поступил в Уральский государственный университет, где обучался по специальности «Математика». После завершения 1 курса был призван в ряды Советской Армии, где и отслужил 3 года в качестве оператора индукционной сталеплавильной печи на заводе в группе Советских войск в Германии.

После службы вернулся в университет, и после его окончания в 1969 г. был направлен на работу в лабораторию теплотехники нагрева, охлаждения и кристаллизации слитка Всесоюзного НИИ металлургической теплотехники (ВНИИМТ, г. Свердловск). В течение 1969–1995 гг. работал в данной лаборатории на должностях старшего лаборанта, младшего и старшего научного сотрудника, начальника лаборатории. При его участии создана методология разработки и совершенствования режимов вторичного охлаждения заготовок, отливаемых на машинах непрерывного литья (МНЛЗ). Разработанная методология использована на МНЛЗ металлургических заводов и комбинатов СССР (НТМК, НЛМК, ОХМК, ЧерМК, БМЗ, ПМЗ, «Амурсталь» и др.). Разработки, выполненные с участием З.К. Кабакова, были представлены ВНИИМТ на ВДНХ СССР в 1980 и 1985 гг., где получили высокую оценку.

В 1974 г. З.К. Кабаков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Теплотехническое исследование затвердевания и охлаждения листовых стальных слитков при непрерывной разливке». В 1978 г. ВАК при Совете Министров СССР присвоил З.К. Кабакову ученое звание старшего научного сотрудника.

В течение 1989–1994 гг. руководил основным разделом работы по обоснованию конструктивных и технологических параметров устройств кондуктивного электромагнитного перемешивания (КЭМП) в затвердевающих заготовках на МНЛЗ. Работа выполнялась в соответствии с поставленной в 1986–1987 гг. программой работ по электромагнитному перемешиванию (ЭМП) при непрерывной разливке стали, утвержденной первым заместителем министра черной металлургии, и программой КРН ТП СЭВ (раздел 4.3.4.4. «Разработка оборудования и технологических режимов ЭМП жидкой фазы непрерывных слитков в процессе затвердевания»).

На основе обобщения результатов исследований, выполненных лабораторией, Зотею Константиновичем Кабаковым создана методология разработки и освоения устройств КЭМП, электромагнитного торможения (ЭМТ) затопленной струи жидкой стали в кристаллизаторе слябовых МНЛЗ и электромагнитной деформации поперечного сечения свободной струи жидкого металла, позволяющей разливать металл в кристаллизаторы для формирования тонких слябов (ДС). Разработанная методология использована при разработке и промышленном опробовании опытно-промышленных устройств КЭМП для вертикальной МНЛЗ кислородно-конвертерного цеха Новолипецкого металлургического комбината, а также машины полупрерывного литья кузнечных слитков на опытно-экспериментальном заводе НИИПТМАШ (г. Краматорск, Украина). В результате опробования этих устройств с участием З.К. Кабакова получено улучшение качества металла по неметаллическим включениям, сокращение количества трещин и повышение выхода годного металла. Подготовлены исходные данные для проектирования устройства КЭМП вертикальных МНЛЗ электросталеплавильных цехов НЛМК и ЧерМК, а также устройства ЭМТ для кристаллизатора слябовой вертикальной МНЛЗ ЧерМК.

Диссертацию «Теплотехнические основы и разработка устройств магнитного и электрического воздействия для повышения качества металла при непрерывной разливке стали» на соискание ученой степени доктора технических наук защитил в 1994 г. В 1988–1990 гг. состоял членом Всесоюзного координационного совета научной программы «СЛИТОК». Принимал участие в работе специализированного совета по защите кандидатских диссертаций и Ученого совета ВНИИМТ.

В 1995 г. Зотей Константинович переехал по приглашению Череповецкого государственного университета (ЧГУ) в г. Череповец, где работал на должностях профессора на кафедре металлургических технологий, заведующего кафедрой, декана металлургического факультета и заместителя директора по науке Инженерно-технического института. В настоящее время работает профессором кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования. В 2000 г. ему присвоено звание профессора по кафедре металлургических технологий.

Зотей Константинович Кабаков руководит созданной им научной школой моделирования металлургических процессов. Подготовил 10 кандидатов наук по 5 различным специальностям. Занимается разработкой математических моделей металлургических технологий. Его модели используются в учебных целях и при выполнении научно-исследовательских работ. Под его руководством аспирантами и дипломниками разработано около 25 моделей различных металлургических процессов.

Наиболее существенными из его последних разработок являются: «Методика расчета угловых коэффициентов лучистого теплообмена между стенками бесконечно длинного канала постоянного сечения», «Математическая модель системы процессов при вакуумировании жидкой стали в ковше», «Математическая модель роста дендритов при кристаллизации двойных сплавов», «Энергосберегающие технологии при внепечной обработке стали в ковше, при охлаждении слэбов на холодном складе и нагреве шихты в шахте дуговой сталеплавильной печи ФУКСа».

В ЧГУ выполнял НИР в рамках хоздоговоров по заданиям: ОАО «Северсталь», ПТМ «Северо-Запад», ЗАО «Прочность», АКХ «ВНИИМЕТМАШ» (г. Москва), ДАТА центр (г. Екатеринбург). Руководил НИР по различным грантам.

В настоящее время Зотей Константинович Кабаков принимает активное участие в работе российских и международных симпозиумов, конгрессов и конференций. Автор свыше 330 научных публикаций, в том числе 27 на иностранном языке. Является автором 9 изобретений. Результаты исследований обобщены в четырех монографиях.

З.К. Кабаков состоит экспертом Российского исследовательского центра экспертиз (ФБГНУ НИИ РИНКЦЭ, г. Москва), являлся членом редколлегии научного журнала «Вестник ЧГУ» и ежегодного сборника трудов Международного научного семинара в рамках конференции «Череповецкие научные чтения». Член диссертационного совета Д 212.297.02 при ЧГУ и действительный член Российской и Европейской Академий Естествознания.

*Главный редактор журнала «Вестник ЧГУ»,
доктор технических наук, профессор
Н.И. Шестаков*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке – аннотациями на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются и в течение 3-х дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

7. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

8. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию рецензии научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, и справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

9. Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

10. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: Н. А. Тихомирова (8202) 51-72-40

E-mail: **vestnik-chsu@yandex.ru**

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Номер страницы располагается внизу справа.
Объем статьи	5–8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы, фамилия (фамилии) автора (авторов) – справа полужирным курсивом на русском языке, ниже курсивом на русском языке – место работы (полностью). 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора курсивом пишется: Научный руководитель: ученая степень, ученое звание, И.О. Фамилия. 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы, фамилия (фамилии) автора (авторов), должность, место работы – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать содержание статьи. 9. Ключевые слова (5–10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 10. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может быть больше. 11. Ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 12. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык. 13. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы: <ul style="list-style-type: none"> – введение; – основная часть; – выводы. Данная структура статьи рекомендуется для направлений: филологические науки, педагогические науки. 14. Список литературы – по центру, обычным шрифтом. <p style="text-align: center;">Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>

Библио- графический список	<p>1. Список цитируемой литературы в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003.</p> <p>Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы.</p> <p>После перечня литературы на русском языке приводится весь список в транслитерации (References) с переводом на английский язык наименования книги, места издания (см. ниже образец). Транслитерировать следует с помощью ресурса www.translit.ru в варианте LC (выбрать в меню «Варианты», расположенном под буквами).</p> <p>Источники, представленные изначально на английском языке, не транслитерируются и не переводятся. Если все источники изначально указаны в англоязычном варианте, то список литературы должен быть представлен 1 раз (References).</p> <p>2. Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53–54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22]. Если представлена ссылка на англоязычный источник, то указывается следующим образом: [5, p. 13].</p> <p>Образец оформления:</p> <p style="text-align: right;">Литература</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии // Черные металлы. 1988. №13. С. 3–12. 2. Масловский М.В. Современная западная теоретическая социология. Н. Новгород, 2005.155 с. URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 3. Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. М., 2003. С. 39–53. 4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 256 с. 6. Салахетдинов Э. Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с. 6. Третьяков А.В., Гарбер Э.А., Давлетбаев Г.Г. Расчет и исследование прокатных валков. М., 1976. 376 с. 7. Чиршева Г.Н.,Скородумова Е.В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №4. С. 116–120. 8. Чиршева Г.Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 295 с. 9. Weber M. The Rationalization of Education and Training // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. N.Y., 1946. 421 p. 10. Cross A.G. An Anglo-Russian Medley // The Slavonic and East European Review, 1992, vol. 70, pp. 708–721.
----------------------------------	---

Для выполнения транслитерации и перевода источников на английский язык следует использовать системы автоматического перевода.

Первоначально указывается фамилия автора(ов) в транслитерации, а затем наименование книги сначала в транслитерации, затем в переводе на английский язык в квадратных скобках. Далее следует место издания в переводе на английский язык (Moscow, Leningrad, NY, Oxford), год издания, количество страниц в источнике. Если приводимой статье присвоен индекс DOI, его указание обязательно.

При написании источников на английском языке следует исключить символ «/» или «//». Наименование книги, журнала, в котором расположена статья, приводится курсивом в транслитерации, а в переводе обычным шрифтом в квадратных скобках. Подробнее об оформлении литературы см. ниже.

References

1. Kavakami K. Modernizaciya tekhnologi cheskih processov v chernoi metallurgii Yaponii [Modernization of production processes in the steel industry of Japan]. *Chernyemetally* [Ferrous metals], 1988, no. 13, pp. 3–12.

2. Maslovskii M.V. *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sociologiya* [Modern Western theoretical sociology]. N. Novgorod, 2005. 155 p. Available at: <http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7>. Html (accessed 5 February 2015)

3. Platova E. Fenomen podrostkovogo fanatizma – futbol'nye fanaty [The phenomenon of teenage fanaticism – football fans]. *Nauchno-prakticheskaya deyatel'nost' molodyh uchenykh i studentov v ramkah programmy modernizacii obrazovaniya: tezisy konferencii* [Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program: Conference abstracts]. Moscow, 2003, pp. 39–53.

4. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, 1986, 256 p.

6. Salahetdinov E.H. *Lichnostnye harakteristiki futbol'nykh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture* [Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports. Dr. dis.]. Moscow, 2008. 25 p.

6. Tret'yakov A.V., Garber E.H.A., Davletbaev G.G. *Raschet i issledovanie prokatnykh valkov* [Calculation and study of the rolls]. Moscow, 1976. 376 p.

7. Chirsheva G.N., Skorodumova E.V. Otnoshenie cherepoveckikh doshkol'nikov i ih roditelei k izucheniyu inostrannykh yazykov (po materialam oprosa) [Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, no. 4, pp. 116–120.

8. Chirsheva G.N. *Sopostavitel'nyy analiz metonimicheskikh perenosov v yazykekhudozhestvennoiprozyivpublicistiki* [Comparative analysis of metonymic language fiction and journalism. Dr. philol. sci. dis.]. Leningrad, 1986, 295 p.

9. Weber M. The Rationalization of Education and Training. Gerth H., Mills C.W.R. *From Max Weber: Essays in Sociology*. N.Y., 1946. 421 p.

10. Cross A.G. An Anglo-Russian Medley. *The Slavonic and East European Review*, 1992, vol. 70, pp. 708–721.

Примечания и комментарии

Нумерация сносок постраничная.

Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии

1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы.

2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450

	<p>дפי/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются.</p> <p>3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений.</p> <p>4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.</p>
Таблицы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
Единицы физических величин	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
Формулы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Equation 3.0, Math Type 6.0. 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках. 3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 4. Номер выставляется посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста. $\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$
Сведения об авторе (авторах)	<p>После статьи в таблице, состоящей из 2-х столбцов, предоставляются сведения об авторе (авторах), которые содержат следующие данные:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ФИО полностью. 2. Ученая степень (при наличии). 3. Ученое звание (при наличии). 4. Место работы (полностью – должность, организация). Сокращения не допускаются. 5. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, должность) научного руководителя. 6. Контактная информация для переписки: полный почтовый адрес с указанием индекса; телефон; e-mail (каждого автора). <p>Все сведения, кроме п. 5, 6, приводятся на русском и английском языках. При переводе ученых степеней и званий используются общепринятые англоязычные аббревиатуры, например: PhD (Philology).</p> <p>Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.</p>

<p>Бурова Лидия Ильинична Доктор педагогических наук, профессор, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия) E-mail: pimno@chsu.ru</p>	<p>Burova Lidiya Ilinichna Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia) E-mail: pimno@chsu.ru</p>
<p>Капустина Елена Юрьевна Кандидат педагогических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия) E-mail: m_ey@mail.ru</p>	<p>Kapustina Elena Yurevna PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia) E-mail: m_ey@mail.ru</p>
<p>ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ</p>	<p>FEATURES OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES FOR FORMATION OF GENDER ROLES AT YOUNGER SCHOOL STUDENTS</p>
<p>Аннотация. Авторы рассматривают основные подходы к сущности понятия «гендерная роль» и проблему формирования гендерных ролей у детей младшего школьного возраста в процессе социализации личности. В статье описывается опытно-экспериментальная работа по формированию гендерных ролей учащихся начальной школы при реализации авторской программы социально-педагогической деятельности.</p> <p>Ключевые слова: гендерная роль, младший школьный возраст, диагностика формирования гендерных ролей, программа формирования гендерных ролей учащихся начальной школы</p>	<p>Abstract. The author considers the main approaches to essence of the concept "gender role" and problem of formation of gender roles at children of younger school age in the course of socialization of the personality. The article describes the experimental work on formation of gender roles of pupils of elementary school during implementation of the author's program of social pedagogical activity.</p> <p>Keywords: gender role, younger school age, diagnostics of formation of gender roles, program of formation of gender roles for pupils of elementary school</p>

Введение

В отечественной психолого-педагогической литературе раскрыты различные аспекты воспитания мальчиков и девочек такими учеными, как: Д.Н. Исаев, В.Е. Коган, Д.В. Колесов, Л.Г. Хрипкова, Т.А. Репина, В.В. Абраменкова, И.С. Кон, А.В. Мудрик, Л.И. Столярчук и др. Проблемы формирования гендерных идентичности и социализации младших школьников затронуты в работах О.А. Асадуллиной, Е.А. Гаффаровой, А.В. Дресвяниной, Е.Н. Каменской и др.

...

Основная часть

Понятием «гендерная роль» в последнее время все чаще оперируют в разных научных областях, но четкого определения данному феномену еще не дано. Гендерная роль предполагает дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей в зависимости от половой принадлежности [4].

...

Выводы

Проанализировав научные подходы к определению «гендерной роли», мы можем трактовать гендерные роли как набор ожидаемых образцов поведения для мужчин и женщин в соответствии с созданными обществом представлениями о «мужском» и «женском».

Литература

1. Ассадулина О.А. Проблема гендерной социализации современных младших школьников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 101–109.
2. Дресвянина А.В. Гендерный уклад начальной школы // Вестник северного (арктического) федерального университета: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 96–99.
3. Капустина Е.Ю. Гендерный стереотип // Настольная книга специалиста по социальной работе. Вологда: ВГПУ, 2014. С. 43–45.
4. Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М.: Дашков и К, 2010. 250 с.

References

1. Assadulina O.A. Problema gendernoi sotsializatsii sovremennykh mladshikh shkol'nikov [The problem of gender socialization of modern younger schoolchildren]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of Humanitarian Studies], 2011, no. 12, pp. 101–109.
2. Dresvianina A.V. Gendernyi ukhad nachal'noi shkoly [Gender way primary school]. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University: humanities and social sciences], 2009, no. 2, pp. 96–99.
3. Kapustina E.Iu. Gendernyi stereotip [Gender stereotypes]. *Nastol'naiia kniga spetsialista po sotsial'noi rabote* [Handbook expert in social work]. Vologda: VGPU, 2014, pp. 43–45.
4. Petrova R.G. *Genderologiya i feminologiya* [Gender and feminology]. Moscow: Dashkov i K, 2010. 250 p.

Сведения об авторе (на русском и английском языках)

Фамилия Имя Отчество / Familia Imia Otchestvo	Кандидат (аспирант, соискатель, докторант) ... наук, доцент, университет (город, где находится, страна) / PhD (Technology)...., ... моб. тел., дом.тел., e-mail. Аббревиатуры и сокращения для обозначения наименований кафедр, организаций не допускаются
Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan Ivanovich	Кандидат технических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия) / PhD (Technology), associate professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia) Моб. Тел.: +7-911-568-12-00 Дом. Тел.: (8202) 55-66-11 E-mail: ivan@yandex.ru

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- АРОНИНА Л.И., проф. (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)
- ВОЛОДИНА Н.В., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ГРУДЕВА Е.В., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ГУДИНА Т.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ДЕНИСОВА О.А., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ДОМАНСКИЙ Ю.В., д-р филол. наук (Тверской государственный университет)
- ЕРШОВ Е.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ИВАНОВА Н.В., д-р пед. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ИЛЬИНА Е.Н., д-р филол. наук, проф. (Вологодский государственный университет)
- КАРПОВ С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
- КОЖЕВНИКОВА И.А., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЛАВРОВА С.Ю., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЛУКИН С.В., д-р техн. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЛУЦЕВИЧ Л.Ф., д-р филол. наук, проф. (Варшавский университет, Республика Польша)
- ЛЮБОВ В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
- МЕРКЕР Э.Э., д-р техн. наук, проф. (Научно-исследовательский технологический университет «МИСиС»)
- МИЛОШЕВИЧ З., д-р соц. наук (Институт политических исследований, Белград)
- ОСИПОВ Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (Вологодский государственный университет)
- САБУРОВ Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (Арктический) федеральный университет)
- СЛАВОВ В.И., д-р техн. наук (Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники)
- СТЕНИН В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет)
- ШЕСТАКОВ Н.И., д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ, гл. редактор (Череповецкий государственный университет)
- ЦЕЙТЛИН С.Н., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена)
- ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора по направлению филологические науки (Череповецкий государственный университет)
- ЧЕРНЯК М.А., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена)
- ЧИРШЕВА Г.Н., д-р филол. наук, проф. (Череповецкий государственный университет)
- ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф., зам. гл. редактора по направлению педагогические науки (Череповецкий государственный университет)

Лицензия А №165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 13.12.17. Зак.

Выход в свет: 15.12.2017 г.

Тир. 300 (1 з-д – 45). Уч.-изд. л. 26. Усл. п. л. 36.

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

9 771994 063357 >